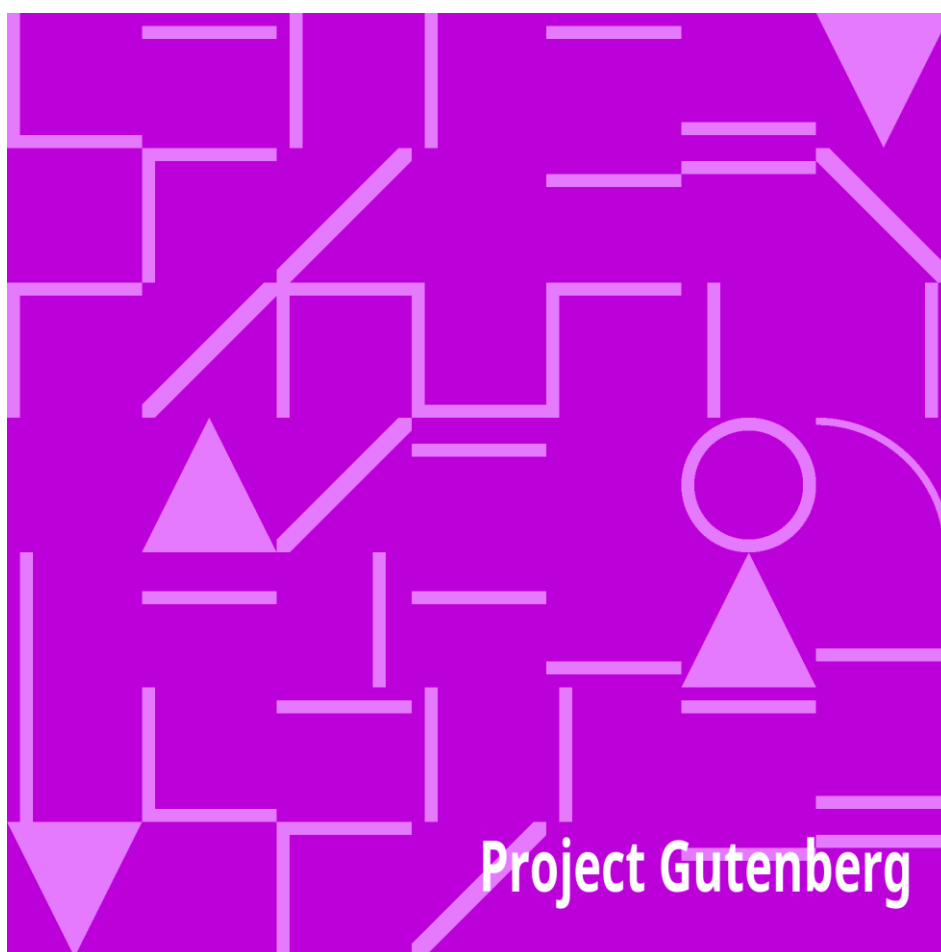

Письма о демонологии и колдовстве

Вальтер Скотт

Letters on Demonology and Witchcraft

Walter Scott and Henry Morley

The Project Gutenberg eBook of Letters on Demonology and Witchcraft.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Письма о демонологии и колдовстве

Автор: Вальтер Скотт

Редактор: Генри Морли

Дата выхода: 25 декабря 2004 [eBook #14461]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Etext Produced by Clare Boothby, Paul Moots and the PG Online Distributed
Команда корректоров

HTML-файл подготовлен Дэвидом Уиджером

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK LETTERS ON DEMONOLOGY AND WITCHCRAFT ***

ПИСЬМА О ДЕМОНОЛОГИИ И КОЛДОВСТВЕ

By Sir Walter Scott, Bart.

With An Introduction By Henry Morley LL.d., Professor Of English Literature At University College,
London

London George Routledge And Sons, Broadway, Ludgate Hill

1884

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

ПИСЬМО I.

ПОСЛЕСЛОВИЕ II.

ПОСЛЕСЛОВИЕ III.

ПОСЛЕСЛОВИЕ IV.

ГЛАВА V.

LETTER VI.

LETTER VII.

ПИСЬМО VIII.

ПИСЬМО IX.

ПОСЛЕСЛОВИЕ X.

ВВЕДЕНИЕ.

Письма сэра Вальтера Скотта о демонологии и колдовстве" стали его вкладом в серию книг, изданную Джоном Мюрреем, которая вышла между 1829 и 1847 годами и составила собрание из восьмидесяти томов, известное как "Семейная библиотека Мюррея". Серия планировалась для широкого распространения хорошей литературы в дешевых пятишиллинговых томах, и "Письма" Скотта, написанные и опубликованные в 1830 году, составили одну из ранних книг коллекции.

Общество распространения полезных знаний было основано осенью 1826 года, и Чарльзу Найту, который в то время разработал план создания Национальной библиотеки, в июле 1827 года было поручено руководить ее изданиями. Первые трактаты выходили в шестипенсовых номерах, раз в две недели. Британский альманах" и "Спутник альманаха" впервые появились в начале 1829 года. В том же году Чарльз Найт начал издавать свою

"Библиотеку занимательных знаний". Затем была начата "Семейная библиотека" Джона Мюррея, а весной 1832 года - в год принятия билля о реформе - продвижение цивилизации путем распространения хорошей литературы через дешевые журналы, а также дешевые книги, было направлено на создание "Эдинбургского журнала Чемберса" на севере, а в Лондоне - "Пенни мэгэзин".

Осенью того же 1832 года, 21 сентября, сэр Вальтер Скотт умер. Первое предупреждение о смерти пришло к нему в феврале 1830 года, когда с ним случился апоплексический удар. Его посетила старая подруга, которая принесла ему мемуары своего отца, которые он обещал переработать для печати. В течение получаса он, казалось, склонялся над бумагами за своим столом и читал их; затем он поднялся, пошатываясь, прошел в гостиную и упал, оставаясь безмолвным до тех пор, пока ему не пустили кровь. Продержавшись несколько недель на диете из пульса и воды, он настолько поправился, что для друзей вне семьи изменения в нем были мало заметны. В таком состоянии, через месяц после припадка, он писал эти "Письма", а также четвертую серию "Рассказов дедушки". Тогда началось то легкое размягчение мозга, которое наблюдается после смерти. Но прежний восторг от анекдота и мастерство рассказывания историй, которые в начале его карьеры заставили критика его "Пограничных менестрелей" сказать, что в них содержатся зародыши ста романов, еще сохранились. Она придала "Письмам о демонологии и колдовстве" Скотта то, что для нас сейчас является патетическим очарованием. То тут, то там небольшая путаница в мыслях или стиле представляет собой мерцание света, который все еще вспыхивает с прежним блеском. Здесь еще нет того явного намека на потерю власти, который мы обнаружим вскоре после этого в "Графе Роберте Парижском" и "Опасном замке", опубликованных в 1831 году в четвертой серии "Сказок моего хозяина", которыми он завершил труд своей жизни в возрасте шестидесяти лет.

Мильтон сказал, что тот, кто не теряет надежды писать хорошо в похвальных вещах, должен сам быть настоящим поэтом. Жизнь Скотта была настоящей поэмой, музыка которой звучала во всем, что он писал. Если в ранние годы сознание неограниченной производительной силы искушало его поспешить разбогатеть, чтобы, став основателем семьи, воплотить в жизнь идеал жизни, тронутый его собственным романтическим гением, то в его стремлении к наживе не было ни капли подлой алчности, а идеал жизни лишь приближал его ко всем обязанностям. Здравый смысл сэра Вальтера Скотта, по словам лорда Кокберна, был более замечательным даром, чем его гений. Когда в 1826 году ошибка в торговых связях с Джеймсом Баллантайном привела его к разорению, он отказался от банкротства, взял на себя бремя долга в 130 000 фунтов стерлингов и пожертвовал своей жизнью ради успешного стремления расплатиться со всеми. То, что осталось неоплаченным после его смерти, было погашено впоследствии благодаря успеху аннотированного издания его романов. Ни один рассказ о физической борьбе на поле боя не может быть столь героическим, как рассказ о завершении жизни Скотта, о пяти годах смертельной борьбы с невзгодами, одушевленной самым искренним чувством чести. Когда надвигалась гибель, он записал в своем дневнике: "Если дела в Лондоне пойдут плохо, волшебная палочка Неизвестного задрожит в его руках. Пиршество фантазии закончится вместе с чувством независимости. Он больше не будет с наслаждением просыпаться по утрам с яркими идеями в голове, спешить запечатлеть их на бумаге и ежемесячно подсчитывать их, как средства для насаждения таких страшилок и приобретения таких отходов; заменять мечты о вымысле другими перспективными видениями прогулок по

"Фонтаны и рощи без тропинок;
Места, которые любит бледная страсть".

Этого не может быть; но я могу заняться существенным хозяйством - то *есть* писать историю и тому подобные вещи". Именно под давлением подобных бедствий сэр Вальтер Скотт был вынужден заявить о себе как об авторе "Уэверли". Вскоре после этого умерла его жена, спутница жизни на протяжении тридцати лет. "Я был в ее комнате, - писал он в мае 1826 года, - в ней не было ни голоса, ни движения; на кровати виднелся гроб, но его убрали в другое место; все было аккуратно, как она любила, но все было спокойно - спокойно, как смерть. Я запомнил ее последний взгляд: она приподнялась в постели, попыталась перевести взгляд на меня и сказала с улыбкой: "У вас у всех такие меланхоличные лица". Это были последние слова, которые я когда-либо слышал от нее, и я поспешил уйти, так как она, казалось, не вполне осознавала свои слова; когда я вернулся, сразу же уйдя, она была в глубоком сне. Сейчас она еще глубже. Это случилось всего семь дней назад. Они обустроивают комнату смерти, которая долгое время была апартаментами супружеского счастья и обустройством которой (лучше, чем в более богатых домах) она так гордилась. Они ступают быстро и густо. Неделями можно было слышать шаги. Боже мой!"

Еще несколько лет его собственной битвы, пока тени ночи и смерти сгущались вокруг него, и они вновь соединились. В этих "Письмах о демонологии и колдовстве", адресованных его зятю и написанных под первым натиском смерти, прежняя доброта и здравый смысл, соединенные с прежним очарованием рассказа, стойко противостоят всем нападкам; и даже в последовавшем упадке, когда силы ума, вдохнувшего и до сих пор вдыхающего свое здоровье в умы десятков тысяч его соотечественников, были сломлены, ничто не могло сломить прекрасный дух любви и чести, который был в нем. Когда конец был уже совсем близок, зять, которому адресованы эти письма, застал его однажды утром совершенно в себе, хотя и в последней степени слабости: взгляд его был ясен и спокоен - все следы дикого огня бреда были погашены: "Локхарт, - сказал он, - у меня есть минутка, чтобы поговорить с тобой. Дорогой мой, будь хорошим человеком - добродетельным, религиозным - хорошим человеком. Ничто другое не даст тебе утешения, когда ты придешь сюда лежать".

Другой том этой Библиотеки может дать повод вспомнить Скотта в полуденный час его силы, спутника

"Непорочная Муза, которая готовит своих сыновей
К надежде и спокойному наслаждению".

Здесь мы вспоминаем лишь о том, как из мрачных туч последний свет его гения осветил путь тех, кто стремился сделать хлеб насущный интеллектуальной жизни - хорошие книги - общим для всех.

Г.М.

Февраль, 1884.

ПИСЬМА О ДЕМОНОЛОГИИ И КОЛДОВСТВЕ

Дж. Г. ЛОКХARTУ, эквиваленту.

ПИСЬМО I.

Происхождение общих мнений о демонологии среди человечества - Вера в бессмертие души является главным побуждением доверять ее периодическому появлению - Философские возражения против явления абстрактного духа, мало понятного вульгарным и невежественным людям - Ситуации возбужденных страстей, происходящих с человечеством, которые учат людей желать или ожидать сверхъестественных явлений - Они часто представляются спящим чувством - История сомнамбулизма - Влияние легковерия заразительно, так что люди будут доверять свидетельствам других, несмотря на свои собственные чувства - Примеры из "Истории истины" Берналя Диаса дель Кастильо, и из работ Патрика Уокера - кажущиеся свидетельства общения со сверхъестественным миром иногда обусловлены испорченным состоянием телесных органов - различие между этим расстройством и безумием, при котором органы сохраняют свой тонус, хотя разум теряется - Восстание чувств лунатика против течения его грез - Рассказы противоположного характера, в которых свидетельства глаз побеждали убеждения понимания - Пример лондонского человека удовольствий - О Николае, немецком книготорговце и философе - О пациенте д-ра Грегори - О выдающемся человеке. Грегори - о выдающемся шотландском юристе, скончавшемся - о том же самом ошибочном расстройстве - другие примеры, которые имеют лишь внезапную и кратковременную выносливость - пример Мопертюи - о прославленном современном поэте - приведенные случаи относятся главным образом к ложным впечатлениям на зрительном нерве; далее рассматриваются случаи на ухе - иллюзии осязания, испытываемые главным образом во сне - иллюзии вкуса и обоняния - итог аргументации.

Вы просили меня, мой дорогой друг, чтобы я помог "Семейной библиотеке" с историей темной главы в человеческой природе, которую растущая цивилизация всех хорошо образованных стран теперь почти стерла, хотя эта тема привлекала внимание в более древние времена их истории.

Среди многого, что я читал в прежние времена, несомненно, правда, что я много путешествовал в сумеречных областях суеверных размышлений. Много часов я потерял - "Только бы их долг был меньше!" - изучая как старые, так и более поздние повествования такого рода, и даже заглядывая в некоторые уголовные процессы, столь частые в ранние

времена, по вопросу, который наши отцы считали делом первостепенной важности. А опубликованные в последние годы мистером Питкэрном весьма любопытные выдержки из "Уголовных записей Шотландии", помимо исторической ценности, имеют такой характер, чтобы проиллюстрировать легковерие наших предков в подобных вопросах, что, ознакомившись с ними, я был вынужден вспомнить, что читал и думал по этому поводу в прежние времена.

Поскольку, однако, мои сведения носят лишь разнородный характер и я не претендую ни на борьбу с системами тех, кого я предвосхитил в рассмотрении этого предмета, ни на создание какой-либо новой собственной, моя цель состоит в том, чтобы после общего изложения демонологии и колдовства ограничиться рассказами о примечательных случаях и наблюдениями, которые естественно и легко вытекают из них; - в уверенности, что такой план, в настоящее время, скорее подойдет для страниц популярного сборника, чем попытка свести содержание многих сотен томов, от самого большого до самого маленького размера, к сокращению, которое, как бы ни было сжато, должно оставаться слишком большим для терпеливых сил читателя.

Несколько общих замечаний о природе демонологии и изначальной причине почти всеобщей веры в связь между смертными и существами, превосходящими их по силе и природе, не постижимой для человеческих органов, являются необходимым введением в предмет.

Общая, или, можно сказать, универсальная вера жителей земли в существование духов, отделенных от обременения и неспособностей тела, основана на сознании божества, которое говорит в наших грудях и демонстрирует всем людям, за исключением немногих, кто ожесточен к небесному голосу, что в нас есть часть божественной субстанции, которая не подвластна закону смерти и распада, но которая, когда тело уже не годится для своего обитания, будет искать свое место, как часовой, снятый со своего поста. Без помощи откровения нельзя надеяться, что простой земной разум сможет сформировать какое-либо рациональное или точное предположение относительно предназначения души при расставании с телом; но убежденность в существовании такой неразрушимой сущности, вера, выраженная поэтом в другом смысле: *Non omnis moriar*, должна предполагать существование многих миллионов духов, которые не были уничтожены, хотя и стали невидимыми для смертных, которые по-прежнему видят, слышат и воспринимают только с помощью несовершенных органов человечества. Вероятность может привести некоторых из наиболее рефлексирующих людей к предвидению состояния будущих наград и наказаний; так, люди, занимающиеся воспитанием глухонемых, обнаруживают, что их ученики, даже будучи отрезанными от всякого обучения обычными средствами, смогли сформировать из своих собственных, не требующих помощи догадок, некоторые идеи о существовании Божества и о различии между душой и телом - обстоятельство, доказывающее, насколько естественно эти истины возникают в человеческом разуме. Принцип, согласно которому они возникают, будучи преподанными или переданными, приводит к дальнейшим выводам.

Эти духи, находящиеся в состоянии отдельного существования, будучи признаны существующими, не являются, как можно предположить, безразличными к делам земной жизни, возможно, даже не способны влиять на них. Правда, в более развитом обществе философ может оспорить возможность отдельного появления развоплощенного духа, разве что в случае прямого чуда, к которому, будучи приостановкой законов природы, непосредственно созданной Создателем этих законов с определенной целью, не может быть применено никаких ограничений или сдерживающих факторов. Но при таком необходимом ограничении и исключении философы могли бы убедительно утверждать, что, когда душа

отделяется от тела, она теряет все те качества, которые делали ее, когда она была облечена в смертную форму, очевидной для органов своих собратьев. Абстрактная идея духа, безусловно, подразумевает, что у него нет ни вещества, ни формы, ни голоса, ни чего-либо, что могло бы сделать его присутствие видимым или ощутимым для человеческих способностей. Но эти скептические сомнения философов относительно возможности появления таких разделенных духов не возникают до тех пор, пока в стране не наступит определенная степень информированности, и даже тогда они охватывают лишь очень небольшую часть размышляющих и более осведомленных членов общества. Для большинства людей неоспоримый факт, что вокруг и даже среди нас существуют миллионы духов, кажется достаточным для того, чтобы поддержать веру в то, что они, по крайней мере в некоторых случаях, с помощью тех или иных средств могут общаться с миром человечества. Более многочисленная часть человечества не может сформировать в своем сознании идею о существовании духа умершего, не обладающего или не имеющего силы принять облик, который их знакомый носил при жизни, и не продвигает свои исследования дальше этого пункта.

Восторженные чувства впечатляющего и торжественного характера возникают как в частной, так и в общественной жизни и, кажется, добавляют зрительное свидетельство к общению между землей и миром за ее пределами. Например, сын, недавно лишившийся отца, чувствует приближение внезапного кризиса, в котором ему не терпится прибегнуть к его мудрому совету, или убитый горем муж искренне желает вновь увидеть ту форму, которой могила лишила его навеки, или, если использовать более мрачный, но очень распространенный пример, несчастного человека, окунувшего руку в кровь своего товарища, преследует опасение, что фантом убитого стоит у постели его убийцы. Во всех этих случаях или в одном из них кто усомнится в том, что воображение при благоприятном стечении обстоятельств способно вызвать к органу зрения призраки, которые существуют только в сознании тех, кому они явились?

Если мы добавим, что такое видение может произойти во время одного из тех оживленных снов, в которых пациент, за исключением одного предмета сильного впечатления, осознает или кажется, что осознает реальные детали окружающей его сцены, то это состояние дремоты, которое часто случается; Если, например, он настолько осознан, что знает, что лежит на своей кровати и окружен знакомой мебелью в то время, когда проявляется предполагаемое явление, то становится почти напрасным спорить с провидцем против реальности его сна, поскольку призрак, хотя сам по себе чисто причудливый, вставлен среди стольких обстоятельств, которые, по его мнению, должны быть истинными, не подлежащими сомнению или сомнению. То, что неоспоримо, становится в некотором роде гарантией реальности явления, в отношении которого в противном случае возникли бы сомнения. И если какое-либо событие, например смерть человека, который приснился, случайно произойдет, чтобы соответствовать характеру и времени явления, совпадение, хотя оно должно быть частым, поскольку наши сны обычно относятся к свершению того, что преследует наш разум в бодрствующем состоянии, и часто предвещают наиболее вероятные события, кажется совершенным, и цепь обстоятельств, касающихся доказательства, может не без оснований считаться полной. Такое сочетание, повторяем, должно происходить часто, если учесть, из чего состоят сны, как естественно они обращаются к тем, кто занимает наш ум в бодрствующем состоянии, и, когда солдат подвергается смерти в бою, когда моряк сталкивается с опасностями на море, когда на любимую жену или родственника нападает болезнь, как легко наше спящее воображение бросается к той самой точке тревоги, которую при пробуждении оно с содроганием предвидело. Число случаев, когда такие живые сны цитировались, утверждались и принимались как духовные сообщения, очень велико во все

времена; в невежественные времена, когда естественную причину сновидений неправильно понимают и путают с идеей мистицизма, оно гораздо больше. И все же, возможно, учитывая многие тысячи снов, которые ночь за ночью должны проходить через воображение человека, количество совпадений между видением и реальным событием меньше и менее примечательно, чем можно было бы ожидать при честном подсчете шансов. Но в странах, где такие предвещающие сны являются предметом внимания, число тех, которые, казалось, были соединены с соответствующим событием, достаточно велико, чтобы распространить очень общую веру в позитивное общение между живыми и мертвыми.

Сомнамбулизм и другие ночные обманы часто способствуют формированию таких *фантазмов*, которые образуются в этом среднем состоянии, между сном и бодрствованием. Один уважаемый человек, чья активная жизнь прошла в качестве хозяина и совладельца большого торгового судна в лиссабонской торговле, рассказал писателю о таком случае, который произошел под его наблюдением. Он лежал в Тежу, когда его повергло в сильное беспокойство и тревогу следующее происшествие и его последствия. Один из членов его команды был убит португальским наемным убийцей, и возникло сообщение, что призрак убитого преследует судно. Моряки обычно суеверны, и те, кто был на судне моего друга, не захотели оставаться на борту корабля; и было вполне вероятно, что они скорее дезертируют, чем вернутся в Англию с призраком в качестве пассажира. Чтобы предотвратить такое большое несчастье, капитан решил досконально изучить эту историю. Вскоре он обнаружил, что, хотя все притворялись, будто видели огни, слышали звуки и т. д., весомая часть доказательств лежит на показаниях одного из его товарищей, ирландца и католика, что могло усилить его склонность к суеверию, но в других отношениях правдивого, честного и здравомыслящего человека, которого капитан --- не имел оснований подозревать в намерении обмануть его. Он с глубочайшей убедительностью подтвердил капитану С---, что призрак убитого являлся ему почти каждую ночь, забирал его с места на судне и, по его собственному выражению, тревожил его жизнь. Он говорил об этом с таким ужасом, который свидетельствовал о реальности его бедствий и опасений. Капитан, не приведя в то время никаких доводов, в частном порядке решил наблюдать за движениями призрачного моряка ночью; один ли, или со свидетелем, я уже забыл. Когда судовой колокол пробил двенадцать, спящий встал, с ужасным и встревоженным лицом, и, зажегши свечу, направился в камбуз или поварню судна. Он сидел с открытыми глазами, уставившись перед собой, как на какой-то страшный предмет, который он видел с ужасом, но от которого не мог оторвать глаз. Через некоторое время он встал, взял жестяную банку или графин, наполнил ее водой, бормоча про себя, размешал в воде соль и рассыпал ее по камбузу. Наконец он глубоко вздохнул, как человек, освободившийся от тяжелой ноши, и, вернувшись в свой гамак, крепко уснул. На следующее утро призрачный человек рассказал обычную точную историю своего явления, дополнив ее тем, что призрак привел его на галеру, но по счастливой случайности, неизвестно как, он получил в свое распоряжение святую воду и сумел избавиться от непрошеного гостя. Затем прорицателю рассказали о реальных событиях этой ночи, причем так подробно, что он убедился, что был обманом своего воображения; он согласился с доводами командира, и сон, как это часто бывает в подобных случаях, больше не возвращался после того, как его самозванство было обнаружено. В этом случае мы видим, что возбужденное воображение действует на полусонные чувства, которые были достаточно разумны, чтобы дать ему понять, где он находится, но не настолько, чтобы верно судить об объектах, находящихся перед ним.

Но не только личная жизнь или тот характер мыслей, который был подавлен меланхолией мрачных предвидений будущего, располагает разум к фантазиям в середине дня или к ночным явлениям - состояние нетерпеливого беспокойства или возбужденного напряжения

одинаково благоприятно для потворства таким сверхъестественным сообщениям. Предвкушение сомнительной битвы со всеми сомнениями и неопределенностью ее события, а также убежденность в том, что она должна повлечь за собой его собственную судьбу и судьбу его страны, были достаточно сильны, чтобы вызвать перед встревоженным взором Брута призрак его убитого друга Сезара, в отношении смерти которого он, возможно, считал себя менее оправданным, чем в мартовские иды, поскольку вместо того, чтобы добиться свободы Рима, это событие привело лишь к возобновлению гражданских войн, а их результатом могло стать полное порабощение свободы. Не мудрено, что мужественный дух Марка Брута, окруженный мраком и одиночеством, отвлеченный, вероятно, воспоминаниями о доброте и благосклонности великого человека, которого он предал смерти, чтобы отомстить за обиды своей страны, хотя и за убийство своего собственного друга, должен был наконец предстать перед его глазами в образе того, кто называл себя его злым гением, и пообещать снова встретиться с ним в Филиппах. Собственные намерения Брута и его познания в военном искусстве, вероятно, давно убедили его в том, что решение гражданской войны должно произойти в этом месте или поблизости от него; и если допустить, что его собственное воображение снабдило эту часть его диалога с призраком, то нет ничего другого, что не могло бы быть создано в ярком сне или бодрствующей грезе, приближаясь по поглощающему и захватывающему характеру к обычной материи, из которой состоят сны. То, что Брут, хорошо знакомый с мнениями платоников, должен был без сомнений принять идею о том, что он видел реальное явление, и вряд ли стал бы тщательно исследовать предполагаемое видение, можно считать естественным; также естественно думать, что, хотя никто не видел фигуру, кроме него самого, его современники не были склонны проверять свидетельство столь выдающегося человека по строгим правилам перекрестного допроса и противоречивых доказательств, которые они могли бы счесть применимыми к другому человеку и менее достойному случаю.

Даже на поле смерти и во время смертельной схватки сильная вера вызывала те же чудеса, о которых мы до сих пор упоминали как о происходящих в одиночестве и среди тьмы; и те, кто сам находился на грани мира духов или занимался отправкой других в эти мрачные области, считали, что видят явления тех существ, которых их национальная мифология ассоциировала с подобными сценами. В такие моменты нерешенной битвы, среди насилия, спешки и путаницы мыслей, свойственных ситуации, древние полагали, что видят своих божеств, Кастора и Поллукса, сражающихся в фургоне за их поддержку; язычники-скандинавы видели Избирателей убитых; а католики не менее легко узнавали воинственных Святого Георгия или Святого Иакова на самом фронте борьбы, указывающих им путь к завоеванию. Такие явления, обычно видимые множеству людей, во все времена подкреплялись самыми убедительными свидетельствами. Когда общее чувство опасности и оживляющий всплеск энтузиазма действуют на чувства многих людей сразу, их умы находятся в естественном соответствии друг с другом, как это, как говорят, происходит со струнными инструментами, настроенными на одну и ту же частоту, из которых, когда играют на одном, аккорды других должны вибрировать в унисон с издаваемыми тонами. Если искусный или восторженный человек в пылу действия восклицает, что он видит явление романтического вида, о котором говорилось, его товарищи подхватывают эту идею с подражанием, и большинство готовы скорее пожертвовать убеждением собственных чувств, чем допустить, что они не были свидетелями той самой благоприятной эмблемы, из которой все черпают уверенность и надежду. Один воин подхватывает идею у другого; все одинаково стремятся признать настоящее чудо, и битва выигрывается еще до того, как обнаруживается ошибка. В таких случаях количество присутствующих, которое в противном случае привело бы к обнаружению заблуждения, становится средством его укрепления.

О такой склонности видеть столько сверхъестественного, сколько видят окружающие, или, другими словами, доверять скорее чужим глазам, чем своим собственным, мы можем взять на себя смелость привести два замечательных примера.

Первый - из "Правдивой истории" дона Берналя Диаса дель Кастильо, одного из спутников знаменитого Кортеса в его мексиканских завоеваниях. После рассказа о великой победе, одержанной с огромным трудом, он упоминает сообщение, вставленное в современную хронику Гомары, о том, что святой Яго явился на белом коне во время боя и повел своих любимых испанцев к победе. Очень любопытно наблюдать внутреннюю убежденность кастильского кавалера в том, что слух возник по ошибке, причину которой он объясняет на основании собственных наблюдений; в то же время он не осмеливается отрицать чудо. Честный конкистадор признается, что сам он не видел этого оживляющего видения; более того, он видел отдельного кавалериста по имени Франсиско де Морла, сидящего на каштановой лошади и ожесточенно сражающегося в том самом месте, где, как говорят, явился святой Иаков. Но вместо того чтобы сделать необходимый вывод, благочестивый конкистадор восклицает: "Грешник я, что же я такое, чтобы видеть благословенного апостола!"

Другой пример заразительного характера суеверий встречается в одной из шотландских книг, и можно не сомневаться, что его первое происхождение связано с необычным появлением *aurore borealis*, или северного сияния, которое, похоже, не наблюдалось в Шотландии настолько часто, чтобы считаться обычным и привычным атмосферным явлением до начала восемнадцатого века. Этот отрывок поразителен и любопытен, поскольку рассказчик, Питер Уокер, хотя и был энтузиастом, но человеком состоятельным, и даже не намекает на то, что видел чудеса, реальность которых он бессовестно принимает на веру по свидетельству других, чьим глазам он доверял больше, чем своим собственным. Обращение скептически настроенного джентльмена, о котором он говорит, весьма показательно для народного легковерия, увлеченного энтузиазмом или самозванством на основании свидетельств окружающих, и сразу же демонстрирует несовершенство такого общего свидетельства и легкость, с которой оно приобретает. Поскольку общее возбуждение момента побуждает даже более хладнокровных и рассудительных присутствующих подхватывать идеи и вторить восклицаниям большинства, которое с самого начала рассматривало небесное явление как сверхъестественное оружие-щепоть, удерживаемое с целью знамения и предупреждения о грядущих гражданских войнах.

"В 1686 году, в июне и июле, - рассказывает честный летописец, - многие еще живые могут засвидетельствовать, что около Кроссфордской лодки, в двух милях под Ланарком, особенно у Мейнса, на воде Клайда, несколько раз после полудня собиралось множество людей, из которых сыпались чепцы, шляпы, пистолеты и мечи, покрывавшие деревья и землю; роты людей в оружии, марширующие в порядке на берегу воды; роты встречались с ротами, проходили одна через другую, а затем все падали на землю и исчезали; тут же появлялись другие роты, марширующие тем же путем. Я ходил туда три дня подряд, и, как я заметил, две трети людей, которые были вместе, видели, а одна треть не видела; и *хотя я ничего не мог видеть*, на тех, кто видел, был такой испуг и трепет, что это было заметно всем из тех, кто не видел. Рядом со мной стоял джентльмен, который говорил так, как говорят многие джентльмены и другие люди: "Стая проклятых ведьм и колдунов, обладающих вторым зрением! Дьявол побери, я не вижу"; и тут же в его лице произошла заметная перемена. С таким же страхом и трепетом, как и все женщины, которых я там видел, он воскликнул: "Все, кто не видит, ничего не говорите, ибо я убеждаю вас, что это само собой разумеется и заметно всем, кто не ослеп". А те, кто видел, рассказывали, какие работы (*то есть* замки)

были у ружей, их длина и ширина, и какие рукоятки были у шпаг, маленькие или трехствольные, или горские гарды, и какие узлы закрывали чепцы, черные или синие; и те, кто видел их там, всякий раз, когда они выходили за границу, видели, как чепец и шпага падали на пути "¹.

Примечание-->

1 (обратно)

["Жизнь" Уокера, Эдинбург, 1827, т. i., с. xxxvi. Очевидно, что честный Питер поверил в явление этого боевого снаряда по принципу ужаса Партриджа перед призраком Гамлета - не потому, что сам боялся, а потому, что Гаррик проявлял столь явные признаки ужаса].

Это необычное явление, в которое поверило множество людей, хотя только две трети из них видели то, что, если оно было реальным, должно было быть одинаково очевидно для всех, можно сравнить с подвигом юмориста, который расположился в позе изумления, приковав взгляд к известному бронзовому льву, украшающему фасад Нортумберленд-Хауса на Стрэнде, и, привлекая внимание тех, кто смотрел на него, бормоча: "Клянусь небом, он виляет! Он снова виляет!", сумел за несколько минут запрудить всю улицу огромной толпой, одни полагая, что видели, как лев Перси виляет хвостом, другие ожидали, что станут свидетелями того же явления.

В таких случаях, как мы уже упоминали, мы предполагали, что наблюдатель призраков полностью владел своими обычными способностями восприятия, за исключением сновидцев, у которых они могли быть затуманены временной дремотой, а возможность исправления капризов воображения усложнялась отсутствием обычного обращения к показаниям телесных органов чувств. В других отношениях их кровь билась умеренно, они обладали обычной способностью устанавливать истинность или ложность внешних проявлений путем обращения к органу зрения. Однако, к сожалению, как теперь повсеместно известно и признано, существует не одно известное специалистам расстройство, одним из важных симптомов которого является предрасположенность к видениям.

Это страшное расстройство не является безумием, хотя оно в некоторой степени связано с этой самой ужасной из болезней и может, при многих конституциях, быть средством для ее возникновения, и хотя такие галлюцинации присущи и тому, и другому. Разница, как я полагаю, заключается в том, что в случаях сумасшествия главным образом страдает разум пациента, в то время как органы чувств, или органическая система, тщетно предлагают лунатику свои решительные свидетельства против фантазий ненормального воображения. Возможно, природу этого столкновения - между расстроенным воображением и органами чувств, обладающими обычной точностью, - нельзя описать лучше, чем в смущении, которое выразил один безумный пациент, содержащийся в эдинбургском лазарете. Болезнь этого бедняги приняла веселый оборот. Дом, в его представлении, был его собственным, и он старался объяснить все, что казалось несовместимым с его воображаемым правом собственности. В нем было много пациентов, но это объяснялось благосклонностью его натуры, которая любила видеть облегчение страданий. Он мало бывал за границей, вернее, не бывал, но его привычки носили домашний и скорее сидячий характер. Компаний у него

было немного, но его ежедневно навещали первые лица знаменитой медицинской школы этого города, и поэтому он не мог сильно нуждаться в обществе. При таком количестве мнимых удобств вокруг него, при таком количестве видений богатства и великолепия лишь одна вещь нарушала покой бедного оптимиста, и она действительно привела бы в замешательство большинство *bons vivants*. "Он был любопытен, - говорит он, - в выборе стола, в выборе поваров, каждый день у него был обед из трех обычных блюд и десерта; и все же, так или иначе, все, что он ел, *имело вкус каши*". Эта дилемма не могла не удивить друга, которому бедный пациент сообщил о ней, поскольку он знал, что сумасшедший не ел ничего, кроме этой простой пищи, во время любого из своих приемов. Случай был очевиден. Болезнь заключалась в крайней живости воображения пациента, заблуждавшегося в других случаях, но не обладавшего достаточной силой, чтобы противостоять честному свидетельству его желудка и нёба, которые, подобно братьям лорда Питера в "Сказке о бадье", были возмущены попыткой навязать им вареную овсянку вместо такого банкета, который Уде мог бы устроить, когда бы пэры принимали в нем участие. Таким образом, перед нами один из примеров настоящего безумия, когда чувство вкуса контролировало и пыталось сдержать идеальную гипотезу, принятую ненормальным воображением. Но расстройство, на которое я уже ссылался, носит исключительно телесный характер и заключается главным образом в заболевании органов зрения, которые представляют пациенту множество призраков или явлений, не имеющих реального существования. Это болезнь той же природы, которая делает многих людей неспособными различать цвета; только пациенты идут на шаг дальше и извращают внешнюю форму объектов. Поэтому в их случае, в отличие от маньяка, не разум, или, скорее, воображение, навязывает и подавляет свидетельства органов чувств, а чувство зрения (или слуха), которое предаёт свой долг и передает ложные идеи здравому рассудку.

Не один знаток медицины, подтвердивший существование этой мучительной жалобы, согласился с тем, что она действительно имеет место и вызывается различными причинами. Наиболее частый источник этого недуга - рассеянные и невоздержанные привычки тех, кто в результате непрерывного опьянения становится подвержен тому, что в народе называют "голубыми дьяволами". Примеры этого психического расстройства могут быть известны большинству, кто хоть раз в жизни жил в обществе, где крепкие напитки были обычным пороком. Радостные видения, навеваемые опьянением при первом приобретении привычки, со временем исчезают, а на смену им приходят страшные впечатления и сцены, которые разрушают спокойствие несчастного дебошира. Явления самого неприятного вида становятся его спутниками в уединении и вторгаются даже в часы его пребывания в обществе: и когда, благодаря изменению привычек, разум очищается от этих страшных идей, требуется лишь малейшее возобновление связи, чтобы вернуть раскаявшемуся распутнику весь прилив страданий.

Один джентльмен, связанный со страдальцем, рассказал автору следующий случай. A young man of fortune, who had led what is called so gay a life as considerably to injure both his health and fortune, was at length obliged to consult the physician upon the means of restoring, at least, the former. Одной из главных его жалоб было частое присутствие неких призраков, напоминающих группу фигур, одетых в зеленое, которые исполняли в его гостиной необычный танец, свидетелем которого он был вынужден быть, хотя, к своей досаде, знал, что весь *кордебалет* существовал только в его воображении. Врач сразу же сообщил ему, что он жил в городе слишком долго и слишком быстро, чтобы не потребовать перехода к более здоровому и естественному образу жизни. Поэтому он прописал мягкий курс лекарств, но настоятельно рекомендовал пациенту удалиться в свой собственный дом за городом, соблюдать умеренную диету и ранний час, регулярно заниматься физическими

упражнениями, по тому же принципу избегая усталости, и заверил его, что таким образом он может распрощаться с черными духами и белыми, синими, зелеными и серыми со всеми их причудами. Пациент последовал совету и процветал. Через месяц врач получил от него благодарственное письмо с признанием успеха его лечения. Зеленые гоблины исчезли, а вместе с ними и неприятные эмоции, которые вызывали их визиты, и пациент распорядился обставить и продать свой городской дом, а мебель отправить в загородную резиденцию, где он собирался в будущем провести всю свою жизнь, не подвергаясь городским соблазнам. Можно было бы предположить, что это хорошо продуманный план оздоровления. Но, увы, не успели расставить мебель лондонской гостиной в галерее старого особняка, как прежний бред вернулся в полной силе: зеленые *фигуранты*, которых развращенное воображение пациента так долго ассоциировало с этими движимыми вещами, прибежали, резвясь, сопровождать их, восклицая с ликованием, как будто страдалец должен был радоваться их появлению: "Вот мы все здесь, вот мы все здесь!" Провидец, если я правильно помню, был настолько потрясен их появлением, что удалился за границу, отчаявшись, что хоть какая-то часть Британии сможет укрыть его от ежедневных преследований этого домашнего балета.

Есть основания полагать, что такие случаи многочисленны, и что они могут возникать не только из-за слабости желудка, вызванной избытком вина или спиртных напитков, что часто сказывается на состоянии глаз и зрения, но и потому, что в сознании привычно преобладает череда фантастических видений, являющихся следствием частого опьянения; и поэтому оно, подобно вывихнутому суставу, склонно снова ошибаться, даже когда причиной нарушения является другая причина.

Легко предположить, что привычное возбуждение с помощью любого другого одурманивающего препарата, как опиум или его различные заменители, должно подвергать тех, кто практикует этот опасный обычай, тем же неудобствам. Очень частое использование закиси азота, которая так сильно воздействует на чувства и вызывает короткое, но необычное состояние экстаза, вероятно, приведет к этому виду расстройства. Но есть и множество других причин, которые, по мнению медиков, сопровождаются тем же симптомом - воплощением перед глазами пациента воображаемых иллюзий, которые не видны никому другому. Это преследование спектральных обманов наблюдается и в тех случаях, когда в качестве причины не могут быть указаны никакие излишества пациента, вызванные, несомненно, нарушением состояния крови или нервной системы.

Ученый и остроумный доктор Ферриар из Манчестера был первым, кто представил английской публике ведущий случай, как его можно назвать, в этом отделе, а именно Mons. Николая, знаменитого берлинского книготорговца. Этот джентльмен был человеком не только книжным, но и литературным, и у него хватило морального мужества представить Берлинскому философскому обществу отчет о своих собственных страданиях, вызванных тем, что в результате болезни он подвергся ряду спектральных иллюзий. Основные обстоятельства этого дела можно изложить очень кратко, поскольку они неоднократно доводились до сведения публики, и на них настаивают доктор Ферриар, доктор Хибберт и другие, кто взял демонологию в качестве предмета изучения. Николай отдаленно связывает свою болезнь с рядом неприятных происшествий, случившихся с ним в начале 1791 года. К подавленному состоянию духа, вызванному этими неприятными событиями, добавились последствия пренебрежения курсом периодических кровопусканий, которые он привык соблюдать. Такое состояние здоровья привело к склонности *видеть фантазмы*, которые посещали, или, правильнее сказать, часто посещали, апартаменты ученого книготорговца, представляя толпы людей, которые двигались и действовали перед ним, а может быть, даже говорили с ним и обращались к нему. Эти фантомы не представляли для воображения

прорицателя ничего неприятного ни по виду, ни по выражению, и пациент обладал слишком большой твердостью, чтобы их присутствие могло вызвать у него что-то иное, кроме любопытства, поскольку с самого начала и до конца расстройства он был убежден, что эти необычные эффекты - всего лишь симптомы состояния его здоровья, и ни в каком другом отношении не рассматривал их как предмет опасений. Через некоторое время после приема лекарств фантомы стали менее четкими по очертаниям, менее яркими по окраске, поблекли, как бы потускнели на глазах пациента, и в конце концов полностью исчезли.

Случай Николая, несомненно, относится ко многим, чья любовь к науке не смогла преодолеть естественное нежелание сообщать общественности подробности, связанные с посещением столь специфической болезни. В том, что такие болезни случались и заканчивались фатально, сомневаться не приходится, хотя ни в коем случае нельзя утверждать, что симптом, имеющий значение для нашего сегодняшнего обсуждения, во всех случаях возникал по одной и той же причине.

Доктор Хибберт, который наиболее изобретательно, а также философски подошел к этому вопросу, рассмотрел его и с медицинской точки зрения, с научностью, на которую мы не претендуем, и точностью деталей, до которой наше поверхностное исследование не дает нам возможности расширить себя.

Посещение спектральных феноменов описывается этим ученым джентльменом как сопутствующее различным жалобам; В частности, он упоминает, что этот симптом возникает не только при плеврите, как в случае с ученым пруссаком, о котором мы только что говорили, но и является частым гектическим симптомом, часто сопутствует лихорадочным и воспалительным заболеваниям, нередко сопровождается воспалением мозга, сопутствует также повышенной нервной возбудимости, в равной степени связан с ипохондрией и, наконец, в некоторых случаях объединяется с подагрой, а в других - с эффектом возбуждения, вызванным несколькими газами. Во всех этих случаях, похоже, присутствует болезненная степень чувствительности, с которой этот симптом готов вступить в союз, и которая, хотя и неточна как медицинское определение, может считаться достаточно описательной для одного характера различных видов расстройств, с которыми этот болезненный симптом может быть найден связанным.

Очень необычная и интересная иллюстрация таких сочетаний, как описал доктор Хибберт, спектральной иллюзии с реальным расстройством, причем опасным, часто рассказывалась в обществе покойным ученым и опытным доктором Грегори из Эдинбурга, и иногда, я полагаю, цитировалась им в его лекциях. По воспоминаниям автора, рассказ был следующим: пациент доктора Грегори, человек, как можно понять, определенного ранга, обратившись к доктору за советом, изложил свои жалобы следующим необычным образом. "Я имею привычку, - сказал он, - ужинать в пять часов, и ровно в шесть часов я подвергаюсь следующим болезненным посещениям. Дверь в комнату, даже когда я был достаточно слаб, чтобы запереть ее на засов, что я иногда делал, распаивается; входит старая карга, похожая на одну из тех, что преследуют пустошь Форреса, с хмурым и разгневанным лицом, подходит прямо ко мне со всеми проявлениями злобы и негодования, которые могли бы характеризовать ту, что преследовала купца Абуду в восточной сказке; Она бросается на меня, что-то говорит, но так торопливо, что я не могу понять смысла, а затем наносит мне сильный удар своим посохом. Я падаю со стула в обморок, который длится то долго, то коротко. Повторению этого видения я подвергаюсь ежедневно. Такова моя новая и необычная жалоба". Доктор сразу же спросил, приглашал ли его пациент кого-нибудь посидеть с ним, когда ожидал такого визита. Ему ответили отрицательно. По его словам, характер жалобы был настолько необычен, что ее могли списать на фантазию или даже на

психическое расстройство, поэтому он не решался никому сообщать об этом обстоятельстве. "Тогда, - сказал доктор, - с вашего позволения, я пообедаю с вами сегодня, *тет-а-тет*, и мы посмотрим, не решится ли ваша злобная старуха присоединиться к нашей компании". Пациент принял предложение с надеждой и благодарностью, поскольку ожидал скорее насмешек, чем сочувствия. Они встретились за ужином, и доктор Грегори, заподозрив у себя какое-то нервное расстройство, приложил все свои силы в разговоре, который, как известно, был самым разнообразным и блестящим, чтобы занять внимание хозяина и не дать ему задуматься о приближении рокового часа, которого он привык ожидать с таким ужасом. Задуманное удалось ему лучше, чем он надеялся. Час шесть наступил почти незаметно, и можно было надеяться, что он пройдет без каких-либо дурных последствий; но не прошло и минуты, как хозяин дома с тревогой воскликнул: "Опять эта карга!" - и упал в кресло в обмороке, как он сам описал. Врач пустил ему кровь и убедился, что периодические толчки, на которые жаловался его пациент, вызваны склонностью к апоплексии.

Призрак с костылем был лишь разновидностью механизма, подобного тому, которым фантазия снабжает расстройство, называемое *Ephialtes*, или кошмар, или любое другое внешнее впечатление на наши органы во сне, которое болезненное воображение пациента может ввести в сон, предшествующий обмороку. В кошмаре ощущается гнет и удушье, и наше воображение тут же придумывает призрак, который ложится нам на грудь. Подобным образом можно заметить, что любой внезапный шум, который трущобник слышит, не будучи фактически разбуженным им, любое случайное прикосновение к его персоне, происходящее таким же образом, мгновенно переносится в его сон и приспособляется к тону текущей мысли, какой бы она ни была; и нет ничего более примечательного, чем быстрота, с которой воображение дает полное объяснение прерыванию в соответствии с предыдущей вереницей идей, выраженных во сне, даже если для этого отводится лишь мгновение времени. Например, если снится дуэль, то внешний звук в мгновение ока превращается в выстрел из пистолета; если во сне оратор произносит речь, то звук превращается в аплодисменты его предполагаемой аудитории; если сновидец бродит среди предполагаемых руин, то шум превращается в падение какой-то части массы. Короче говоря, система объяснения принимается во время сна с такой чрезвычайной быстротой, что, если предположить, что вторгшийся сигнал тревоги был первым призывом какого-то человека разбудить сновидца, объяснение, хотя и требующее некоторого процесса аргументации или дедукции, обычно формируется и совершенствуется до того, как второе усилие говорящего возвращает сновидца к миру бодрствования и его реалиям. Столь быстрая и интуитивная последовательность идей во сне напоминает нам видение пророка Махоммеда, в котором он увидел все чудеса рая и ада, хотя кувшин с водой, упавший, когда начался его экстаз, не расплескал свое содержимое, когда он вернулся к обычному существованию.

Второй, не менее примечательный случай, был сообщен автору медиком, под наблюдение которого он попал, но который, разумеется, пожелал сохранить в тайне имя героя столь необычной истории. О друге, которым были подтверждены эти факты, я могу лишь сказать, что если бы я был вправе назвать его имя, то звание, которое он занимает в своей профессии, а также его достижения в науке и философии, неоспоримо претендуют на самое безоговорочное доверие.

Этому джентльмену посчастливилось присутствовать при болезни человека, ныне давно умершего, который при жизни занимал, как я понимаю, высокое положение в одном из отделов юриспруденции, где часто распоряжался чужим имуществом по своему усмотрению, и чье поведение, таким образом, было открыто для всеобщего наблюдения, в

течение многих лет носило характер человека необычайной стойкости, здравого смысла и честности. Во время визитов моего друга он находился в основном в своей комнате для больных, иногда ложился в постель, но время от времени занимался делами и напрягал свой ум, по-видимому, со всей своей обычной силой и энергией для ведения порученных ему важных дел; для поверхностного наблюдателя в его поведении не было ничего такого, что могло бы свидетельствовать о колебаниях рассудка или подавленности ума. Внешние симптомы его недомогания не свидетельствовали об острой или тревожной болезни. Но замедление пульса, отсутствие аппетита, затрудненное пищеварение и постоянная подавленность духа, казалось, проистекали из какой-то скрытой причины, которую пациент был намерен утаить. Глубокая мрачность несчастного джентльмена, смущение, которое он не мог скрыть от своего дружелюбного врача, краткость и явная скованность, с которой он отвечал на вопросы своего медицинского советника, побудили моего друга прибегнуть к другим методам для продолжения своих расспросов. Он обратился к родственникам страдальца, чтобы узнать, если возможно, источник той тайной скорби, которая грызла сердце и высасывала жизненную кровь его несчастного пациента. Обратившиеся, предварительно побеседовав, отрицали всякую осведомленность о причинах тяжелого бремени, которое явно тяготило их родственника. Насколько им было известно - а они полагали, что их вряд ли удастся обмануть, - его мирские дела были благополучны; не было ни одной семейной утраты, которая могла бы сопровождаться столь упорным страданием; нельзя было предположить, что к его возрасту применимы какие-либо пути привязанности, и никакое чувство сильных угрызений совести не могло соответствовать его характеру. В конце концов джентльмен-медик прибег к серьезному спору с самим инвалидом и убедил его в глупости посвятить себя томительной и меланхоличной смерти, вместо того чтобы рассказать о страдании, которое его изматывало. Он особенно настаивал на том, что наносит вред своему характеру, заставляя предполагать, что тайной причиной его уныния и его последствий было нечто слишком скандальное или вопиющее, чтобы быть известным, завещая таким образом своей семье подозрительное и обесчещенное имя и оставляя память, с которой может быть связано представление о вине, в которой преступник умер, не признавшись. Пациент, более тронутый этой апелляцией, чем любой другой, которая до сих пор приводилась, выразил желание откровенно поговорить с доктором. Все остальные были удалены, а дверь больничной палаты надежно прикрыта, и тогда он начал свою исповедь следующим образом

"Вы не можете, мой дорогой друг, лучше меня сознавать, что я нахожусь при смерти под гнетом смертельной болезни, которая уничтожает мои жизненные силы; но вы не можете понять природу моей жалобы и способ, которым она действует на меня, и, боюсь, если бы вы это сделали, ваше усердие и умение не помогли бы мне избавиться от нее." Возможно, - сказал врач, - что мое мастерство может не соответствовать моему желанию служить вам; однако медицинская наука обладает многими ресурсами, которые те, кто не знаком с ее возможностями, никогда не смогут оценить. Но пока вы не расскажете мне о симптомах ваших жалоб, никто из нас не сможет сказать, что может быть в моих силах, а что - нет. "Я могу ответить вам, - ответил пациент, - что мой случай не является необычным, поскольку мы читали о нем в знаменитом романе Ле Сажа. Вы, несомненно, помните болезнь, от которой, как утверждается, умер герцог д'Оливарес? "От идеи, - ответил джентльмен-медик, - что его преследовало привидение, реальному существованию которого он не придавал никакого значения, но, тем не менее, умер, потому что был побежден и разбит сердцем его воображаемым присутствием". "Я, мой дорогой доктор, - сказал больной, - нахожусь именно в таком случае; присутствие преследующего видения настолько болезненно и отвратительно, что мой разум совершенно не в состоянии бороться с последствиями моего болезненного воображения, и я чувствую, что умираю, став жертвой воображаемой болезни". Джентльмен-

медик с тревогой выслушал заявление своего пациента и, благоразумно избегая противоречить предвзятым фантазиям больного, довольствовался более детальным выяснением природы видения, которым тот себя преследовал, и истории того, как столь необычная болезнь овладела его воображением, защищенным, как казалось, сильными способностями разума от столь нерегулярного нападения. В ответ больной заявил, что болезнь развивается постепенно, и поначалу она не была страшной или даже неприятной. Чтобы проиллюстрировать это, он привел следующий рассказ о развитии своей болезни: "Мои видения, - сказал он.

"Мои видения, - сказал он, - начались два или три года назад, когда я обнаружил, что меня время от времени смущает присутствие большой кошки, которая появлялась и исчезала, я не мог точно сказать, как именно, пока, наконец, правда не была навязана мне, и я был вынужден рассматривать ее не как домашнюю кошку, а как пузырь стихии, который не имел существования, кроме как в моих ненормальных зрительных органах или развращенном воображении. И все же у меня не было того положительного неприятия этого животного, которое испытывал покойный галантный вождь горцев, замеченный в том, что он менял все цвета своего плеча, если в комнате с ним случайно оказывалась кошка, хотя он ее и не видел. Напротив, я довольно дружелюбно отношусь к кошкам и с таким спокойствием переношу присутствие моего воображаемого спутника, что он стал мне почти безразличен, как вдруг в течение нескольких месяцев его сменил призрак более важного рода или, по крайней мере, более внушительного вида. Это было не что иное, как явление джентльмена-судьи, одетого так, словно он ожидал лорда-лейтенанта Ирландии, лорда-верховного комиссара Кирка или любого другого, кто несет на своем челе звание и печать делегированного суверенитета.

"Этот человек, одетый в придворное платье, с сумкой и шпагой, в тамбурном жилете и шляпе, скользил рядом со мной, как призрак Бо Нэша; то в моем доме, то в другом, он поднимался по лестнице раньше меня, как бы для того, чтобы объявить мне о приходе в гостиную, а иногда, казалось, смешивался с компанией, хотя было достаточно очевидно, что они не знали о его присутствии, и только я один был в курсе тех визионерских почестей, которые это воображаемое существо, казалось, хотело мне оказать. Этот причудливый фантом не произвел на меня особого впечатления, хотя и заставил меня усомниться в природе моего расстройства и встревожиться тем, как оно может отразиться на моем интеллекте. Но и эта модификация моей болезни имела свой срок. Через несколько месяцев фантом джентльмена-сыщика больше не появлялся, а на смену ему пришел ужасный для зрения и мучительный для воображения фантом, который был не чем иным, как образом самой смерти - явлением *скелета*. "В одиночестве или в компании, - говорит несчастный инвалид, - присутствие этого последнего фантома не покидает меня. Напрасно я сотни раз повторяю себе, что это не реальность, а всего лишь образ, вызванный болезненной остротой моего возбужденного воображения и ненормальными органами зрения. Но что толку от таких размышлений, когда перед глазами эмблема и предвестие смертности, а сам я, пусть и в воображении, чувствую себя спутником фантома, изображающего жуткого обитателя могилы, даже пока я еще дышу на земле? Ни наука, ни философия, ни даже религия не знают лекарства от такого расстройства; и я чувствую, что умру жертвой столь меланхоличной болезни, хотя и не верю в реальность призрака, который она ставит передо мной".

Из этих подробностей врач с ужасом понял, насколько прочно это видение закрепилось в воображении его пациента. Он настойчиво допытывался у больного, лежавшего в постели, об обстоятельствах появления фантома, надеясь, что сможет привести его, как здравомыслящего человека, к таким противоречиям и несоответствиям, которые заставят

его здравый смысл, казавшийся неокрепшим, так сильно проявиться, что он сможет успешно бороться с фантастическим расстройством, вызвавшим столь роковые последствия. "Значит, этот скелет, - сказал доктор, - кажется вам постоянно попадающим на глаза?" "Это моя судьба, к несчастью, - ответил инвалид, - всегда видеть его". "Тогда, как я понимаю, - продолжал врач, - сейчас оно представляется вашему воображению?" "Для моего воображения это, конечно, так", - ответил больной. "А в какой части палаты вы сейчас представляете себе это явление?" - спросил врач. "Непосредственно у изножья моей кровати. Если оставить занавески немного приоткрытыми, - ответил инвалид, - скелет, как мне кажется, оказывается между ними и заполняет собой свободное пространство". "Вы говорите, что осознали, что это галлюцинация, - сказал его друг, - но есть ли у вас твердость, чтобы убедить себя в истинности этого? Можешь ли ты набраться храбрости, чтобы встать и поместить себя на место, которое кажется занятым, и убедить себя в иллюзии?" Бедняга вздохнул и отрицательно покачал головой. "Что ж, - сказал доктор, - попробуем провести эксперимент иначе". Он поднялся со стула у кровати и, расположившись между двумя полузадернутыми занавесками у изножья кровати, указанными как место, занимаемое призраком, спросил, виден ли еще призрак? "Не совсем, - ответил пациент, - потому что между ним и мной находится ваша персона; но я вижу его череп, выглядывающий из-за вашего плеча".

Утверждается, что ученый человек, несмотря на философию, немедленно приступил к работе, получив ответ, в котором с такой точностью было указано, что идеальный призрак находится рядом с его собственной персоной. Он прибегнул к другим способам исследования и лечения, но с таким же безразличным успехом. Пациент погружался во все более глубокое уныние и умер в том же душевном расстройстве, в котором провел последние месяцы своей жизни; и его случай остается меланхоличным примером того, что воображение способно убить тело, даже когда его фантастические ужасы не могут победить рассудок несчастных людей, которые страдают от них. В данном случае пациент утонул в своем недуге; и обстоятельства его необычного расстройства остались скрытыми, но после смерти и последней болезни он не утратил своей заслуженной репутации благоразумия и проницательности, которая сопутствовала ему на протяжении всей его жизни.

Если добавить эти два примечательных случая к общему ряду аналогичных фактов, приведенных Ферриаром, Хиббертом и другими авторами, которые недавно рассматривали эту тему, то, как нам кажется, можно почти не сомневаться в том, что внешние органы могут по разным причинам настолько измениться, что будут создавать ложные представления для разума; И что в таких случаях люди, в прямом смысле слова, действительно *видят* пустые и ложные формы и *слышат* идеальные звуки, которые в более примитивном состоянии общества достаточно естественно отнести к действию демонов или развоплощенных духов. В таких несчастных случаях пациент интеллектуально находится в состоянии генерала, чьи шпионы были подкуплены врагом, и который должен заняться трудной и деликатной задачей проверки и исправления, с помощью своих собственных аргументов, вероятности сообщений, которые слишком противоречивы, чтобы им можно было доверять.

Но из этого предположения есть следствие, которое заслуживает внимания. Тот же самый вид органического нарушения, который, как постоянная привычка его нарушенного зрения, представил субъекту нашего последнего рассказа последовательные явления его кота, его джентльмена-мудреца и рокового скелета, может на короткое или почти мгновенное время занять зрение людей, в остальном совершенно ясно видящих. Таким образом, органам представляется временный обман, который, когда он возникает у людей сильных и образованных, поддается проверке, и их характер, будучи однажды исследованным,

истинный занимает место нереального представления. Но в невежественные времена те случаи, когда любой объект искажается, будь то благодаря действию органов чувств, или воображения, или совместному влиянию того и другого, в течение сколь угодно короткого промежутка времени, могут быть приняты как прямое доказательство сверхъестественного явления; доказательство тем более трудно оспорить, если фантом был лично засвидетельствован человеком здравого смысла и оценки, который, возможно, будучи в целом уверен в реальном существовании явлений, не потратил времени или труда на исправление своих первых впечатлений. Этот вид обмана встречается так часто, что один из величайших поэтов современности ответил даме, спросившей его, верит ли он в призраков: "Нет, мадам; я сам видел их слишком много". Я могу привести один или два подобных случая, в которых нет никаких сомнений.

Первый из них - явление Мопертюи брату-профессору Берлинского королевского общества.

Это необычайное обстоятельство было опубликовано в "Трудах Общества", но так излагает его М. Тьебо в своих "Воспоминаниях о Фридрихе Великом и берлинском дворе". Необходимо отметить, что М. Гледич, с которым произошло это обстоятельство, был выдающимся ботаником, занимал должность профессора натурфилософии в Берлине и пользовался уважением как человек с привычно серьезным, простым и спокойным характером.

Спустя некоторое время после смерти [Мопертюи2](#), М. Гледич, вынужденный пересечь зал, в котором заседала Академия, имея некоторые дела в кабинете естественной истории, который находился в его ведении, и желая завершить их в четверг перед заседанием, войдя в зал, увидел явление М. де Мопертюи, стоящего прямо и неподвижно, в первом углу по левую руку от него и устремившего на него свой взгляд. Это было около трех часов дня. Профессор натурфилософии был слишком хорошо знаком с физическими науками, чтобы предположить, что его покойный президент, умерший в Бале, в семье господина Бернулли, мог лично найти дорогу в Берлин. Он рассматривал это явление не иначе как фантом, вызванный каким-то нарушением работы его собственных органов. Месяе Гледич отправился по своим делам, не останавливаясь дольше, чем для того, чтобы точно определить внешний вид этого объекта. Но он рассказал о видении своим братьям и заверил их, что оно было таким же четким и совершенным, каким могло бы быть реальное лицо Мопертюи. Если вспомнить, что Мопертюи умер вдали от Берлина, некогда бывшего местом его триумфа, подавленный злобными насмешками Вольтера и потерявший расположение Фридриха, с которым быть смешным означало быть никчемным, то вряд ли можно удивляться воображению человека, занимающегося физическими науками, призывающего своего Эйдолона в зал своего бывшего величия.

Примечание-->

2 (обратно)

[Долгое время был президентом Берлинской академии и пользовался большой благосклонностью Фридриха II, пока не был осмеян Вольтером. С позором он удалился на родину, в Швейцарию, и вскоре умер там].

Однако трезвомыслящий профессор не довел свое расследование до того, до чего его довел один доблестный солдат, из уст которого один из друзей автора получил следующие обстоятельства подобной истории.

Капитан С... был уроженцем Британии, но воспитывался в Ирландской бригаде. Он был человеком самой бесстрашной храбрости, которую проявил в нескольких необычайно отчаянных приключениях в первые годы Французской революции, неоднократно нанимаясь на очень опасные поручения королевской семьи. После смерти короля он перебрался в Англию, и именно тогда произошло следующее обстоятельство.

Капитан С... был католиком и, по крайней мере, в тяжелые времена, искренне придерживался обязанностей своей религии. Его духовником был священнослужитель, проживавший в качестве капеллана при одном высокопоставленном человеке на западе Англии, примерно в четырех милях от места, где жил капитан Си. Приехав однажды утром навестить этого джентльмена, кающийся имел несчастье обнаружить его очень больным от опасной болезни. Он удалился в великой тревоге и опасении за жизнь своего друга, и это чувство навеяло на него множество других болезненных и неприятных воспоминаний. Они занимали его до самого отхода ко сну, когда, к своему великому изумлению, он увидел в комнате фигуру отсутствующего духовника. Он обратился к нему, но не получил никакого ответа - только глаза были поражены его появлением. Решив довести дело до конца, капитан С... двинулся на фантом, который, казалось, постепенно отступал перед ним. Так он обошел вокруг кровати, когда она, казалось, опустилась на стул с локтями и осталась в сидячем положении. Чтобы окончательно убедиться в природе этого явления, солдат сам сел на тот же стул, убедившись, таким образом, что все это было иллюзией; однако он признался, что, если бы его друг умер примерно в то же время, он не знал бы, какое название дать своему видению. Но поскольку исповедник поправился и, по выражению доктора Джонсона, "ничего из этого не вышло", инцидент был примечателен лишь тем, что показал, что люди с самыми крепкими нервами не избавлены от подобных галлюцинаций.

Другую иллюзию того же рода мы имеем все основания подтвердить как факт, хотя по определенным причинам не называем имен участников. Вскоре после смерти одного знаменитого поэта, занимавшего при жизни большое место в глазах публики, один литературный друг, которому покойный был хорошо известен, в темных сумерках осеннего вечера просматривал одно из изданий, в котором подробно описывались привычки и мнения выдающегося человека, которого теперь уже нет. Поскольку читатель был в значительной степени близок с покойным, его очень заинтересовала публикация, в которой содержались некоторые сведения, касающиеся его самого и других друзей. В квартире сидел посетитель, который также был занят чтением. Их гостиная выходила в прихожую, довольно причудливо обставленную доспехами, шурами диких животных и тому подобными предметами. Отложив книгу и пройдя в этот зал, сквозь который уже начинала светить луна, человек, о котором я говорю, увидел прямо перед собой в стоячей позе точное изображение своего ушедшего друга, воспоминания о котором так сильно будоражили его воображение. Он остановился на одно мгновение, чтобы заметить удивительную точность, с которой фантазия запечатлела в телесном взоре особенности одежды и позы прославленного поэта. Однако, осознав свое заблуждение, он не испытал никаких чувств, кроме удивления необычайной точностью сходства, и шагнул вперед, к фигуре, которая по мере его приближения распадалась на различные материалы, из которых она состояла. Это была всего лишь ширма, за которой висели пальто, шали, пледы и другие предметы, обычно встречающиеся в сельских прихожих. Зритель вернулся на то место, откуда он видел

иллюзию, и попытался всеми силами вызвать в памяти тот образ, который был так необычайно ярким. Но это было выше его сил, и человеку, который стал свидетелем наваждения, или, вернее, чье возбужденное состояние послужило средством его вызвать, оставалось только вернуться в квартиру и рассказать своему молодому другу о том, какую поразительную галлюцинацию он на мгновение испытал.

Есть все основания полагать, что подобные случаи нередки среди людей определенного темперамента, а когда они происходят в ранний период жизни общества, их почти наверняка можно рассматривать как настоящие сверхъестественные явления. Они отличаются от явлений Николая и других, ранее замеченных, тем, что имеют короткую продолжительность и не являются привычным или конституциональным нарушением системы. Явление Мопертюи месье Гледичу, явление католического священника капитану С..., явление покойного поэта своему другу относятся к последнему типу. Они имеют с первыми ту, можно сказать, аналогию, которую внезапный и временный приступ лихорадки имеет с серьезной лихорадочной болезнью. Но даже по этой причине труднее вернуть такие сиюминутные впечатления в их реальную сферу оптических иллюзий, поскольку они гораздо лучше согласуются с нашим представлением о проблесках будущего мира, чем те, в которых видение продолжается или повторяется в течение часов, дней и месяцев, предоставляя возможность обнаружить, исходя из других обстоятельств, что симптом возник из-за нарушения здоровья.

Прежде чем завершить эти наблюдения над обманами чувств, мы должны заметить, что глаз - это орган, наиболее важный для осознания внешности внешних объектов, и что когда орган зрения деградирует на большее или меньшее время и в большей или меньшей степени, его искаженное представление об объектах зрения особенно склонно заканчиваться такими галлюцинациями, как те, которые мы подробно описали. Однако другие органы чувств, в свою очередь и в меру своих сил, так же готовы в своих различных отделах, как и само зрение, сохранять ложные или сомнительные впечатления, которые вводят в заблуждение, вместо того чтобы информировать того, кому они адресованы.

Так, в отношении уха, следующего по важности органа после глаза, нас неоднократно обманывают звуки, которые несовершенно собраны и ошибочно восприняты. Ложные впечатления, полученные от этого органа, также приводят к последствиям, аналогичным тем, которые возникают при ошибочных сообщениях, сделанных органами зрения. Возникает целый ряд суеверных примет, основанных на неточном и несовершенном слухе. Возбужденному и несовершенному состоянию уха мы обязаны существованием того, что Мильтон возвышенно называет

Воздушных языков, что слагают имена людей, На берегах, в песках пустынь и диких местностях.

Они также кажутся настолько естественными причинами тревоги, что мы не можем с большей готовностью сочувствовать опасениям Робинзона Крузо, когда он видит отпечаток ноги дикаря на песке, чем тем, которые возникают, когда его пробуждает ото сна некто, зовущий его по имени на одиноком острове, где не было никого, кроме самого потерпевшего кораблекрушение моряка. Среди множества суеверий, вытекающих из несовершенства слуха, мы можем привести тот провидческий призыв, который аборигены Гебридских островов считали одним из верных признаков приближающейся судьбы. В таких случаях слышался голос какого-нибудь отсутствующего или, возможно, умершего родственника, который повторял имя собеседника. Иногда воздушный призыватель намекал на собственную смерть, а в других случаях нередко случалось, что человек, воображавший себя

так названным, умирал результате; по той же причине, по которой негр чахнет до смерти, попав под запрет женщины Оби, или кембро-британец, чье имя опускают в знаменитый проклятый колодец с обычными церемониями, посвящая его inferнальным богам, истощается и умирает, как обреченный на это человек. Можно также отметить, что доктор Джонсон сохранил глубокое впечатление от того, что, открывая дверь своих покоев в колледже, он услышал голос матери, находившейся тогда на расстоянии многих миль, которая позвала его по имени; и, похоже, он был весьма разочарован тем, что никаких значимых событий не последовало за столь явно сверхъестественным вызовом. Нет необходимости подробно останавливаться на этом виде ушного обмана, примеров которого можно найти в памяти большинства людей. В качестве примера, демонстрирующего, какие тонкие случайности могут повлиять на человеческое ухо, можно привести следующий. Около двух лет назад автор прогуливался в дикой и уединенной местности с молодым другом, страдавшим от сильной глухоты, когда услышал, как ему показалось, крик далекой своры гончих, раздававшийся с перерывами. Поскольку время года было летнее, то, поразмыслив, слушатель убедился, что это не может быть криком настоящей погони, и все же его уши неоднократно возвращались к предполагаемому крику. Он позвал своих собак, две или три из которых были в компании. Они пришли тихо и, очевидно, не присоединились к звукам, которые привлекли внимание автора, так что он не мог не сказать своему спутнику: "Я вдвойне сожалею о вашей немоции в этот момент, потому что иначе я мог бы позволить вам услышать крик дикого охотника". Поскольку молодой джентльмен пользовался слуховой трубкой, он повернулся, когда с ним заговорили, и таким образом причина феномена стала очевидной. Предполагаемый далекий звук на самом деле был близким, это было пение ветра в инструменте, которым молодой джентльмен был вынужден пользоваться, но который, в силу различных обстоятельств, никогда не приходил в голову его старшему другу как способный издавать звуки, которые он слышал.

Вряд ли стоит добавлять, что весьма образное суеверие о диком охотнике в Германии, по-видимому, имело своим источником сильную фантазию, оперирующую ушными обманами в отношении многочисленных звуков, которые могут возникнуть в темных глубинах безлюдных лесов. Такую же связь можно найти и с родственным шотландским поверьем, так прекрасно воплощенным безымянным автором "Албании".

"Там, с тех пор как издревле надменные таны Расса были склонны, с кланами и готовыми вассалами, толпиться, чтобы разбудить резвого оленя или провинившегося волка; там часто в полночь или в полдень слышны, начинаясь слабо, но поднимаясь все громче, и громче, голоса охотников и гончих, и рога хриплого ветра, дующие далеко и остро. Вскоре шум умножается, воздух гудит от громких криков и грохота близкой погони, истошного крика оленей, растерзанных загрызающими собаками, криков людей и стука копыт по пологому холму: Внезапно пасущаяся в долине телка вздрагивает от шума, а у пастуха закладывает уши от внутреннего ужаса. В ужасе озирает он горный хребет и все горы вокруг, но ни одного следа живого существа не обнаруживает, и не знает, ошеломленный и трепещущий, кому или чему он обязан своим праздным страхом - призраку, ведьме, фее или извергу, но гадает и не находит конца гаданиям "3.

Следует также помнить, что к ушным обманам, практикуемым с помощью чрево вещания или иным способом, можно отнести многие из наиболее успешных самозванств, которые легкоеверие приняло за сверхъестественные сообщения.

Примечание-->

3 (возвращение)

[Поэма "Албания" в своем оригинальном издании так мало распространена, что я видел только экземпляр, принадлежащий любезному и изобретательному доктору Битти, помимо того, которым владею я сам, напечатанный в начале прошлого века. Она была перепечатана моим покойным другом доктором Лейденом в небольшом томе под названием "Шотландские описательные поэмы". В "Албании" содержатся вышеприведенные и многие другие поэтические отрывки высочайшего достоинства].

Чувство осязания, кажется, менее подвержено извращениям, чем зрение или обоняние, и не так уж много случаев, когда оно может стать соучастником таких ложных сведений, которые глаз и ухо, собирающие свои объекты с большего расстояния и путем менее точного исследования, слишком готовы передать. И все же есть одно обстоятельство, при котором чувство осязания, как и другие, очень склонно предавать своего обладателя неточности в отношении обстоятельств, которые оно внушает своему владельцу. Это происходит во время сна, когда сновидец прикасается рукой к какой-то другой части своего лица. Очевидно, что в этом случае он является и действующим лицом, и пациентом, и владельцем члена, к которому прикасается, и того, к которому прикасается; в то время как, чтобы усложнить ситуацию, рука одновременно касается конечности, на которую она опирается, и получает от нее впечатление от прикосновения; то же самое происходит и с конечностью, которая одновременно получает впечатление от руки и передает разуму отчет о размере, субстанции и т. п. члена, к которому прикасается. Так как во время сна пациент не осознает, что обе конечности являются его собственностью, его разум может быть сильно встревожен сложением ощущений, возникающих от одновременного воздействия на две части его лица и от их взаимного действия; таким образом, получаются ложные впечатления, которые, если их точно исследовать, дадут ключ к разгадке многих загадочных явлений в теории сновидений. Эту особенность органа осязания, а также то, что она не ограничивается каким-либо конкретным органом, а распространяется по всей личности человека, отмечает Лукреций: - "Ut si forte manu".

"Ut si forte manu, quam vis jam corporis, ipse
Tute tibi partem ferias, reque experiare".

Замечательный случай такой иллюзии рассказал мне один покойный дворянин. Он заснул с какими-то тревожными ощущениями, вызванными несварением желудка. Они действовали в своем обычном русле провидческих ужасов. В конце концов все они свелись к тому, что фантом мертвеца схватил спящего за запястье и попытался вытащить его из постели. Он в ужасе проснулся, но все еще ощущал холодную мертвую хватку руки трупа на своем правом запястье. Прошла минута, прежде чем он обнаружил, что его собственная левая рука онемела, и ею он случайно обхватил правую руку.

Вкус и запах, как и осязание, передают более непосредственную информацию, чем глаз и ухо, и в меньшей степени, чем эти органы чувств, могут помочь ввести в заблуждение воображение. We have seen the palate, in the case of the porridge-fed lunatic, enter its protest against the acquiescence of eyes, ears, and touch, in the gay visions which gilded the patient's confinement. Небо, однако, подвержено навязыванию так же, как и другие органы чувств.

Самый лучший и остроумный *бонвиван* теряет способность различать разные сорта вина, если ему не дают возможности помогать своему нёбу с помощью глаз, то есть если бокалы с каждым из них подают без разбора, пока у него завязаны глаза. Более того, мы можем поверить, что люди умирали оттого, что считали себя принявшими яд, в то время как на самом деле проглоченный ими напиток был нездоровым или тонизирующим. Заблуждения желудка редко касаются нашей темы и связаны со сверхъестественными явлениями не иначе, как хороший ужин и его сопровождение необходимы для оснащения смелого Тэма Шентера, который лучше всего подходит для встречи с ними, когда не исключено, что к нему применимо замечание поэта

"Вдохновляющий болван Джон Барлейкорн, Какие опасности ты можешь заставить нас презирать! С пивом мы не боимся зла, С дьяволом мы встретимся лицом к лицу. В кивке Тэмми так и зазвенело, Честная игра, он заботился о смерти!"

Обоняние в его обычном состоянии также не имеет особой связи с нашей темой. Мистер Обри рассказывает о явлении, которое исчезло с диковинным ароматом, а также с самым мелодичным звоном; а народное поверье приписывает присутствию адских духов сильный привкус сернистого элемента, обитателями которого они являются. Поэтому такие аккомпанементы обычно сочетаются с другими материалами для самозванства. Если, как уверяет нас общее мнение, которое не опровергает доктор Хибберт, вдыхая определенные газы или ядовитые травы, некроманты могут заставить человека поверить, что он видит фантомы, то, скорее всего, ноздри заставляют вдыхать такой удушающий запах так же, как и рот.⁴

Примечание-->

4 (обратно)

[Большинство древних авторов, претендующих на то, чтобы рассказать о чудесах природной магии, приводят рецепты для вызова фантомов. Рекомендуются зажигать лампы, питаемые особыми видами лекарственного масла, и использовать суфумигации из сильных и пагубных трав. На основании этих авторитетов, возможно, один из профессоров лагердемана уверил доктора Алдерсона из Халла, что он может составить препарат из сурьмы, серы и других лекарств, который, будучи сожженным в закрытой комнате, будет иметь эффект, заставляющий пациента полагать, что он видит фантомы; см. "Hibbert on Apparitions", p. 120].

Я пришел к заключению этого письма, цель которого - показать, из каких свойств нашей природы, душевных или телесных, проистекает предрасположенность верить в сверхъестественные явления. Мне кажется убедительным, что человечество с самого раннего периода готовит свой разум к таким событиям сознанием существования духовного мира, выводя из этого общего положения неоспоримую истину, что каждый человек, от монарха до нищего, однажды сыгравший свою роль на сцене, продолжает существовать и может снова, даже в развоплощенном состоянии, если так будет угодно Небесам, если мы не знаем обратного, быть допущенным или посвященным для общения с теми, кто еще остается в теле. Абстрактную возможность явлений должен признать каждый, кто верит в Божество и Его контролирующее всемогущество. Но воображение склонно навязывать свои объяснения и умозаключения, основанные на недостаточных доказательствах. Иногда наши бурные и

неумеренные страсти, порожденные печалью о друзьях, раскаянием за свои преступления, патриотизмом или глубоким чувством преданности - эти или другие сильные возбуждения морального характера, в ночных видениях или восторженном экстазе дня, убеждают нас, что мы видим глазами и ушами реальный случай сверхъестественного общения, возможность которого невозможно отрицать. В других случаях телесные органы навязываются разуму, а глаз и ухо, больные, ненормальные или введенные в заблуждение, передают пациенту ложные впечатления. Очень часто и психическое заблуждение, и физический обман существуют одновременно, и люди верят в явления, представляемые им, пусть и ошибочно, органами чувств, тем тверже и охотнее, что физическое впечатление соответствовало психическому возбуждению.

Столько причин, действующих друг на друга в разной степени, а иногда и по отдельности, должно было произойти в самом начале становления каждого общества, чтобы появилось много, по-видимому, хорошо подтвержденных случаев сверхъестественного общения, достаточно удовлетворительных, чтобы подтвердить особые примеры общего положения, которое внушает нам вера в бессмертие души. Эти примеры неоспоримых явлений (ибо они считаются неопровержимыми) падают, как семена земледельца, в плодородную и подготовленную почву, и за ними обычно следует обильный урожай суеверных измышлений, которые черпают свои источники из обстоятельств и событий священной и светской истории, поспешно принятых и извращенных из их подлинного прочтения. Этому будет посвящено мое следующее письмо.

ПИСЬМО II.

Последствия падения для связи между человеком и духовным миром - последствия потопа - колдуны фараона - текст в Исходе против ведьм - слово *"ведьма"*, как говорят некоторые, означает просто отравительницу - или, если в Священном тексте оно также означает богиню, она, во всяком случае, должна была быть совсем другой личностью, чтобы отождествляться с ней - оригинал, *Хасаф*, как говорят, означает человека, торгующего ядами, Но она не похожа на европейскую ведьму Средневековья - ведьма не является соучастницей искушения Иова - ведьма Евреев, вероятно, была не выше прорицательницы - однако это было преступлением, заслуживающим смертной казни, так как это подразумевало отречение от верховенства Иеговы - Другие тексты Писания, подобным образом, ссылаются на нечто, соответствующее больше гадалке или прорицательнице, чем тому, что сейчас называется ведьмой - Пример ведьмы из Эндора - Рассказ о ее встрече с Саулом - Предполагается, что некоторые просто самозванка - Другие, колдуньей, достаточно сильной, чтобы вызвать дух пророка своим искусством - Трудности, связанные с обеими позициями - Принята средняя позиция, предполагающая, что, как и в случае с Балаком, Всемогущий

усилием Своей воли заменил Самуила или добрый дух в его характере на обман, который ведьма намеревалась произвести - Возобновление аргументации, Ведьмы, упомянутые в Новом Завете, не менее отличны от современных представлений о колдовстве, чем те, о которых говорится в Книгах Моисея, и, похоже, не обладали силой, приписываемой магам - Примеры веры, которые мы можем почерпнуть из Писания по этому вопросу - Возможно, существуют определенные силы, разрешенные Всемогушим низшим и даже злым духам; и в некотором смысле боги язычников могли считаться демонами - чаще, и в общем смысле, они были просто деревянными поленицами, без смысла и силы любого рода, и их поклонение основано на самозванстве - Мнение, что оракулы замолчали в Рождество, принятое Мильтоном - случаи демонических одержимостей - Воплощенные одержимости, вероятно, прекратились в то же время, что и вмешательство чудес - Мнение католиков - Результат, что колдовство, как Слово интерпретируется в Средние Века, не встречается ни в Моисеевом, ни в Евангельском диспансении - оно возникло в период невежества, когда христиане считали богов магометанских или языческих народов извергами, а их жрецов - заклинателями или волшебниками - обстоятельства в отношении сарацин и среди северных европейцев, еще не обращенных - боги Мексики и Перу объясняются по той же системе - а также пауа Северной Америки - мнение Мазера - Гибба, предполагаемого колдуна, преследуемого другими диссидентами - заключение.

Какая степень связи могла бы существовать между человеческой расой и обитателями другого мира, если бы наши первые родители соблюдали повеления Творца, может быть только предметом бесполезных спекуляций. Мы, пожалуй, не слишком полагаем, если вместе с Мильтоном предположим, что одним из необходимых последствий вкушения "плода с запретного дерева" было удаление на большее расстояние от небесных существ, которые, хотя изначально были лишь немного ниже ангелов, своим преступлением лишились дара бессмертия и низвели себя в низший ранг творения.

Некоторое общение между духовным миром через союз тех, кого Писание называет "сынами Божьими" и дочерьми Адама, продолжалось и после грехопадения, хотя их союз не был одобрен Владыкой человечества. Нам дано понять - правда, с трудом, но с той степенью уверенности, которую мы вправе требовать, - что смешение двух видов сотворенных существ было греховным со стороны обоих и неугодным Всемогущему. Вероятно также, что чрезвычайная долговечность допотопных смертных не позволила им в достаточной мере ощутить, что они встали под знамена Азраила, ангела смерти, и отдала на слишком большое расстояние период между их преступлением и наказанием. С наступлением мстительного Потопа на свет появилась раса, чья жизнь постепенно сокращалась и которая, будучи допущена к все более редкой близости с существами, занимающими более высокое положение в творении, занимала, как само собой разумеющееся, более низкую позицию на шкале. Соответственно, после этого периода мы больше не слышим о тех противоестественных союзах, которые предшествовали Потопу, и нам дают понять, что человечество, расселившись по разным частям света, отделилось друг от друга и начало в разных местах и под разными эгидами заниматься работой по пополнению мира, которая была навязана им как завершение их творения. Тем временем, пока Божеству было угодно продолжать свои проявления тем, кому суждено было стать отцами его избранного народа, нам дают понять, что нечестивые люди - возможно, с помощью падших ангелов - получили возможность утверждать свой ранг и пытаться сравняться с пророками Бога Израилева. Остается неясным, было ли это колдовством или легилименцией, когда волшебники фараона, царя Египта, спорили с Моисеем перед лицом царя и народа, превращали свои жезлы в змей и имитировали несколько язв, наложенных на преданное царство. Однако

способности волхвов, полученные благодаря сверхъестественным связям или возникшие на основе знаний о легилименции и сходных с ней достижениях, были открыто продемонстрированы; и кто может сомневаться, что, хотя мы остаемся в некотором неведении относительно степени их мастерства и источника, из которого оно было почерпнуто, нам рассказано все, что нам может быть важно знать? Мы подошли к тому периоду, когда Всемогущий решил взять на себя непосредственное законодательство для своего избранного народа, не имея точных сведений о том, существовало ли после Потопа колдовство или общение между духовным миром и воплощенными существами в дурных целях, или же оно сопровождалось какими-либо открытыми знаками Божественного неудовольствия.

Но в законе Моисея, продиктованном самим Божеством, был провозглашен текст, который, будучи истолкован буквально, вошел в уголовный кодекс всех христианских народов, вызвав множество жестокостей и кровопролитий либо из-за того, что его смысл был неправильно понят, либо из-за того, что, будучи предназначенным исключительно для израильтян, он стал частью судебной Моисеевой диспенсации и был отменен, как и большая часть этого закона, более благодатной и милосердной диспенсацией Евангелия.

В тексте упоминается стих двадцать второй главы Исхода, в котором говорится: "Не позволяйте ведьме жить". Многие ученые люди утверждают, что в этом примечательном отрывке еврейское слово CHASAPH означает не что иное, как отравитель, хотя, как и слово *veneficus*, которым оно переведено в латинской версии Септуагинты, другие ученые люди утверждают, что оно имеет также значение ведьмы и может быть понято как обозначение человека, претендующего на причинение вреда жизни, конечностям или имуществу своих соседей либо посредством вредных зелий, либо с помощью чар, либо подобными мистическими средствами. В этом отношении ведьмы Писания, вероятно, имели некоторое сходство с ведьмами древней Европы, которые, хотя их мастерство и силу можно смело презирать, пока они ограничивались своими чарами и заклинаниями, были очень склонны усиливать свою способность причинять зло путем использования настоящего яда, так что эпитет "колдунья" и "отравительница" были почти синонимами. Известно, что так происходило во многих темных преступлениях, характерной чертой которых было нечто, связанное с тайными и запретными искусстваами. Так было сказано в обвинительном заключении тех, кто был причастен к знаменитому убийству сэра Томаса Овербери, когда искусства Формана и других колдунов оказались недостаточными, чтобы затронуть жизнь жертвы, и в конце концов успешно прибегли к яду; и можно привести множество подобных примеров. Но если предположить, что древнееврейская ведьма действовала только с помощью чар, заклинаний или таких средств, которые могли быть небезопасными, если бы не помощь демонов или знакомых, то связь между колдуном и демоном должна была иметь совершенно иной характер по закону Моисея, чем та, которая в последние дни считается колдовством. Здесь не было ни договора о подчинении дьявольской силе, ни inferнальной печати или знака такого рокового союза, ни гуляний сатаны и его ведьм, ни насылания болезней или несчастий на добрых людей. По крайней мере, в Писании нет ни слова, позволяющего нам верить, что такая система существовала. Напротив, нам рассказывают (насколько буквально, насколько метафорически, не нам судить), что, когда враг человечества захотел докопаться до добродетели Иова, он обратился за разрешением к Верховному правителю мира, который дал ему свободу испытать своего верного слугу бурей бедствий, чтобы ярче показать веру, которую тот полагал на своего Создателя. При всем этом, если бы сцена происходила так, как происходят подобные события в последние дни, были бы введены колдовство, чары и волшебство, и дьявол, вместо своего собственного разрешенного агентства, использовал бы своего слугу-колдуна как необходимое орудие

страданий Человека Узза. Подобным образом сатана хотел заполучить Петра, чтобы просеять его, как пшеницу. Но здесь нет ни одного колдуна или ведьмы. Лука xxii. 31.

Если предположить, что во времена Моисея полномочия ведьмы ограничивались расспросами какого-то мнимого божества или реального злого духа о будущих событиях, то в каком отношении, можно сказать, такое преступление заслуживало сурового наказания в виде смерти? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить, что цель Моисеева устройства - сохранить знание об истинном Божестве в груди избранного и отделенного народа, и Бог Иакова неизбежно проявлял себя как ревнивый Бог по отношению ко всем, кто, сбившись с пути прямого поклонения Иегове, обращался к другим божествам, будь то идолы или злые духи, боги соседних язычников. Отступление от верности истинному Божеству, вплоть до молитв бессмысленным камням и истуканам, которые не могли дать им никакого ответа, было, по еврейскому закону, актом восстания против их собственного Господа Бога, и как таковой он более всего подходил для капитального наказания. Таким образом, пророки Ваала были заслуженно преданы смерти не из-за успеха, которого они могли добиться своими ходатайствами и призывами (которые, хотя и усиливались со всей яростью, вплоть до порезов и ран, оказались настолько безрезультатными, что вызвали насмешки пророка), а потому что они были виновны в отступничестве от настоящего Божества, поклоняясь и побуждая других к поклонению ложному божеству Ваалу. Поэтому еврейская ведьма или та, кто общался или пытался общаться со злым духом, справедливо наказывалась смертью, хотя ее общение с духовным миром могло либо вообще не существовать, либо иметь гораздо менее интимный характер, чем это приписывалось ведьмам более поздних времен; существование этого закона против ветхозаветных ведьм ни в коей мере не оправдывает строгость аналогичных постановлений, принятых после христианского откровения, против другого класса людей, обвиняемых в совершенно иных видах преступлений.

В другом отрывке снова упоминается практика тех людей, которых Священное Писание называет ведьмами; и снова становится ясно, что ветхозаветное колдовство или чародейство сводится к торговле с идолами и обращению за советом к ложным божествам; иными словами, к идолопоклонству, которое, несмотря на неоднократные запреты, примеры и суды, все еще оставалось преобладающим преступлением израильтян. Отрывок, на который мы ссылаемся, находится во Второзаконии xviii. 10, ii- "Не должно быть среди вас никого, кто заставляет сына своего или дочь свою проходить через огонь, или кто пользуется гаданием, или наблюдателем времен, или чародеем, или колдуном, или заклинателем, или общающимся со знакомыми духами, или волшебником, или некромантом". Аналогичные осуждения встречаются в девятнадцатой и двадцатой главах книги Левит. Подобным образом обвиняется Манассия (2 Паралипоменон xxxviii.) в том, что он заставлял своих детей проходить через огонь, наблюдал за временем, использовал чары и колдовство, общался со знакомыми духами и волшебниками. Эти отрывки, по-видимому, согласуются с первым, причисляя колдовство к другим дезертирствам пророков Божества, чтобы получить отклик в виде суеверных обычаев окружавших их языческих народов. Если понимать эти тексты иначе, то современная система колдовства, со всеми ее неестественными и неправдоподобными нарушениями здравого смысла, кажется смешиваемой с преступлением человека, который в классические времена консультировался с оракулом Аполлона - смертным преступлением для еврея, но, несомненно, венецианским грехом для невежественного и заблуждающегося язычника.

Чтобы проиллюстрировать природу еврейской ведьмы и ее запрещенный преступный промысел, те, кто писал на эту тему, естественно, остановились на беседе Саула с ведьмой

из Эндора, единственном подробном и конкретном рассказе о подобной операции, который можно найти в Библии; факт, кстати, доказывающий, что преступление колдовства (капитально наказуемое, как оно было обнаружено) не было частым среди избранного народа, который наслаждался такими особенными проявлениями присутствия Всемогущего. Писание, похоже, передало нам только общий факт (который и является главным назиданием) беседы между ведьмой и царем Израиля. Они сообщают нам, что Саул, удрученный и обескураженный всеобщим отступничеством своих подданных и сознанием собственного недостойного и неблагодарного неповиновения, отчаявшись получить ответ от оскорбленного Божества, которое прежде общалось с ним через своих пророков, В конце концов, в отчаянии он решил обратиться к прорицательнице, чем вовлек себя в преступление того человека, с которым советовался, и которому закон предписывал смерть - приговор, часто приводимый в исполнение самим Саулом над подобными преступниками. Далее Писание сообщает, что царь велел ведьме вызвать дух Самуила, и та воскликнула, что боги восстали из земли, а Саул, особенно требуя описать явление (которого, следовательно, сам он не видел), описал его как фигуру старика в мантии. В этой фигуре царь признает сходство с Самуилом и, опустившись на лицо, слышит от явления, говорящего в образе пророка, меланхоличное предсказание своего поражения и смерти.

Хотя в этом описании рассказано все, что необходимо для того, чтобы донести до нас ужасный моральный урок, мы остаемся в неведении относительно мельчайших деталей, сопровождавших явление, что, возможно, следует принять за верный признак того, что нам нет смысла знакомиться с ними. Например, невозможно с уверенностью сказать, присутствовал ли Савл при том, как женщина использовала свое заклинание, и видел ли он сам когда-нибудь то явление, которое описала ему питонесса. Остается еще более сомнительным, было ли на самом деле вызвано что-то сверхъестественное, или же пифонесса и ее помощница хотели просто обмануть, воспользовавшись случаем предсказать поражение и смерть разбитого духом царя как событие, которое обстоятельства, в которых он находился, делали весьма вероятным, поскольку он был окружен превосходящей армией филистимлян, а его солдатский характер делал вероятным, что он не переживет поражения, которое должно было повлечь за собой потерю его царства. С другой стороны, если допустить, что явление действительно имело сверхъестественный характер, остается неясным, какова была его природа и какой силой оно было вынуждено появиться, неприятное, как оно намекало, поскольку предполагаемый дух Самуила спрашивает, почему он был встревожен в могиле. Неужели власть ведьмы над невидимым миром была столь велика, что она, подобно языческому поэту Эрихто, могла потревожить сон праведников, и особенно такого важного пророка, как Самуил; и неужели мы должны полагать, что он, на которого Дух Господень имел обыкновение сходить, даже когда он был облечен в брентную смертную одежду, должен был быть потревожен в своей могиле по голосу мерзкой ведьмы и повелению князя-отступника? Неужели истинное Божество отказало Саулу в ответе своих пророков, и неужели колдунья могла заставить действительный дух Самуила дать ответ, несмотря на это?

Столкнувшись с такими трудностями, прибегли к другому варианту объяснения, который, будучи свободным от некоторых возражений, связанных с двумя крайними предположениями, все же подвержен другим. Предполагалось, что во время этого знаменательного события произошло нечто подобное тому, что нарушило заранее обдуманную цель пророка Валаама и заставило его обменять задуманные проклятия на благословения. Согласно этой гипотезе, прорицательница из Эндора готовилась применить на Сауле те трюки, с помощью которых она навязывала свои прорицания более низким клиентам. Или же мы можем предположить, что в те времена, когда законы природы часто

приостанавливались проявлениями Божественной силы, между смертными и духами низшего света допускалось некоторое жонглирование; в этом случае мы должны предположить, что женщина действительно ожидала или надеялась вызвать какое-то сверхъестественное явление. Но в любом случае второе решение этой истории предполагает, что по воле Всемогущего в тот памятный случай вместо фантасмагории, задуманной ведьмой, явился дух Самуила в его земном обличье - или, если читатель сочтет это более вероятным, некое доброе существо, вестник Божественного благоволения, в облике ушедшего пророка - и, к удивлению самой питонессы, заменил жонглирование фарсом: на глубокую трагедию, способную потрясти сердце закоренелого тирана и послужить ужасным уроком для будущих времен.

Это объяснение имеет то преимущество, что объясняет удивление, выраженное ведьмой по поводу неожиданных последствий ее собственного призыва, а также устраняет возражение, связанное с предположением, что дух Самуила подвергся ее влиянию. Она не так хорошо применима к жалобе Самуила на то, что он был *встревожен*, поскольку ни пророк, ни добрый ангел, носящий его подобие, не могли жаловаться на явление, которое произошло по прямому указанию Божества. Однако если понимать эту фразу не как ропот на благоволение Провидения, а как упрек бывшему другу пророка Саулу в том, что его грехи и недовольство, ставшие конечной причиной появления Самуила, лишили пророка на некоторое время наслаждения и покоя Небес, В соответствии с этим толкованием, слова могут нести в себе не более сильный смысл жалобы, чем это могло бы быть свойственно духу праведного человека, ставшего совершенным, или любому благожелательному ангелу, которым он может быть представлен. Можно заметить, что в Екклесиасте (xlvi. 19, 20) принимается мнение о реальном появлении Самуила, поскольку об этом Божьем человеке говорится, что *после смерти он пророчествовал и показал царю его последний конец*.

Оставляя дальнейшее обсуждение этого темного и сложного вопроса тем, чьи исследования позволяют им выносить суждения по столь неясным вопросам, пока что ясно, что Эндорская ведьма не была существом, подобным тем, в которых верили наши предки, способным превращать себя и других в облик низших животных, поднимать и умирять бури, посещать компании и участвовать в веселье злых духов и, пользуясь их советом и помощью, губить человеческие жизни и уничтожать плоды земли, или совершать подвиги такого масштаба, чтобы изменить облик природы. Эндорская ведьма была всего лишь гадалкой, к которой, отчаявшись получить помощь или ответ от Всевышнего, прибегнул в своем отчаянии несчастный царь Израиля и с помощью которой, так или иначе, он получил ужасную уверенность в своем поражении и смерти. Она, конечно, заслуженно подверглась смертной казни за то, что вторглась в сферу деятельности настоящих пророков, которым в то время регулярно сообщалась воля Божья. Но ее существование и ее преступления не могут служить доказательством того, что другой класс ведьм, ничем не похожих на нее, кроме как тем же именем, либо существовал в более поздний период, либо подвергался той же смертной казни за совершенно другой и гораздо более сомнительный класс преступлений, которые, как бы одиозны они ни были, все же должны быть доказаны, прежде чем их можно будет принять в качестве уголовного обвинения.

Что бы ни думали о других случайных выражениях в Ветхом Завете, нельзя сказать, что в какой-либо части этого священного тома встречается текст, указывающий на существование системы колдовства в иудейской диспенсации, в каком-либо отношении схожей с той, против которой до недавнего времени осуждали наказания в сводах законов многих европейских народов; тем более в христианской диспенсации - системе, при которой освобождение человеческого рода от левитского закона было счастливым и чудесным

образом усовершенствовано. Предполагается, что это последнее преступление предполагает договор, подразумевающий почитание и поклонение со стороны ведьмы, которая попадает под роковые узы, и покровительство, поддержку и помощь со стороны дьявольского покровителя. Действительно, в четырех Евангелиях это слово ни в каком смысле не встречается; хотя, если бы возможность такого огромного греха была допущена, он вряд ли избежал бы предостерегающего порицания Божественной Личности, пришедшей взять на себя грехи мира. Святой Павел, правда, бегло упоминает грех колдовства, как превосходящий по степени вины грех неблагодарности; а в преступлениях плоти он стоит сразу после идолопоклонства, и это сопоставление склоняет нас к мысли, что колдовство, упомянутое апостолом, должно быть аналогично ветхозаветному и равнозначно обращению к помощи прорицателей или подобным запретным искусствам для получения знаний о тотальности. В Книге Откровений колдуны также объединены с другими преступниками, как исключенные из города Божьего. И с помощью этих случайных замечаний, которые указывают на существование так называемого проступка, но оставляют нас в неведении относительно его точной природы, писатели о колдовстве пытаются выжать из Нового Завета доказательства преступления, которое само по себе так отвратительно неправдоподобно. Подвиги Елимаса, прозванного колдуном, или Симона, прозванного волхвом или магом, также не дают им права встать в один ряд с самозванцами, которые присвоили себе титул, на который не имели никакого права, и поставили свои мистические и нелепые притязания на сверхъестественную силу в один ряд с теми, кто был наделен ею с целью распространения Евангелия и облегчения его принятия путем совершения подлинных чудес. Совершенно очевидно, что своим самонадеянным и нечестивым предложением приобрести путем покупки часть тех сил, которые непосредственно исходили от вдохновения, Симон Маг проявил степень нечестивого и грубого невежества, несовместимую с его интеллектом даже искусного самозванца; И совершенно очевидно, что этот вассал ада, если уж мы называли его таковым, должен был лучше знать свой собственный ранг и положение по сравнению с апостолами, чем делать такое бесплодное и бесполезное предложение, которым он мог только разоблачить свою собственную дерзость и невежество.

Этим замечанием мы можем закончить наши краткие замечания о *колдовстве*, как это слово встречается в Писании; теперь остается только упомянуть о природе *демонологии*, которую, как следует из священных томов, каждый верующий христианин обязан принимать как вещь, объявленную и доказанную истиной.

Прежде всего, никто не может читать Библию или называть себя христианином, не веря, что в течение времени, описанного Божественными писателями, Божество, чтобы утвердить веру иудеев, победить и посрамить гордость язычников, совершило на земле множество великих чудес, используя либо добрых духов, орудия его благоволения, либо падших ангелов, пособников зла, которое по его воле должно быть причинено детям человеческим или претерпето ими. Это утверждение, конечно же, включает в себя признание истинности чудес в этот ранний период, с помощью которых обычные законы природы иногда приостанавливались, и признает существование в духовном мире двух великих подразделений - ангелов и дьяволов, по отдельности осуществляющих свои силы по поручению или разрешению Владыки вселенной.

Во-вторых, мудрые люди считали и утверждали, что идолы язычников на самом деле были извергами, или, скорее, что эти враги человечества имели власть принимать форму и облик этих слабых божеств и придавать определенную степень благонадежности вере поклоняющихся, творя кажущиеся чудеса и возвращая через своих жрецов или их оракулов ответы, которые "двойко действовали" на заблуждающихся людей, которые с ними

советовались. Большинство отцов христианской церкви высказывали подобное мнение. Преимущество этой доктрины заключается в том, что она в определенной степени подтверждает многие чудеса, описанные в языческой или классической истории, которые, таким образом, приписываются действию злых духов. Это также согласуется с текстами Писания, в которых говорится, что боги язычников - все дьяволы и злые духи; а идолы Египта причисляются, как в книге пророка Исаии, гл. хіх. ст. 2, с заклинателями, теми, кто имеет знакомых духов, и с чародеями. Но какая бы свобода действий ни допускалась злыми духами того времени - и хотя, несомненно, люди властвовали над божествами, которые на самом деле были лишь олицетворением определенных злых страстей человечества, как, например, в их жертвоприношениях Венере, Вакху, Марсу и т. д., и поэтому можно сказать, что в каком-то смысле они поклоняются злым духам - мы не можем, руководствуясь здравым смыслом, предположить, что каждый или тысячная часть бесчисленных идолов, которым поклонялись язычники, были наделены сверхъестественной силой; очевидно, что большинство из них подпадали под описание, применяемое к ним в другом месте Писания, где часть дерева, сожженная в огне для домашних нужд, рассматривается как имеющая ту же силу и оценку, что и вырезанная в виде изображения и предпочитаемая для языческого поклонения. Этот поразительный отрывок, в котором показано бессилие бессмысленной глыбы и грубое невежество поклоняющегося, чей объект поклонения - дело его собственных рук, находится в 44-й главе пророчеств Исаии, стих 10 *и далее*. Точные слова текста, а также здравый смысл запрещают нам верить в то, что изображения, построенные простыми ремесленниками, стали местом обитания или отдыха демонов или обладали каким-либо проявлением силы или власти, будь то в результате демонического влияния или иным образом. Вся система сомнений, заблуждений и уловок, демонстрируемая оракулами, скорее напоминает подлое плутовство самозванцев, чем дерзкое вмешательство демонов. Какую бы степень власти ни позволяли себе время от времени лжебоги язычества или дьяволы от их имени, она, несомненно, находилась под общим контролем и ограничением провидения; и хотя, с одной стороны, мы не можем отрицать возможность такого разрешения в неизвестных нам случаях, с другой стороны, несомненно, что в Писании не упоминается ни одного конкретного случая такого влияния, прямо рекомендованного для нашей веры.

В-третьих, как отступники среди иудеев неоднократно переходили к поклонению идолам соседних язычников, так и они прибегали к использованию чар и чародейства, основанных на суеверном извращении их собственного левитского ритуала, в котором они пытались с помощью сортиров, терафимов, наблюдения за предсказаниями или полетом птиц, которых они называли *нахас*, с помощью урима и туммима найти как бы проход к тайнам будущего. Но по той же причине, по которой мы не можем высказать никакого мнения о том, в какой степени дьявол и его ангелы могут быть допущены к навязываниям языческого священства, мы не можем с уверенностью сказать, какой эффект может быть допущен высшим Провидением к служению таких злых духов, которые руководили и, насколько они имели свободу, направляли эти греховные поиски среди самих евреев. Из священных писаний мы знаем, что обещание Божества своему избранному народу, если он будет вести себя в соответствии с данным им законом, заключалось в том, что связь с невидимым миром будет расширена, так что в полноте своего времени он изольет свой дух на всю плоть, когда сыновья и дочери будут пророчествовать, старики видеть видения, а юноши видеть сны. Таковы были обетования, данные израильтянам Иоилем, Иезекиилем и другими святыми провидцами, исполнение которых святой Петр во второй главе Деяний апостолов приветствует в миссии нашего Спасителя. С другой стороны, не менее очевидно, что Всемогущий, чтобы наказать иудеев за непослушание, оставил их на произвол судьбы и обманул их лживыми пророчествами, к которым они прибегали, грубо нарушая Его

повеления. Наказание за то, что Божество оставило Ахава на произвол судьбы и позволило ему быть обманутым лживым духом, является ярким примером этого.

В-четвертых, с другой стороны, воздерживаясь с благоговением от того, чтобы считать себя судьями действий Всемогущества, мы можем с уверенностью заключить, что ему не было угодно использовать для исполнения своих решений последствия какого-либо подобного союза или договора между дьяволами и обманутыми смертными, как тот, что осуждается в законах наших предков под названием *колдовство*. То, что было переведено этим словом, представляется не более чем искусством знахаря ядов в сочетании с искусством пифонессы или лжепророчицы; однако по левитскому закону это преступление было смертным, поскольку в первом случае оно подразумевало большую вражду с человечеством, а во втором - прямую измену божественному Законодателю. В книге Товита есть отрывок, напоминающий скорее эпизод из арабской сказки или готического романа, чем часть вдохновенного писания. В нем описывается, что испарения, образующиеся при жарке печени определенной рыбы, способны изгнать злого гения, который охраняет брачные покои ассирийской принцессы и задушил семь женихов подряд, когда они приближались к брачному ложу. Но романтичность и сказочность этой легенды побудили отцов всех протестантских церквей отказать ей в месте среди писаний, санкционированных божественным происхождением, и поэтому мы можем не вступать в дискуссию на основании столь несовершенных доказательств.

Наконец, рассматривая неисчислимы изменения, произошедшие с приходом нашего Спасителя и объявлением его закона, мы можем заметить, что, по мнению многих мудрых и ученых людей, само его появление на земле, без ожидания исполнения его миссии, действовало как акт изгнания языческих божеств, которым до сих пор позволялось произносить оракулы и в какой-то степени подражать атрибутам Божества. Мильтон в "Потерянном рае", возможно, убежденный в его истинности, принял теорию, отождествляющую последователей Сатаны с языческими богами; и в тоне поэзии, почти не имеющем себе равных даже в его собственных великолепных произведениях, он так описывает в одном из своих ранних произведений уход этих притворных божеств накануне благословенного Рождества: - "Оракулы немые".

"Оракулы немые,
Ни голос, ни отвратительный гул
Сквозь сводчатую крышу не доносятся слова обманчивые;
Аполлон из святилища своего
Не может больше прорицать,
С полым воплем покидает Дельфосские кручи;
Ни ночной транс, ни вдохновенное заклинание
Не вдохновляет бледноглазых жрецов из пророческой кельи.

"Одинокие горы позади,
И гулкий берег,
Слышен голос плача и громкие причитания;
Из призрачных родников и долин,
В окружении тополей бледных,
Гений разлуки со вздохом посылает;
С локонами, сплетенными из цветов, разорванными,
Нимфы в сумрачной тени спутанных чащ.

"На освященной земле,
И на святом очаге,
Ларсы и Лемуры стонут от полнотной тоски;
В урнах и алтарях кругом,
Тоскливый и замирающий звук
Поражает Пламенных на службе причудливой;
И холодный мрамор, кажется, потеет,
Пока каждая сила не уступит свое место.

"Пеор и Ваалим
Покидают свои храмы тусклые,
С этим дважды разбитым богом Палестины;
И луною Аштарот,
Царица и мать небесная,
Теперь не сидит, обнявшись со священным блеском светильников;
Ливийский Хаммон сжимает свой рог;
Напрасно тирийские девы оплакивают раненого Фаммуза.

"И угрюмый Молох, скрывшись,
Оставил в тени страшной
Его пылающий идол весь мрачного оттенка;
Напрасно кимвалы звенят,
Зовут они мрачного царя,
В мрачном танце вокруг печи голубой;
Грубые боги Нила так же быстры,
Изида и Орус, и пес Анубис, спешат".

Цитата длинная, но вряд ли возможно сократить столь красивое и интересное описание языческих божеств, будь то классические олицетворения Греции, ужасные формы, которым поклонялись простые варвары, или иероглифические чудовища египетской мифологии. Идея отождествления языческих божеств, особенно самых выдающихся из них, с проявлением демонической силы и вывод, что нисхождение нашего Спасителя поразило их тишиной, так благородно выраженная в поэзии Мильтона, несомненно, не должна быть легкомысленно отвергнута. Это утверждалось в простой прозе авторитетами, не имеющими большого веса; и нет ничего непоследовательного в вере тех, кто, веря, что в прежние времена извергам и демонам была позволена большая власть в произнесении предсказаний, может также отдать должное утверждению, что при Божественном пришествии эта власть была обуздана, оракулы умолкли, а демоны, потворствовавшие Божественности места, были изгнаны из своей земной обители, удостоенной столь ужасного гостя.

Однако следует заметить, что это великое событие не оказало такого же влияния на тот особый класс извергов, которым было позволено досаждать смертным, отчуждая их разум и злоупотребляя их личностью, в случае того, что называется демонической одержимостью. В каком именно смысле мы должны понимать это слово "одержимость", выяснить невозможно; но мы считаем невозможным сомневаться (несмотря на авторитеты, утверждающие обратное), что это было ужасное расстройство, не просто естественное; И мы можем быть вполне уверены, что оно продолжалось и после Воплощения, поскольку чудеса,

совершенные нашим Спасителем и Его апостолами при исцелении мучимых таким образом людей, служили самыми прямыми доказательствами Его Божественной миссии, даже из уст этих изгнанных из дома извергов, самых злобных врагов силы, которой они не смели отказать в почтении и повиновении. И вот еще одно доказательство того, что колдовство в его обычном и популярном понимании было неизвестно в тот период; хотя случаи одержимости неоднократно упоминаются в Евангелиях и Деяниях апостолов, ни в одном случае изгнанные дьяволы не упоминают ведьму или колдуна, не ссылаются на приказы такого человека как на причину вселения или мучения жертвы;- тогда как в значительной части тех печальных случаев колдовства, которыми изобилуют записи более поздних времен, основной упор в доказательствах делается на заявлении одержимого или демона в нем, что некий старик или женщина по соседству заставили изверга стать орудием зла.

Следует также признать, что в другом, наиболее примечательном отношении власть Врага человечества скорее расширилась, чем была обуздана или сдержана, в связи с приходом на землю Спасителя. Бесспорно, что для того, чтобы Иисус мог принять участие во всех видах заблуждений и преследований, которым подвергается падший род Адама, Он лично претерпел искушение в пустыне от руки сатаны, которого, не прибегая к Своей Божественной силе, Он изгнал, опроверг, заставил замолчать и пристыдил. Но, судя по всему, хотя сатане и было позволено по этому памяtnому случаю прийти на землю с огромной силой, это разрешение было дано именно потому, что его время было коротким.

Снисходительность, которая была оказана ему в столь уникальном и необычном случае, вскоре прошла и была полностью сдержана. Очевидно, что по истечении срока, в течение которого Всемогущему было угодно основать Свою собственную Церковь чудесными проявлениями силы, не могло соответствовать Его доброте и мудрости оставить врагу привилегию вводить людей в заблуждение мнимыми чудесами, рассчитанными на извращение той веры, которую настоящие чудеса уже не могли поддерживать. Мы полагаем, что было бы вопиющей непоследовательностью предположить, что ложные и лживые пророчества и предвестия должны свободно распространяться под каким-либо демоническим влиянием, обманывая телесные органы людей, злоупотребляя их разумом и извращая их веру, в то время как истинная религия была оставлена ее великим Автором без всех сверхъестественных знаков и знамений, которые во времена ее Основателя и Его ближайших учеников свидетельствовали и отмечали их неоценимую миссию. Такое разрешение со стороны Верховного Существа означало бы (если говорить с глубочайшим почтением) оставление Его избранного народа, выкупленного такой ценой, в ловушках врага, от которого следовало ожидать самых страшных бедствий. Это также не соответствовало бы замечательному обещанию в Священном Писании, что "Бог не допустит, чтобы Его народ был искушен сверх того, что он может перенести". I Кор. X. 13. Отцы веры не вполне согласны с тем, в какой период чудесная сила была изъята из Церкви; но лишь немногие протестанты склонны отнести это ко времени воцарения Константина, когда христианская религия была полностью утверждена в главенстве. Римские католики, правда, смело утверждают, что сила чудесного вмешательства в ход природы все еще существует; но даже просвещенные представители этой веры, хотя и не смеют отрицать основополагающий догмат своей церкви, вряд ли согласятся с каким-либо конкретным случаем без почти таких же доказательств, которые могли бы победить недоверчивость их соседей - протестантов. Это в равной степени противоречит здравому смыслу обоих, что извергам должно быть позволено творить чудеса, которые больше не демонстрируются со стороны Небес или во имя религии.

Следует заметить, что мы не стремились определить границы вероятности в этом вопросе. Нам нет необходимости выяснять, в какой степени сила сатаны могла проявлять себя во

времена иудейской диспенсации, или до какого именно периода в истории христианской церкви могли происходить исцеления от бесовской одержимости или подобные проявления чудесной силы. Мы избегаем споров на эту тему, потому что она включает в себя вопросы не столько сомнительные, сколько неинтересные. Мало пользы может принести точное знание того, как иудеи-отступники практиковали незаконные чары или предсказания. После завоевания и рассеяния они были замечены римлянами в подобных суеверных практиках; и, насколько нам известно, подобное, возможно, продолжает существовать среди заблудших странников их расы и в наши дни. Но все это посторонние вещи для нашего исследования, цель которого - выяснить, можно ли извлечь из священной истории какие-либо реальные доказательства раннего существования той ветви демонологии, которая в сравнительно недавние времена стала объектом уголовного преследования и смертной казни. Мы уже упоминали об этом как о колдовском договоре, в котором, как понимали этот термин в Средние века, демон и ведьма или волшебник объединяли свои различные силы причинения вреда, чтобы нанести бедствия личности и имуществу, состоянию и славе невинных людей, навязывая самые ужасные болезни и саму смерть в качестве знаков их малейшей недоброжелательности; превращая по своему усмотрению свои и чужие лица; поднимая бури, чтобы уничтожить урожай своих врагов или унести его домой в свои собственные амбары; уничтожая или передавая в свои собственные молочные фермы продукцию стад; распространяя мор среди скота, заражая и портя детей; словом, творя больше зла, чем способно представить себе человеческое сердце, средствами, которые далеко не всегда под силу человеку. Если бы можно было предположить, что такие противоестественные лиги существуют и что есть несчастные, достаточно злые, чтобы только ради удовлетворения злобной злобы или наслаждения каким-то звериным весельем стать жалкими рабами адских духов, то самыми справедливыми и честными были бы законы, отсекающие их от среды каждого христианского сообщества. Но еще справедливее и честнее, прежде чем наказывать за какое-либо преступление, доказать, что существует возможность совершения этого преступления. Поэтому мы сделали важный шаг в нашем расследовании, когда убедились, что ветхозаветная *ведьма* не была способна ни на что большее, чем введение дурманящих снадобий или занятие жалким самозванством; другими словами, она не обладала характером, приписываемым современной колдунье. Таким образом, мы устранили из аргументации поразительное возражение, что, отрицая существование колдовства, мы отрицаем возможность преступления, которое было объявлено смертным в Моисеевом законе, и получили полную свободу принять мнение, что более современная система колдовства была частью, и отнюдь не самой грубой, из той массы заблуждений, которые появились среди членов христианской церкви, когда их религия, постепенно испорченная человеческими уловками и варварством тех народов, среди которых она была распространена, стала светлой, но с глубоким оттенком остатков того самого языческого невежества, которое ее Божественный Основатель пришел развеять.

В одной из следующих частей этого исследования мы постараемся показать, что многие из конкретных пунктов народных верований, касающихся магии и колдовства, были заимствованы из мнений, которые древние язычники считали частью своей религии. Однако для того, чтобы рекомендовать их, у них были принципы, лежащие глубоко в человеческом уме и сердце всех времен; тенденция к вере в сверхъестественные силы естественна, и действительно кажется связанной и вытекающей из бесценного убеждения в уверенности будущего состояния. Более того, вполне возможно, что отдельные истории этого класса могли казаться неоспоримыми в темные века, хотя наш более сведущий период может удовлетворительно объяснить их возбужденным темпераментом зрителей или влиянием заблуждений, вызванных расстройством интеллекта или несовершенством отчетов внешних органов чувств. Тем не менее, они получили всеобщую веру и доверие, а церковники, то ли

из корысти, то ли по невежеству, способствовали развитию веры, которая, несомненно, самым мощным образом способствовала распространению их собственной власти над человеческим разумом.

Перейдем от язычников древности - магометане, хотя их вера исключительно унитарная, считались поклонниками злых духов, которые, как предполагалось, помогали им в их непрерывной войне против христиан или защищали их в Святой земле, где их обитание вызывало столько скандалов и оскорблений у благочестивых людей. Романтика и даже история объединились в представлении всех, кто находился вне пределов Церкви, как личных вассалов Сатаны, который открыто играл среди них в свои обманы; а Махаунд, Термагаунт и Аполлон были, по мнению западных крестоносцев, лишь именами архи-стража и его главных ангелов. Самые грандиозные вымыслы, распространявшиеся по всему христианству, подтверждали факт открытых проявлений сверхъестественной помощи, оказываемой злыми духами туркам и сарацинам; не менее либеральными были и вымышленные сообщения о необычайных средствах защиты христиан благодаря непосредственному покровительству блаженных святых и ангелов или святых людей, еще пребывающих во плоти, но уже предвкушающих привилегии, причитающиеся состоянию блаженства и славы, и обладающих силой творить чудеса.

Чтобы показать крайнюю грубость этих легенд, мы можем привести пример из романа "Ричард Кур де Лев", предположив при этом, что, как и другие романы, он был написан в стиле, который, по замыслу автора, должен быть стилем подлинной истории, и был обращен к слушателям и читателям не как выдуманная история, а как реальное изложение фактов, так что легенда является доказательством того, что век считал достоверным и был склонен верить в нее так же сильно, как если бы она была извлечена из более серьезной хроники.

Говорят, что знаменитый Саладин отправил посольство к королю Ричарду с подарком в виде жеребенка, рекомендованного в качестве галантного боевого коня, и вызвал Кёра де Льва на единоборство между армиями, чтобы сразу решить их претензии на землю Палестины и теологический вопрос о том, кто должен быть в будущем объектом поклонения подданных обоих монархов - Бог христиан или Юпитер, божество сарацинов. Под этим, казалось бы, рыцарским вызовом скрывалась нехитрая хитрость, которую можно назвать весьма неуклюжим трюком, в котором должен был участвовать дьявол. Один сарацинский клерк заколдовал двух дьяволов в кобылу и ее жеребенка с указанием, что всякий раз, когда кобыла будет мычать, жеребенок, который был огромного размера, должен встать на колени и сосать свою мать. Заколдованного жеребенка отправили королю Ричарду, полагая, что, повинувшись сигналу своей матери, Солдан, севший на кобылу, сможет легко одержать над ним верх.

Но английский король был предупрежден ангелом во сне о задуманной хитрости, и жеребенок, по небесному повелению, перед боем был призван святым именем быть послушным своему всаднику во время поединка. Огненный конь выразил свою покорность, опустив голову, но его словам не совсем поверили. Его уши были заткнуты воском. В таком состоянии Ричард, во всеоружии и с различными знаками религиозной веры на оружии, выехал навстречу Саладину, и Солдан, уверенный в своей хитрости, смело встретил его. Кобыла ревела так, что сотрясала землю на многие мили вокруг; но сосущий дьявол, которому воск мешал услышать призыв, не мог повиноваться сигналу. Саладин был сбит с коня и едва избежал смерти, в то время как его армия была разрублена на куски христианами. Это всего лишь неловкая история о чудесах, в которой демона побеждают с помощью трюка, который вряд ли мог бы обмануть обычного жокея; но подобные легенды забавляли и интересовали наших предков, пока их вера в демонов Святой земли, похоже, не

сильно отличалась от той, что выражена в названии пьесы Бена Джонсона "Дьявол - это осел".

Одна из самых ранних карт, когда-либо опубликованных, которая появилась в Риме в шестнадцатом веке, свидетельствует о подобной вере в связь языческих народов севера Европы с демонами духовного мира. В Эстляндии, Литве, Курляндии и других подобных районах на карте, за неимением, надо полагать, точных сведений о стране, изображены грубые нарезки одетых в меха туземцев, воздающих почести святыням демонов, которые зримо являются им; в других местах они изображены сражающимися с тевтонскими рыцарями или другими военными объединениями, созданными для обращения или изгнания язычников в этих краях. Среди язычников, вооруженных секирами и одетых в кафтаны, нарисованы помогающие им изверги, изображенные во всех современных ужасах: с перепончатой, или, как говорят немцы, лошадиной ногой, крыльями летучей мыши, глазами-блюдцами, локонами, как у змей, и хвостом, как у дракона. Эти атрибуты, как можно бегло заметить, сами по себе указывают на связь современной демонологии с мифологией древних. Сцепленные ноги - атрибут Пана, чьим талантам внушать ужас мы обязаны словом "*паника*", змеиные локоны позаимствованы из щита Минервы, и только драконий хвост, похоже, связан с историей [Писания](#)⁵.

Примечание-->

5 (возвращение)

[Карта, о которой идет речь, является одним из *јас-симиле* древней планисферы, выгравированной в бронзе в конце XV века и названной Борджианской таблицей, по имени ее владельца, кардинала Стефана Борджиа, и хранящейся в его музее в Велетри.]

Другие языческие народы, чьи вероучения не могли внести непосредственный вклад в систему демонологии, поскольку их нравы и даже само их существование были неизвестны на момент ее принятия, тем не менее, как только европейцы познакомились с ними, были вовлечены в то же обвинение в колдовстве и поклонении демонам, которое христиане Средних веков выдвинули против язычников Северной Европы и магометан Востока. Из сведений португальского мореплавателя мы узнаем, что даже коренные христиане (их называли христианами святого Фомы), которых первооткрыватели нашли в Индии, когда только прибыли туда, попали под подозрение в дьявольских практиках. Почти напрасно священники одной из их часовен представили португальским офицерам и солдатам святой образ и призвали их, как добрых христиан, поклониться Пресвятой Деве. Скульптор был так мало знаком со своим искусством, а отвратительная форма, которую он создал, напоминала обитателя преисподней гораздо больше, чем Богородица, что один из европейских офицеров, упав на колени, как и его товарищи, громко заявил, что если образ изображает дьявола, то он отдает дань уважения Пресвятой Деве.

В Южной Америке испанцы оправдывали неослабевающие жестокости, применяемые к несчастным туземцам, повторяя во всех своих рассказах о странах, которые они открыли и завоевали, что индейцы, поклоняясь идолам, пользовались прямой связью с демонами, и что их жрецы насаждали доктрины и обряды, самые мерзкие и отвратительные для христианского слуха. Великий змеиный бог Мексики и другие идолы, которым поклонялись с

человеческими жертвами и купали в крови пленников, дают слишком много оснований для такого обвинения; и если в самих изображениях не жили злые духи, то поклонение, которое мексиканцы им оказывали, было основано на такой смертельной жестокости и мрачном суеверии, что можно легко поверить, будто в смертных вдохнули адские силы.

Даже в Северной Америке первые поселенцы в Новой Англии и других частях этого огромного континента единодушно согласились с тем, что обнаружили среди жителей следы тесной связи с Сатаной. Нет нужды говорить о том, что это мнение основывалось исключительно на уловках, которые практиковали туземные пауа, или хитрые люди, чтобы добиться влияния среди вождей и уважения в народе, и которые, поскольку они профессионально владели некоторым мастерством в жонглировании и знанием некоторых медицинских трав и секретов, понимание колонистов было не в состоянии проследить до их настоящего источника - лжедемана и самозванства. Однако, судя по рассказу преподобного Коттона Мазера в его "*Magnalia*", книга vi,6, он не приписывает этим индейским фокусникам никаких навыков, значительно превосходящих мастерство составителя альманахов или обычного гадальщика. "Они, - говорит доктор, - повсеместно признавали многих богов и поклонялись им, а потому высоко ценили и почитали своих жрецов, пауа, или волшебников, которые, как считалось, имели непосредственное общение с богами. Поэтому к ним они обращались во всех трудных случаях: однако не все, кто желал получить это достоинство, как они считали, могли добиться общения с адскими духами. Не все пауа были одинаково успешны в своих обращениях; но они становились таковыми либо в результате непосредственного откровения, либо при использовании определенных обрядов и церемоний, которые традиция оставила как способствующие достижению этой цели. Так, родители из рвения часто посвящали своих детей богам и воспитывали их соответствующим образом, соблюдая определенную диету, запрещая спать и т. д.: но из многих задуманных, лишь немногие добивались своего. Полагая, что там, где колдовство высоко ценится, должны быть приведены самые явные доказательства того, что смертные знакомы с inferнальными духами, я готов сообщить читателю, что не так давно здесь умер один из паханов, который никогда не претендовал на астрологические знания, но мог точно сообщить тем, кто желал его помощи, откуда ушли украденные у них товары и куда их несут, и многое другое в том же духе; И он никогда не пытался скрыть, что его знания исходят от подвластного ему бога, которому поклоняются англичане. Этот пауа, будучи англичанином, достойным доверия (который недавно сообщил мне о том же), пожелал посоветовать ему, кто взял некоторые товары, которые были украдены, будучи ранее очевидцем его способности, пауа, после небольшой паузы, потребовал, почему он просит это у него, поскольку сам служит другому Богу? что поэтому он не может помочь ему; но добавил: "*Если вы можете поверить, что мой Бог может помочь вам, я попробую, что я могу сделать*"; что отвлекло человека от дальнейших расспросов. Я должен немного отвлечься и рассказать читателю, что жена этого пахаря была благочестивой женщиной и жила в исповедании христианской религии, не только одобряя, но и поощряя своего мужа. Она постоянно молилась в семье и посещала общественные богослужения в дни Господних праздников. Он заявил, что не может винить ее за то, что она служит богу, который выше его; но что касается его самого, то постоянная доброта его бога обязывает его не оставлять его служение". Из вышеприведенных и подобных отрывков следует, что доктор Коттон Мазер, честный и набожный, но достаточно доверчивый человек, ошибся в целях толерантного Пауа. Тот лишь хотел избежать необходимости подвергать свои обычаи наблюдению европейца, а он находил гениальное оправдание в признании превосходства, которое он, естественно, уступал Божеству народа, настолько превосходящего, как он мог предположить, его собственный по силе и достижениям, что вполне обоснованно мог предполагать соответствующее превосходство в природе и объектах его поклонения.

Примечание-->

6 (обратно)

["О выдающихся милостях божественного провидения"].

Из другого рассказа мы вправе заключить, что европейский волшебник считался выше туземного колдуна Северной Америки. Среди бесчисленных экстравагантностей шотландских диссентеров XVII века, ныне канонизированных теми, кто рассматривает их в общем свете врагов прелатизма, был некий корабельный мастер, называемый, судя по его размерам, Мейкл Джон Гибб. Этот человек, человек по имени Джейми и еще один или два мужчины, а также двадцать или тридцать женщин, которые примыкали к ним, проявляли дичайший энтузиазм. Гибб возглавил отряд, который последовал за ним в болотистую местность и в Форд-Моссе, между Эйртом и Стирлингом, сжег свои Библии в знак торжественной приверженности своей новой вере. Вследствие этого они были задержаны и заключены в тюрьму; остальные диссентеры, как ни относились они к преследованиям правительства, когда они касались их самих, были, тем не менее, очень обижены тем, что эти бедные безумцы не были привлечены к высшей мере наказания за свои богохульные выходки; И вменили герцогу Йоркскому в вину то, что он, хотя его и нельзя часто обвинять в толерантности, считал дисциплину исправительного дома более способной привести несчастных гиббитов в чувство, чем более достойные суровые меры публичного суда и виселицы. Камеронцы, однако, сделали все возможное, чтобы исправить эту скандальную мягкость. Так как Мейкл Джон Гибб, их товарищ по плену, часто нарушал их богослужение в тюрьме своим маньячным воем, двое из них по очереди удерживали его силой и заставляли замолчать, засунув ему в рот салфетку. Этот способ утихомирить неудачливого еретика, хотя и достаточно выразительный, был сочтен неэффективным или неудобным, но Джордж Джексон, камеронец, который впоследствии пострадал на виселице, прижал маньяка ногами и руками к стене и избил его так сильно, что остальные испугались, что он убил его прямо. После такого братского наказания безумец, чтобы избежать повторения дисциплины, всякий раз, когда заключенные начинали поклоняться, убегал за дверь и там, зажав рот собственной салфеткой, сидел, завывая, как наказанный карлик. Но когда Джона Гибба наконец перевезли в Америку, он, как нас уверяют, вызвал восхищение язычников за то, что общался с дьяволом телесно и приносил ему жертвы. "Он умер там, - говорит Уокер, - около 1720 года"⁷.⁷ Мы должны сделать вывод, что претензии туземцев на сверхъестественное общение не могли быть высокого класса, поскольку мы видим, что они почитали этого бедного безумца как своего начальника; и вообще, магия, или пауэрхантинг, североамериканских индейцев не была такого рода, чтобы вызывать большие опасения у британских колонистов, поскольку сами туземцы отдавали честь и предпочтение тем европейцам, которые приходили к ним с видом общения с духами, которым они сами поклонялись.

Примечание-->

7 (возвращение)

[См. "Biographia Presbyteriana" Патрика Уокера, т. ii. стр. 23; также "Божий суд над гонителями" и "Историю" Уодроу, посвященную Джону Гиббу].

Несмотря на эту неполноценность пауа, поселенцам стало ясно, что язычники-индейцы и французы-католики пользуются особой благосклонностью демонов, которые иногда принимали их облик и являлись в их образе, к большому раздражению колонистов. Так, в 1692 году партия настоящих или мнимых французов и индейцев периодически являлась колонистам города Глостер в графстве Эссекс в Новой Англии, сильно встревожила окрестности, неоднократно вступала в стычки с англичанами, заставила поднять два полка и послать на помощь поселению сильное подкрепление. Но поскольку эти визитеры, которых они терзали более двух недель, хотя и обменивались огнем с поселенцами, ни разу никого не убили и не сняли скальп, англичане убедились, что это не настоящие индейцы и французы, а что дьявол и его агенты приняли такой облик, хотя, казалось бы, не имели возможности эффективно поддерживать его, для того чтобы досаждать колонии.⁸

Примечание-->

8 (обратно)

["Magnalia", книга vii. статья xviii. Этот факт также утверждается в "Жизни сэра Уильяма Фиппса"].

Таким образом, оказывается, что идеи суеверия, которые более невежественные новообращенные в христианскую веру заимствовали из обломков классической мифологии, настолько укоренились в умах их преемников, что те нашли подтверждение своей вере в демонологию в практике каждого языческого народа, чьей судьбой было столкнуться с ними как с врагами, причем как в пределах Европы, так и в любой другой части земного шара, куда доставлялось их оружие. Одним словом, можно с уверенностью утверждать, что общепринятая доктрина демонологии, представляющая одни и те же общие очертания, хотя и варьировавшаяся в зависимости от фантазии отдельных народов, существовала во всей Европе. Похоже, что первоначально она была основана на чувствах, связанных с человеческим сердцем, или на болезнях, которым подвержен человек, затем была значительно дополнена классическими суевериями, сохранившимися на руинах язычества, и получила новый вклад от мнений, собранных среди варварских народов, как восточных, так и западных. Теперь необходимо более детально разобраться в этом вопросе и попытаться проследить, из каких именно источников люди Средневековья черпали те представления, которые постепенно приобрели форму регулярной системы демонологии.

ПИСЬМО III.

Символ веры Зороастра - Частично принят в большинстве языческих народов - Обстоятельства среди кельтских племен Шотландии - Праздник Бельтана - Крофт Гудемана - Такие злоупотребления были допущены в христианстве после ранних веков Церкви - Закон римлян против колдовства - Римские обычаи пережили падение их религии - Обстоятельства - Демонология северных варваров - Никсас - Бхаргейст - Соответствие между северными и римскими ведьмами - Сила очарования, приписываемая Колдуньи - Пример из "Саги об Эйрбигге" - Пророчицы германцев - Боги Валгаллы не очень высоко ценились их поклонниками - Часто бросали вызов чемпионам - Демоны Севера - История Ассуэита и Асмунда - Действие Изгнание призраков - Приключение чемпиона с богиней Фрейей - Обращение язычников Исландии в христианство - Северные суеверия, смешанные с кельтскими - Сатиры севера - Горный Оуриск - Поминование сатира.

Вероучение Зороастра, которое естественным образом приходит на ум неокрепшему разуму как способ объяснить смешанное существование добра и зла в видимом мире - вера, которая в той или иной модификации предполагает сосуществование благодетельного и злого принципов, которые борются друг с другом, но ни один из них не может решительно одержать верх над своим антагонистом, В результате страх и благоговение, глубоко внушенные человеческому разуму, приводят к поклонению как автору зла, столь грандиозному по всем последствиям, первопричиной которых легкое верие считает его, так и его великому противнику, которого любят и обожают как отца всего доброго и благодатного. Но таково уж робкое раболепие человеческой натуры, что поклонники скорее пренебрегут алтарем Автора добра, чем алтарем Аримана, с безразличием уповая на известное милосердие первого, но не желая раздражать мстительную ревность ужасного отца зла.

Кельтские племена, которыми, судя по всему, под разными названиями была первоначально заселена Европа, как и другие дикари, обладали естественной склонностью к поклонению злему принципу. Возможно, они не обожествляли Аримана под одним-единственным именем и не считали зловредных божеств достаточно могущественными, чтобы вступить в прямую борьбу с более благосклонными богами; тем не менее они считали нужным умиловать их различными искупительными обрядами и молитвами, чтобы они и стихийные бури, которые, как они считали, находятся под их непосредственным управлением, были милостивы к сторонникам, признавшим их власть и отказавшимся от их мести.

Остатки этих суеверий можно проследить вплоть до середины прошлого века, хотя они быстро устаревают или переходят в обычные народные обычаи, которые крестьяне соблюдают, не задумываясь об их происхождении. Примерно в 1769 году, когда мистер Пеннант совершал свое путешествие, церемония Баалтейна, Белтейна или Первого мая, хотя и менялась в разных районах Хайлендса, все еще строго соблюдалась, а пирог, который тогда пекли со скрупулезным вниманием к определенным обрядам и формам, был разделен на части, которые официально посвящались хищным птицам или зверям, чтобы они, или скорее существа, чьими агентами они были, могли пощадить стада и отары.⁹

Примечание-->

9 (обратно)

[См. Tennant's "Scottish Tour", vol. i. p. III. Путешественник упоминает, что подобный праздник в его время отмечался в Глостершире].

Другой обычай аналогичного происхождения сохранился у нас допоздна. Во многих приходах Шотландии существовал определенный участок земли, называемый "*крофт гудмена*", который никогда не распахивался и не обрабатывался, а оставался пустым, как ТЕМЕНОС языческого храма. Хотя это и не было открыто, никто не сомневался, что "крофт гудмена" был предназначен для какого-то злого существа; Фактически, это был удел самого архетипа, которого наши предки называли именем, которое, хотя и было общепонятным, не могло, как предполагалось, быть оскорбительным для сурового обитателя областей отчаяния. Этот обычай был настолько распространен, что церковь издала постановление, запрещающее его как нечестивый и богохульный обычай.

В семнадцатом веке этот необычный обычай канул в Лету благодаря усилиям духовенства; но, должно быть, еще живы многие, кого в детстве учили с удивлением смотреть на холмики и участки земли, оставленные без обработки, потому что, как считалось, если лемех входил в землю, стихийные духи выражали свое недовольство бурей и громом. На нашей памяти таких мест, освященных бесплодием каким-то излюбленным народным суеверием, было немало как в Уэльсе и Ирландии, так и в Шотландии; но высокая цена на сельскохозяйственную продукцию во время последней войны заставляет сомневаться, что почитание седобородых суеверий позволило хоть одному из них остаться неосвященным. По той же причине почитались горы, называемые Сит Бхруаит, и считалось незаконным и опасным рубить дрова, копать землю и камни или иным образом беспокоить их. [10](#)

Примечание-->

10 (обратно)

[См. "Эссе о Подземном Содружестве" мистера Роберта Кирка, министра Аберфойла].

На первый взгляд может показаться странным, что христианская религия допустила существование столь грубых и нечестивых реликтов язычества в стране, где ее доктрины получили всеобщее признание. Но это не покажется столь удивительным, если вспомнить, что первоначальные христиане при языческих императорах были призваны к обращению голосом апостолов и святых, наделенных для этой цели чудодейственной силой, как языковой, чтобы донести свое учение до язычников, так и исцеляющей, чтобы подтвердить свою миссию. Эти обращенные должны были быть в целом такими избранными людьми, которые были призваны войти в состав младенческой Церкви; и когда лицемеры, подобно Анании и Сапфире, осмеливались войти в столь избранную ассоциацию, они, по

Божественному благоволению, должны были быть обнаружены и наказаны. Напротив, народы, обращенные в христианство после того, как оно стало религией империи, не были введены в рамки по такому принципу отбора, как когда церковь состояла из нескольких человек, которые по убеждению променяли заблуждения языческой религии на опасности и обязанности, которые несут те, кто принимает веру, предполагающую самоотречение ее приверженцев и в то же время подвергающую их гонениям. Когда крест восторжествовал, и его дело больше не нуждалось в наставлениях вдохновенных людей или свидетельствах чудес, чтобы заставить неохотно поверить, очевидно, что новообращенные, которые толпами шли в лоно церкви, должны были, многие из них, войти туда, потому что христианство было преобладающей верой - многие, потому что это была церковь. Многие, наконец, хотя и смирились с поклонением языческим божествам, не могли сразу очистить свой разум от языческих ритуалов и языческих обрядов, которые они непоследовательно пытались объединить с более простой и величественной верой, презиравшей такие нечистые союзы. Если так обстояло дело даже в Римской империи, где новообращенные в христианскую веру должны были находить среди ранних членов церкви самое быстрое и надежное обучение, то насколько более несовершенными могли быть те чужие и варварские племена, которые получали необходимую религиозную информацию от какого-то ревностного и восторженного проповедника, крестившего их сотнями за один день? Еще меньше мы можем представить себе, что они приобрели знания о христианстве в подлинном и совершенном смысле этого слова, когда, как это часто случалось, они лишь принимали исповедание религии, ставшей выбором какого-нибудь благосклонного вождя, примеру которого они следовали в простой любви и преданности, не придавая, возможно, смене религии большего значения, чем смене одежды. Такие поспешно обращенные, исповедующие себя христианами, но не отученные от своей старой веры и не наставленные в новой, входили в святилище, не отбросив суеверий, которыми были пропитаны их юные умы; привыкшие к множеству божеств, некоторые из них, кто придавал этому вопросу необычное значение, могли считать, что, приняв Бога христиан, они не отказались от служения всем низшим силам.

Если бы законы империи могли повлиять на этих свирепых варваров, считавших, что сама империя лежит перед ними как добыча, им бы рассказали, что Константин, рассматривая преступление предполагаемых магов и колдунов в том же свете, в каком оно рассматривалось в законе Моисея, осудил на смерть любого, кто прибегал к этим незаконным расспросам о будущем. "Пусть отныне и навсегда умолкнет в каждом беззаконное любопытство, - гласит закон, - любопытство заглядывать в будущее.¹¹ Ибо, подвергнутый мечу возмездия закона, тот будет наказан смертной казнью, кто ослушается наших повелений в этом деле".

Примечание-->

11 (возвращение)

["Кодекс", lib. ix. tit. 18, cap. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8].

Однако если мы более внимательно изучим это постановление, то придем к выводу, что гражданский закон не основывается на запретах и наказаниях, содержащихся в Священном

Писании; Хотя он осуждает *ars mathematica* (ибо самая мистическая и неопределенная из всех наук, реальных или притворных, в то время носила титул, который сейчас отличает самую точную) как проклятое искусство, и полностью запрещает, и объявляет, что практикующие ее должны умереть через огонь, как враги человеческого рода - однако причина такого сурового обращения, кажется, отличается от того, что действовало в мозаичных учреждениях. У иудеев вся тяжесть преступления возлагалась на богохульство прорицателей и их измену теократии, установленной Иеговой. Римскими же законодателями двигала, прежде всего, опасность, грозящая личности принца и спокойствию государства, столь склонного к расшатыванию при любом притворстве или поощрении нововведений. Поэтому правящие императоры желали поставить заслон математике (так они называли искусство гадания), скорее по политическим, чем по религиозным причинам, поскольку в истории империи мы видим, как часто свержение или смерть государя происходили из-за заговоров или мятежей, которые возникали на основе притворных пророчеств. При таком взгляде на преступление юристы низшей империи действовали по примеру тех, кто составлял законы двенадцати [таблиц](#)¹². Ошибочная и неуместная преданность, которую Гораций рекомендует сельской нимфе Фидиле, была бы преступлением глубокого подтекста для новообращенного христианина и должна была бы подвергнуть его отлучению, как человека, вернувшегося к обрядам язычества; но он мог потакать своему суеверию, полагая, что хотя он не должен поклоняться Пану или Церере как богам, он волен бояться их в их новом качестве извергов. Некий компромисс между страхом и совестью новообращенных в то время, когда церковь уже не состояла исключительно из святых, мучеников и исповедников, учеников вдохновенных апостолов, заставил их и даже их наставников-священников, подверженных, как и они сами, человеческим страстям и заблуждениям, прибегнуть в качестве очарования, если не акта поклонения, к тем жертвоприношениям, словам и ритуалам, с помощью которых язычники, которых они сменили, пытались остановить зло или получить благо.

Примечание-->

12 (возвращение)

[По этому более древнему кодексу смертной казни действительно подлежали те, кто уничтожал посевы, вызывал бури или приносил в свои амбары и житницы плоды земли; но, к счастью, он оставлял земледельцам того времени свободу использовать те средства, которые они считали наиболее подходящими для того, чтобы сделать свои поля плодородными и обильными. Плиний сообщает нам, что некий Кай Фурий Кресинус, римлянин среднего достатка, собирал с небольшого поля большие урожаи, чем его соседи могли получить с более обширных владений. Его привлекли к суду по обвинению в том, что он вымогает плоды земли, выращенные на фермах его соседей, в свое владение. Крезинус предстал перед судом и, доказав, что отдача от его фермы - плод его собственного тяжелого и неустанного труда, а также превосходного мастерства, был уволен с высочайшими почестями].

Когда такая вера во враждебный принцип и его фантазии стала всеобщей в Римской империи, невежество ее завоевателей, этих диких народов, франков, готов, вандалов, гуннов и подобных им классов нерафинированного человечества, сделало их склонными к ошибке,

от которой их мало кто предостерегал из благоразумных проповедников; И мы должны скорее удивляться и восхищаться Божественной милостью, которая дала столь грубым народам свет Евангелия и расположила их к принятию религии, столь противной их воинственным привычкам, чем тем, что они в то же самое время приняли многие грубые суеверия, заимствованные у язычников, или сохранили ряд тех, которые стали частью их собственных национальных форм язычества.

Таким образом, хотя троны Юпитера и высших божеств языческого пантеона были полностью свергнуты и разбиты на куски, фрагменты их поклонения и многие из их обрядов пережили обращение в христианство - а может быть, существуют даже в этот поздний и просвещенный период, хотя те, кто их практикует, не сохранили ни малейшей памяти об их первоначальной цели. Мы можем поспешно упомянуть один или два обычая классического происхождения, в дополнение к Белтану и уже отмеченным, которые остаются примером того, что нравы римлян когда-то задавали тон большей части острова Британия, и, по крайней мере, всей той части, которая находилась к югу от стены Севера.

На юге Шотландии до сих пор сохранились следующие обычаи, которые относятся к этому классу: Невесту, когда она входит в дом своего мужа, поднимают над порогом, и ступить на него или переступить через него добровольно считается дурным предзнаменованием. Этот обычай был распространен в Риме, где его соблюдали в память об изнасиловании сабинянок и о том, что именно демонстрацией насилия по отношению к женщинам была достигнута цель заселения города. По этому же случаю сладкий пирог, испеченный для этой цели, разламывают над головой невесты; это также обряд классической древности.

Подобным образом шотландцы, даже из лучших слоев общества, избегают заключать брак в мае, который, в свою очередь, может показаться особенно благоприятным для этой цели в сезон цветов и бризов. Против брака Марии с распутным графом Ботвеллом особенно возражали, поскольку союз был заключен в этот запретный месяц. Этот предрассудок настолько укоренился среди шотландцев, что в 1684 году группа энтузиастов, называемых гиббитами, предложила отказаться от него, наряду с длинным списком установленных праздников, постных дней, папистских реликвий, не забывая о профанических названиях дней недели, названиях месяцев и всевозможных праздных и глупых обычаях, на которые их нежная совесть не соглашалась. Это возражение против заключения брака в веселый месяц май, каким бы подходящим ни было время для ухаживаний, также заимствовано у римских язычников, и если бы эти фанатики знали о нем, то это стало бы дополнительной причиной для их анафемы против этой практики. Древние передали нам в качестве максимы, что только плохие женщины выходят замуж в этот месяц.¹³

Примечание-->

13 (возвращение)
["Malæ nubent Maia"].

Обычай говорить "Благослови вас Бог", когда кто-то в компании чихает, точно так же происходит от чихания, которое в Афинах считалось кризисом чумы, и надежды на то, что, достигнув его, больной получит шанс на выздоровление.

Но помимо этих и многих других обычаев, которые различные народы Европы получили от классиков и исследование которых не входит в нашу задачу, они заимствовали оттуда целый косяк суеверных верований, которые, смешиваясь с теми, что они принесли с собой из своей страны, способствовали развитию и формированию демонологического вероучения, дошедшего почти до наших дней. Никсас, или Никса, речной или океанский бог, которому поклонялись на берегах Балтики, похоже, безраздельно владел атрибутами Нептуна. Среди сумеречных зим и всепоглощающих бурь этих мрачных регионов он был неестественно выбран как сила, наиболее неблагоприятная для человека, и сверхъестественный характер, которым он был наделен, дошел до нашего времени в двух различных аспектах. Никса у немцев - одна из тех очаровательных и прекрасных фей, которых древние называли наядами; если только ее гордость не оскорблена или ее ревность не разбужена непостоянным любовником, ее нрав обычно мягок, а действия благотворны. Старый Ник, известный в Англии, является столь же подлинным потомком северного морского бога и обладает большей частью его сил и ужасов. Британский моряк, который не боится ничего другого, признается в своем ужасе перед этим ужасным существом и считает его автором почти всех различных бедствий, которым так постоянно подвергается ненадежная жизнь моряка.

Бхар-гость, или Бхар-гейст, под этим именем он распространен в разных частях Англии, особенно в Йоркшире, также называемый Доби - местный призрак, который преследует определенное место в различных формах - является божеством, как следует из его имени, тевтонского происхождения; И если это правда, как сообщили автору, что некоторые семьи, носящие имя Доби, изображают фантом или призрак, пассат, в своих гербовых знаках,¹⁴ то это явно подразумевает, что, как бы ни было выбрано это слово для собственного имени, его первоначальное происхождение не было забыто.

Примечание-->

14 (возвращение)

[Аналогичный знак по той же причине был приписан тем, кто носил имя Фантома, который в старину носил гоблина, или фантома, в собольем саване, на лазоревом поле. Оба подшипника основаны на так называемой геральдике с кантингом - виде искусства, отвергаемом писателями, изучающими эту науку, но повсеместно используемом теми, кто практикует искусство герботворчества].

В классической мифологии было много моментов, в которых она легко сходилась с мифологией германцев, датчан и северян более позднего периода. Они признавали власть Эрихто, Канидии и других колдуний, чьи чары могли запутать ход стихий, перехватить влияние солнца и помешать его благотворному воздействию на плоды земли, вызвать луну из назначенной ей сферы и нарушить изначальный и предначертанный ход природы своими словами и чарами, а также силой злых духов, которых они вызывали. Они также были профессионально вовлечены во все мистические и тайные обряды и церемонии, которые использовались для того, чтобы заручиться благосклонностью inferнальных сил, чьи нравы

считались столь же темными и своенравными, сколь мрачными и угрюмыми были их царства. Такие ведьмы часто совершали надругательства над непогребенными телами, и вульгарные люди считали, что опасно оставлять трупы без охраны, чтобы они не были растерзаны ведьмами, которые брали из них самые отборные ингредиенты для своих чар. Кроме того, не следует забывать, что эти страшные колдуньи обладали способностью превращать себя и других в животных, которых использовали в степени четвероногих или в любом другом трудоемком занятии, присущем превращенному состоянию. Поэты язычников и авторы художественных произведений, такие как Лукиан и Апулей, приписывают все эти способности ведьмам языческого мира, сочетая их с искусством отравления и изготовления магических фильтров для обольщения молодых и красивых; именно такие характеристики в большей или меньшей степени приписывали ведьмам своего времени люди Средневековья.

Но, переняв суеверия древних, завоеватели Римской империи объединили их с аналогичными верованиями, которые они привезли с собой из своих первоначальных поселений на севере, где существование ведьм того же характера составляло важную особенность их саг и хроник. Достаточно небольшого знакомства с этими сочинениями, чтобы читатель узнал в Гальдракинне скальдов *Стрыгу* или женщину-колдунью из более классического климата. В северных представлениях о ведьмах не было никакой иррелигии, связанной с их культом. Напротив, обладание магическими знаниями было особым атрибутом самого Одина, а вторгнуться к божеству и заставить его наставить их в том, что они хотели узнать, считалось среди этих сынов меча и копья не нечестием, а галантностью и высокой храбростью. Их матроны обладали высокой репутацией в области магии, пророческих способностей, создания иллюзий; и если они не были способны к трансформации человеческого тела, то, по крайней мере, умели так завораживать взгляд своих врагов, чтобы на некоторое время скрыть предметы, которые они искали.

В "Саге об Эйрбигге" ("История Эйрана") есть замечательный рассказ о результате спора двух этих одаренных женщин, одна из которых была намерена найти и предать смерти сына другой, по имени Катла, который в драке отрубил руку невестке Гейрады. Отряд, отправившийся отомстить за это злодеяние, предав смерти Оддо, вернулся, обманутый ловкостью его матери. Они нашли только Катлу, которая, по их словам, пряла лен с большого мотка. "Глупцы, - сказала Гейрада, - эта прялка и есть тот, кого вы искали". Они вернулись, схватили моток и сожгли его. Но во второй раз ведьма передела своего сына в прирученного ребенка. В третий раз он превратился в борова, который корчился среди пепла. И снова вернулся отряд, пополненный, как сообщила хозяйке одна из девиц Катлы, стоявшая на страже, человеком в голубой мантии. "Увы!" - сказала Катла, - "это колдунья Гейрада, против которой не действуют заклинания". Поэтому враждебная сторона, войдя в четвертый раз, схватила объект своей вражды и предала его смерти.¹⁵ Этот вид колдовства хорошо известен в Шотландии как *зачарование*, или *deceptio visus*, и считался особым свойством цыганской расы.

Примечание-->

15 ([возвращение](#))

["Eyrbyggja Saga", в "Северных древностях"].

Не следует забывать и о пророчицах, столь почитаемых среди германских племен, которые, как уверяет нас Тацит, благодаря своим предполагаемым сверхъестественным знаниям занимали высшие посты в их советах и даже принимали участие в управлении их армиями. Эта особенность в обычаях северян была настолько общей, что не было ничего необычного в том, что женщины, благодаря своим предполагаемым взглядам в будущее и степени божественного вдохновения, которое им было даровано, поднимались до степени НАХА, или главной жрицы, от которой происходит слово *Нехе*, ныне повсеместно используемое для обозначения ведьмы; Это обстоятельство ясно показывает, что мифологическая система древних аборигенов Севера дала современному языку подходящее слово для обозначения тех женщин, которые общались с духовным миром. [16](#)

Примечание-->

16 (возвращение)

[Стоит заметить, что слово Наха до сих пор используется в Шотландии в значении друидессы, или главной жрицы, для обозначения мест, где такие женщины проводят свои ритуалы. На западном спуске холмов Эйлдон есть вид небольшого углубления, которое, по словам г-на Милна, в его описании прихода Мелроуз, составленном около восьмидесяти лет назад, называлось *Бурджо*, слово неизвестного происхождения, под которым это место известно до сих пор. Здесь, по всеобщему и живучему преданию, в давние времена приносились человеческие жертвы, а присутствующие могли наблюдать за церемонией с возвышенности ледника, склоняющегося внутрь. С этим местом жертвоприношений соединялась тропа, которую до сих пор можно различить и которая называется *Гаксельские ворота*, ведущие в небольшую лощину или узкую долину под названием *Гаксельклич* - оба эти слова, вероятно, происходят от имени Гаксы или главной жрицы язычников].

Неоспоримо, что эти питонессы пользовались большим уважением, пока сохранялась языческая религия; но именно по этой причине они стали одиозными, как только племя обратилось в христианство. Конечно, если они притворялись, что сохраняют свое влияние, их либо презирали как самозванок, либо боялись как колдуний; и чем больше в отдельных случаях их боялись за их силу, тем больше их ненавидели, считая, что они получают ее от врага человека. Божества северных язычников претерпели подобную метаморфозу, похожую на ту, которую предлагает Драукансир в "Репетиции", угрожая "сделать бога, подписавшегося дьяволом".

Воины Севера восприняли это новое впечатление о влиянии своих божеств и источнике, из которого оно исходило, с тем большим безразличием, что их поклонение, когда их мифология была наиболее распространена, никогда не было очень благоговейным или набожным. Их представление о собственной чисто человеческой доблести было настолько высоким, что чемпионы, как мы уже намекали, могли похвастаться тем, что не уступят в бою даже самым бессмертным богам. Так, как мы узнаем от Цезаря, думали германцы о суэви, или швабах, племени, которому остальные уступали пальму первенства в доблести; в сагах рассказывается множество историй о смелых чемпионах, которые сражались не только с колдунами, но и с полубогами системы и выходили невредимыми, если не побеждали в поединке. Хотер, например, столкнулся в бою с богом Тором, как Диомед в "Илиаде"

сражается с Марсом, и с таким же успехом. [Бартольсин17](#) приводит нам множество примеров такого же рода. "Знай, - сказал Киартан Олаусу Триггасену, - что я не верю ни в идолов, ни в демонов. Я путешествовал по разным странам, встречал множество великанов и чудовищ и никогда не был ими побежден; поэтому я полагаюсь только на свою силу тела и мужество души". Другой, еще более широкий ответ был дан Гаукатером святому Олаусу, королю Норвегии. "Я не язычник и не христианин. Я и мои товарищи не исповедуем никакой другой религии, кроме совершенной уверенности в собственных силах и непобедимости в бою". Такие вожди принадлежали к секте Мезенция.

"Dextra mihi Deus, et telum, quod missile libro,
Nunc adsint!"[18](#)

И мы не можем удивляться, что поборники такого характера, небрежно относящиеся к своим богам, пока те были признаны таковыми, после обращения в христианство с готовностью считали их демонами.

Примечание-->

17 ([обратно](#))
["De causis contemptæ necis", lib. i. cap 6].

Note-->

18 ([обратно](#))
["Энеида", lib. x. строка 773].

Подвергнуться самой высокой опасности стало считаться доказательством той непреодолимой доблести, которой хотел прославиться каждый северянин, и в их летописях можно найти множество примеров столкновений с призраками, ведьмами, фуриями и дьяволами, которых кимпе, или чемпионы, заставляли подчиниться их простой смертной силе и отдать им оружие или другие сокровища, которые они хранили в своих гробницах.

Норсмены были более склонны к этим суевериям, поскольку у них была любимая фантазия, что во многих случаях переход от жизни к смерти менял нрав человеческого духа с благотворного на злобный; или, возможно, когда душа покидала тело, ее уход иногда сопровождался злобным демоном, который пользовался возможностью войти и занять свое прежнее жилище.

На таком предположении, вероятно, основана следующая дикая выдумка, которая, как бы экстравагантна она ни была, обладает чем-то поражающим воображение. Саксо Грамматик

рассказывает нам о славе двух норвежских принцев или вождей, которые создали так называемое братство по оружию, подразумевающее не только крепкую дружбу и постоянную поддержку во всех приключениях, которые они должны были предпринять в жизни, но и связывающее их торжественным договором, согласно которому после смерти одного из них оставшийся в живых должен спуститься живым в могилу своего брата по оружию и согласиться быть похороненным вместе с ним. Задача выполнить этот страшный договор выпала на долю Асмунда, его спутник, Ассуэйт, был убит в бою. Гробница была построена по древнему северному обычаю в так называемую эпоху холмов, то есть когда было принято хоронить людей с выдающимися заслугами или званием на каком-нибудь видном месте, которое венчал курган. Для этого сооружали глубокий узкий свод, который должен был стать апартаментами будущей гробницы, над которой насыпали погребальную кучу. Сюда складывали оружие, трофеи, лили, возможно, кровь жертв, вводили в гробницу боевых коней чемпионов, и когда все эти обряды были должным образом совершены, тело Ассуэйта поместили в темный и узкий дом, а его верный брат по оружию вошел и сел рядом с трупом, ни словом, ни взглядом не показав сожаления или нежелания выполнить свой страшный долг. Солдаты, ставшие свидетелями этого необычного погребения живых и мертвых, подкатали к устью могилы огромный камень и навалили на него столько земли и камней, что курган стал виден с большого расстояния, а затем, громко оплакивая потерю таких неустрашимых вождей, разошлись, как стадо, потерявшее своего пастуха.

Годы шли за годами, и прошло столетие, прежде чем благородный шведский путешественник, отправившийся на поиски приключений и сопровождаемый отрядом доблестных воинов, прибыл в долину, получившую свое название от могилы братьев по оружию. Чужестранцам рассказали эту историю, и их предводитель решил вскрыть гробницу, отчасти потому, что, как уже говорилось, считалось героическим поступком вызвать гнев ушедших героев, нарушив их могилы; отчасти для того, чтобы получить оружие и мечи, которыми покойные совершали свои великие деяния. Он отправил своих воинов за работу, и вскоре они убрали землю и камни с одной стороны кургана и обнажили вход. Но самые стойкие из воинов отступили назад, когда вместо могильной тишины они услышали внутри ужасные крики, звон мечей, лязг доспехов и весь шум смертельной схватки двух разъяренных чемпионов. Молодого воина спустили в глубокую гробницу на веревке, которую вскоре натянули в надежде получить известия снизу. Но когда искатель приключений спустился, кто-то сбросил его со шнура, а сам занял место в петле. Когда веревку натянули, солдаты вместо своего товарища увидели Асмунда, оставшегося в живых из боевого братства. Он бросился на открытое пространство, меч в руке, доспехи наполовину сорваны с тела, левая сторона лица почти исцарапана, как когтями какого-то дикого зверя. Не успел он появиться на свет, как с импровизационным поэтическим талантом, который у этих чемпионов часто сочетался с героической силой и храбростью, он излил строку стихов, содержащих историю его столетнего противостояния в гробнице. Похоже, что не успели закрыть гробницу, как труп убитого Ассуэйта поднялся с земли, вдохновленный каким-то хищным порывом, и, разорвав на куски и пожрав лошадей, которые были с ними погребены, бросился на товарища, который только что оказал ему такой знак преданной дружбы, чтобы поступить с ним таким же образом. Герой, ничуть не обескураженный ужасами своего положения, взял в руки оружие и стойко защищался от Ассуэйта, вернее, от злого демона, вселившегося в тело этого чемпиона. Так живые братья вели сверхъестественную борьбу, которая продолжалась целый век, когда Асмунд, одержав наконец победу, поверг своего врага на землю и, вбив, как он хвастался, кол в его тело, окончательно низвел его до состояния спокойного обитателя гробницы. Пропев триумфальный рассказ о своем поединке и победе, этот искалеченный завоеватель упал перед ними замертво. Тело Ассуэйта вынесли из гробницы, сожгли, а пепел развеяли по небу; тело же победителя, теперь уже

безжизненное и без спутника, положили туда, чтобы надеяться, что его сон не будет потревожен.¹⁹ Меры предосторожности, принятые против того, чтобы Ассуэйт воскрес во второй раз, напоминают те, что были приняты на греческих островах и в турецких провинциях против вампира. Кроме того, здесь можно найти производную от древнеанглийского закона о самоубийстве, когда в тело вбивали кол, первоначально для того, чтобы сохранить его в могиле.

Примечание-->

19 (возвращение)

[См. Saxo Grammaticus, "Hist. Dan.", lib. v.].

Северные народы также признавали разновидность призраков, которые, получив право на владение зданием или право обитать в нем, не защищались от смертных по рыцарскому принципу поединка, как Ассуэйт, не поддавались молитвам священника или заклинаниям колдуна, но становились послушными, когда их должным образом привлекали к судебному процессу. В "Саге об Эйрбигге" рассказывается, что поместье одного уважаемого землевладельца в Исландии вскоре после заселения этого острова подверглось подобным гонениям. Помешательство было вызвано совпадением некоторых мистических и спектральных явлений, рассчитанных на подобные преследования. Примерно в начале зимы, когда в этих широтах происходит легкая смена темноты и сумерек, составляющих ночь и день, в одной знатной семье и в окрестностях возникла заразная болезнь, которая, унося в разные времена жизни нескольких членов семьи, казалось, грозила им всем смертью. Но смерть этих людей сопровождалась тем необычным следствием, что их призраки бродили по окрестностям особняка, пугая и даже нападая на тех из живых членов семьи, кто осмеливался выйти за его пределы. Поскольку число умерших членов преданного семейства, казалось, увеличивалось пропорционально числу оставшихся в живых, призраки принимались входить в дом, являя свои аэриальные формы и расточенные физиономии даже в печке, где поддерживался огонь для общего пользования жителей и которая в исландскую зиму является единственным удобным местом для сбора семьи. Но остальные обитатели дома, напуганные вторжением этих призраков, предпочли удалиться в другой конец дома и покинуть свои теплые места, чем терпеть соседство фантомов. В конце концов с жалобами обратились к понтифику бога Тора по имени Снорро, который пользовался большим влиянием на острове. По его совету молодой владелец особняка с привидениями собрал из своих соседей жюри, или инквест, составленное в обычной судебной форме, как для рассмотрения обычного гражданского дела, и в их присутствии привел в пример различные призраки и подобию умерших членов семьи, чтобы показать, на каком основании они оспаривают у него и его слуг право на спокойное владение его собственностью и какую защиту они могут выдвинуть за то, что мешают и беспокоят живых. Призраки умерших, поименно и в том порядке, в каком они были вызваны, явились на зов и, пробормотав несколько слов сожаления о том, что вынуждены покинуть свое жилище, ушли или исчезли из поля зрения изумленного дознавателя. Тогда приговор выносился против призраков по умолчанию; и суд присяжных, происхождение которого мы можем проследить, получил триумф, неизвестный ни одному из великих писателей, сделавших его предметом восхваления.²⁰

Примечание-->

20 (обратно)

["Сага об Эйрбигье". См. "Северные древности"].

Не только с духами умерших воинственный народ Севера без робости вел войну и успешно участвовал в судебных процессах по изгнанию. Эти смелые поборники часто навлекали на себя гнев даже высших божеств своей мифологии, не желая допускать, что существует существо, перед которым их смелость может поколебаться. Такова необычная история о том, как один отважный юноша, пересекая пустынный горный хребет, встретил огромную повозку, в которой богиня Фрейя (то есть гигантский идол, созданный для ее изображения) вместе со своим святилищем и богатыми подношениями, прикрепленными к нему, путешествовала из одного района страны в другой. Святилище или святины идола, подобно современному каравану, путешествующему с представлением, было закрыто от посторонних глаз досками и занавесками, а повозка находилась под непосредственным руководством жрицы Фрейи, молодой, красивой и привлекательной женщины. Путешественник, естественно, пристроился рядом со жрицей, которая, поскольку шла пешком, очевидно, ничуть не возражала против компании сильного и красивого молодого человека в качестве проводника и спутника в путешествии. Однако случилось так, что присутствие чемпиона и его беседа со жрицей оказались менее приятными для богини, чем для ее главных собеседников. По определенному сигналу божество вызвало жрицу в святилище, которая вскоре вернулась со слезами на глазах и ужасом на лице, чтобы сообщить своему спутнику, что по воле Фрейи он должен уйти и больше не путешествовать в их компании. "Ты, должно быть, неправильно понял смысл слов богини, - сказал чемпион, - Фрейя не могла составить столь неразумное желание, чтобы я отказался от прямой и хорошей дороги, которая ведет меня прямо по пути, и выбрал обрывистые тропинки и окольные пути, где я могу сломать себе шею". "Тем не менее, - сказала жрица, - богиня будет очень обижена, если ты ослушаешься ее приказаний, и я не могу скрыть от тебя, что она может лично напасть на тебя". "Если она будет столь дерзкой, то только на свой страх и риск, - сказал чемпион, - ибо я испытаю силу этого топора против прочности балок и досок". Жрица укорила его за нечестивость, но, не сумев заставить его подчиниться приказу богини, они снова углубились в общение, которое дошло до такой степени, что шум в скинии, похожий на шум приводимых в движение механизмов, возвестил путникам, что Фрейя, которая, возможно, имела некоторые общие качества с классической Вестой, решила, что личное прерывание этого тет-а-тет не должно больше откладываться. Занавески распахнулись, и массивный и неуклюжий идол, который, надо полагать, по форме напоминал великана, созданного Франкенштейном, громоздко выпрыгнул из кареты и, бросившись на назойливого путешественника, нанес ему своими деревянными руками и рукоятками такие огромные удары, которые было одинаково трудно парировать или выдержать. Но чемпион был вооружен обоюдоострым датским топором, которым он орудовал с такой силой и активностью, что в конце концов раздробил голову изображения и сильным ударом отрубил ему левую ногу. После этого образ Фрейи неподвижно упал на землю, а демон, одушевлявший его, с воплями бежал из разрушенного дома. Чемпион стал победителем и, в соответствии с законом об оружии, завладел женщиной и поклажей. Жрица, божественность покровительницы которой в результате боя сильно уменьшилась в ее глазах, теперь легко склонилась к тому, чтобы стать соратницей и

наложницей победителя. Она сопровождала его в тот район, куда он направлялся, и там выставила святилище Фрейи, позаботившись о том, чтобы скрыть раны, полученные богиней в поединке. Чемпион получил долю в прибыльной торговле, которую вела жрица, а также присвоил себе большую часть сокровищ, которые раньше хранились в святилище. Не похоже также, что Фрейя, возможно, здраво вспомнив о силе топора, когда-либо еще осмеливалась явиться лично, чтобы призвать к ответу своих лжеуправителей.

Национальная оценка божеств, о которых можно было рассказывать подобные истории и в которые можно было верить, конечно же, не отличалась глубоким и уважительным характером. Исландцы отказались от Одина, Фрейи, Тора и всей своей языческой мифологии в результате одного спора между языческими жрецами и христианскими миссионерами. Жрецы угрожали острову опустошительным извержением вулкана под названием Гекла, как необходимым следствием мести их божеств. Снорро, тот самый, что советовал провести дознание против призраков, перешел в христианскую религию и присутствовал при этом, а поскольку конференция проходила на поверхности того, что раньше было потоком лавы, а теперь покрыто растительными веществами, он с готовностью ответил жрецам: "Чем вызвано негодование богов, если вещество, на котором мы стоим, было жидким и обжигающим? Поверьте мне, люди Исландии, извержение вулкана сейчас, как и тогда, зависит от природных обстоятельств, и это не двигатель мести, вверенный Тору и Одину". Очевидно, что люди, которые с такой точностью рассуждали о неразумности Одина и Тора, были вполне готовы, отказавшись от их поклонения, рассматривать своих прежних божеств, в которых они верили так много нечестивого, в свете злых демонов.

Однако некоторые особенности верования северян настолько точно соответствовали классическим, что оставляли возможность усомниться в том, что первоначальные асы, или азиаты, основатели скандинавской системы, до своего переселения из Азии, черпали их из какого-то общего источника с верованиями греков и римлян; Или, с другой стороны, та же склонность человеческого разума к суевериям привела к тому, что схожие идеи принимаются в разных регионах, как одни и те же растения встречаются в отдаленных странах без того, чтобы одно из них, насколько можно судить, получило семена от других.

Например, классическое представление о сатирах и других подчиненных божествах леса и дикой природы, чья сила скорее иллюзорна, чем грозна, а сверхъестественные проделки свидетельствуют скорее о желании навести ужас, чем причинить вред, было воспринято северными народами и, возможно, перенесено ими на кельтские племена. Эта идея, по-видимому, характерна для многих народов. Существование сатиров в силванской форме даже пытаются доказать свидетельством святого Антония, которому, как говорят, один из них явился в пустыне. У шотландских гэлов есть идея того же рода, касающаяся гоблина по имени *Оуриск*, чей облик напоминает Пана, а его сопровождающие - нечто среднее между человеком и козлом, причем нижние конечности принадлежат последнему. В романтическом районе Лох-Катрин есть пещера, или, скорее, дыра в скале, которая дает название самому дикому убежищу, взятое из классического суеверия. Не менее любопытно, что от этого силванского божества современные народы Европы позаимствовали униженные и неподходящие эмблемы козлиного облика и формы, рога, копыта и хвост, с помощью которых они изображали автора зла, когда ему было угодно явиться на землю. Так что изменение одного слова сделает известную строку Поупа более точно соответствующей факту, если мы рискнем прочитать: "И Пан Сатане дает..."

"И Пан *Сатане* протягивает свой языческий рог".

Мы не можем объяснить перенос атрибутов северного сатира или кельтского Ourisk на архибога каким-либо особым сходством между характером этих божеств и Сатаны. Напротив, Ourisk у кельтов был существом отнюдь не особо злобным или грозным, а скорее меланхоличным духом, обитавшим в пустынях вдали от людей. Если отождествлять его с коричневым карликом пограничных болот, то у нашиска есть смертный срок жизни и надежда на спасение, как, впрочем, и у сатира, явившегося святому Антонию. Кроме того, нагорный ourisk был разновидностью любвеобильного изверга, и его могли переплюнуть те, кто разбирался в филологии. Об одном из таких гоблинов, обитавшем на мельнице у подножия Лох-Ломонда, рассказывают, что мельник, желая избавиться от этого вредного духа, который портил механизм, пуская воду на колесо, когда не было зерна для помола, придумал устроить встречу с гоблином, карауля его на мельнице до ночи. Затем вошел наш гоблин, спросил имя мельника и получил ответ, что его зовут *Я*; на этом основана история, почти в точности похожая на историю Оутиса в "Одиссее", история, которая, хотя и является классической, ни в коем случае не является изящной или гениальной выдумкой, но которую мы с удивлением обнаружили в неизвестном районе и на кельтском языке, что, похоже, доказывает некую связь или общение между этими отдаленными горными районами Шотландии и читателями Гомера в прежние времена, которую мы не можем объяснить. В конце концов, возможно, какой-нибудь церковник, более сведущий, чем его собратья, перенес легенду с Сицилии в Данкрун, с берегов Средиземного моря на берега Лох-Ломонда. Я также слышал, что знаменитый вольный разбойник Роб Рой однажды одержал победу, переодев часть своих людей в козлиные шкуры, чтобы походить на сатира из *Нариска* или Хайленда.

В скандинавской мифологии был один сатир по имени, кажется, Меминг, по характеру не похожий на нашиска, хотя и схожий с ним по форме, и высшие чемпионы могли похвастаться тем, что разыскивали его в уединенных местах, где он обитал. Он был искусным оружейником, и оружие, которое он ковал, имело высочайшую ценность. Но поскольку в древней системе Скандинавии царил клубное право, Меминг имел юмор, отказываясь работать на любого заказчика, кроме тех, кто принуждал его к этому силой оружия. Возможно, его можно отождествить с кузнецом-еретиком, который бежал перед Фингалом из Ирландии в Оркнейские острова и, будучи там настигнут, был вынужден выковать меч, который Фингал впоследствии носил во всех своих битвах и который назывался Сыном темно-коричневого Луно, по имени выковавшего его оружейника.²¹

Примечание-->

21 (возврат)

[Это оружие часто упоминается в пересказах г-на Макферсона, но ирландская баллада, в которой дается захватывающий рассказ о споре между чемпионом и оружейником, нигде не приводится.]

Из этого следует, что в мифологии готов, как и кельтов, было достаточно оригиналов для создания современных атрибутов, приписываемых Сатане в более поздние времена, когда целью художника или поэта было показать его в его истинном виде и со всеми его ужасами. Даже гений Гвидо и Тассо не смог преодолеть это предубеждение, тем более

укоренившееся, вероятно, что в Писании нечестивые описываются как козлы, а дьявол называется старым драконом. На знаменитой картине Рафаэля, изображающей архангела Михаила, связывающего Сатану, достоинство, сила и ангельский характер серафима составляют необычайный контраст с убогим представлением о существе, которое даже в таком низком состоянии не должно было казаться столь недостойным антагонистом. Не более счастлив и Тассо, представляющий диван тьмы в заколдованном лесу под председательством монарха с огромным хвостом, копытами и всеми обычными аккомпанементами народной дьявольщины. Только гений Мильтона мог отбросить все эти вульгарные пакости и придать автору зла ужасное достоинство того, кто должен казаться "не меньше, чем архангел разрушенный". Этот вид деградации становится еще более грубым, если принять во внимание изменения, которые народные мнения произвели в отношении вкуса, привычек, сил, способов искушения и привычек мучения, которые скорее можно приписать какому-нибудь глупому сверхъестественному и любящему людоеду из сказки, чем могущественному демону, который пал из-за гордости и мятежа, а не из-за глупости или неспособности.

Переняв, однако, наши нынешние представления о дьяволе, как они выражаются у его ближайших знакомых, ведьм, из рассказов о сатирах, которые, похоже, были предметом веры как у кельтских, так и у готских племен, мы должны обратить внимание на другой плодотворный источник демонологических фантазий. Но поскольку этот источник мифологии Средневековья обязательно должен включать в себя рассказ о феях, к которым в значительной степени и следует отнести, необходимо сделать паузу, прежде чем мы перейдем к рассмотрению мистической и чудесной связи, якобы существующей между неприкаянным царством Сатаны и этими веселыми танцовщицами при лунном свете.

ПИСЬМО IV.

Суеверие фей происходит из разных источников - классическое поклонение сильванам, или сельским божествам, доказанное обнаруженными римскими алтарями - готический Дуэргар, или гномы, предположительно произошедшие от северных лапсов, или финов - "Нибелунген-лед" - приключения короля Лаурина - кельтские феи более грубого характера, но их удовольствия пусты и иллюзорны - предписано уносить людей, и младенцев, и взрослых - Приключения дворецкого в Ирландии - Эльфы должны были платить налог в ад - Ирландцы, валлийцы, горцы и манксы придерживались того же мнения - Это было скорее сделано более мрачным в северных традициях - Мерлин и Артур унесены феями - Также Томас из Эрцельдуна - Его любовь с королевой Эльфландии - Его повторное появление в последние времена - Еще один рассказ от Реджинальда Скота - Предположения о

происхождении слова Фея.

Вначале отметим, что классики не забыли включить в свою мифологию некий вид подчиненных божеств, напоминающих по своим повадкам современных эльфов. Старый добрый мистер Гибб из Библиотеки адвокатов (которого все юристы, чьей молодости он помог в учебе, благодаря его знанию этой благородной коллекции, должны назвать с благодарностью), обычно указывал среди древних алтарей, находящихся в его ведении, один, который освящен, *Diis campestribus*, и обычно добавлял, подмигивая: "Феи, вы знаете".²² Эта реликвия древности была обнаружена неподалеку от Роксбургского замка, и вряд ли можно найти место, более восхитительно подходящее для обитания силванских божеств.

Примечание-->

22 (возвращение)

[Еще один алтарь изящной формы, прекрасно сохранившийся, был в течение нескольких недель откопан недалеко от слияния Лидера и Твида, в окрестностях деревни Ньюстед, к востоку от Мелроуза. На нем Карриус Домицианус, префект двадцатого легиона, сделал надпись богу Сильванусу. Это еще один пример того, насколько дикий и силванский характер страны располагал чувства римлян к признанию присутствия сельских божеств. Алтарь сохранился в Драйгрейндже, резиденции мистера Тода].

Две реки значительных размеров, еще более примечательные благодаря славе, сделавшей их в некотором роде классическими, соединяют свои потоки под остатками обширного замка, прославленного в войнах с Англией и доблестной, благородной и даже королевской кровью, которая была пролита вокруг и перед ним - пейзаж, украшенный далекой деревней и огромной башней аббатства Келсо, современный особняк Флерса с его террасой, лесом и обширной лужайкой - все это в целом представляет собой королевство, в котором могли бы царствовать Оберон и Титания или любой дух, который до их времени любил пейзажи, где величие и даже красота внушают уму чувство благоговения, смешанного с удовольствием. Сильваны, сатиры и фавны, которыми суеверие наполнило возвышенные берега и запутанные рощи этой романтической страны, были вынуждены уступить место божествам, очень похожим на них самих по характеру, которые, вероятно, получили некоторые из своих атрибутов от своих классических предшественников, хотя и более близких к варварским завоевателям. Мы имеем в виду фей, которые, как они вошли в народное вероучение и как их описывают поэты, использовавшие их в качестве механизмов, несомненно, являются одним из самых приятных наследий фантазии.

Доктор Лейден, исчерпавший в этом вопросе, как и в большинстве других, обширную эрудицию, нашел первое представление о народе эльфов в северных мнениях о дуэргаре, или [карликах](#)²³. Однако, следует признать, что это были духи более грубого рода, более трудолюбивые, более злобные и во всех отношениях менее благоприятные для человечества, чем феи (как их правильно называть), которые были изобретением кельтского народа, и демонстрировали то превосходство вкуса и фантазии, которое, вместе с любовью к

музыке и поэзии, обычно приписывается их расе, через ее различные классы и модификации.

Примечание-->

23 (возвращение)

[См. очерк о суеверии фей в "Менестрелях шотландской границы", многие материалы для которого были предоставлены д-ром Лейденом, а вся работа приведена автором в современный вид].

На самом деле, есть основания полагать, что эти дуэргары изначально были не кем иным, как уменьшенными уроженцами лапландских, леттских и финских народов, которые, спасаясь от завоевательного оружия асов, стремились в самые уединенные районы Севера и там пытались скрыться от своих восточных захватчиков. Они были маленькой, низкорослой расой, но обладали некоторыми навыками, вероятно, в добыче или выплавке минералов, которыми изобиловала страна. Возможно, благодаря своему знакомству с изменениями облаков или метеорологическими явлениями они могли быть судьями погоды и таким образом получить еще одно право на сверхъестественное мастерство. Во всяком случае, правдоподобно предполагалось, что эти бедные люди, искавшие пещеры и укрытия от преследований асов, в какой-то мере компенсировали недостаток силы и роста искусством и могуществом, которыми их наделило суеверие врага. Эти угнетенные и в то же время страшные беглецы получили, что вполне естественно, характер германских духов, называемых кобольдами, от которых, очевидно, произошли английские goblin и шотландские bogle, путем некоторой инверсии и изменения произношения.

Кобольды были разновидностью гномов, которые обитали в темных и уединенных местах, их часто видели в шахтах, где они, казалось, подражали труду шахтеров, а иногда получали удовольствие от того, что мешали им и делали их труд непродуктивным. Иногда они были злобными, особенно если ими пренебрегали или оскорбляли; но иногда они были снисходительны к тем, кого брали под свою защиту. Поэтому, когда шахтер наткнулся на богатую жилу руды, вывод обычно делался не о том, что он обладает большим мастерством, промышленностью или даже удачей, чем его товарищи по работе, а о том, что духи шахты направили его к сокровищам. Занятость и очевидный род занятий этих подземных гномов или извергов привели к тому, что финнов, или лапландцев, очень естественно отождествлять с кобольдами; но было бы более смелым порывом воображения спутать эту замкнутую и угрюмую расу с более живым и веселым духом, имеющим отношение к британским феям. Нас также не удивляет, что дуэргар, которого многие приписывают этому источнику, должен обладать более мрачным и злобным характером, чем эльфы, веселящиеся при свете луны в более южном климате.

Согласно старому норвежскому поверью, эти карлики составляют действующий механизм северных саг, а их неполноценность в размерах представлена как компенсация мастерства и мудрости, превосходящих способности простых смертных. В "Niebelungen-Lied", одном из древнейших немецких романов, составленном, судя по всему, вскоре после времени правления Аттилы, Теодорих Бернский или Веронский фигурирует среди целого ряда чемпионов, над которыми он верховодит, подобно Карлу Великому во Франции или Артуру в

Англии. Среди других побежденных им - король эльфов, или карлик Лаурин, чье жилище находилось в заколдованном саду роз, а телохранителем были великаны - род людей, которые, как редко предполагают, сами являются колдунами. Он становится грозным противником Теодорика и его рыцарства; но так как он пытался вероломством добиться победы, то, будучи побежденным, он обречен исполнять позорную, но подходящую должность шута и жонглера при веронском дворе.[24](#)

Примечание-->

24 (возвращение)

[См. аннотацию покойного ученого Генриха Вебера к "Слою о короле Лаурине", составленному Генрихом Остердингенским. "Северные древности", Эдинбург, 1814].

Подобное обладание сверхъестественной мудростью до сих пор вменяется коренными жителями Оркнейских и Зетландских островов народу, называемому *дрои*, что является разновидностью дуэргара или *карлика*, и который в большинстве других аспектов может быть отождествлен с каледонскими феями. Лукас Якобсон Дебес, который датирует свое описание Фероз из своего Патмоса в Торсхавене 12 марта 1670 года, посвящает длинную главу призракам, которые беспокоили его общину, а иногда уносили слушателей. Действующими лицами этих волнений он называет *Skow*, или *Biergen-Trold*, *то есть* духов леса и гор, иногда называемых подземными людьми, и добавляет, что они появляются в глубоких пещерах и среди ужасных скал; также они преследуют места, где были совершены убийства или другие смертные грехи. Похоже, что это были настоящие северные гномы, или троу, другое произношение - тролльды, которых преподобный автор считает чем-то немногим лучше настоящих извергов.

Но не только и даже не столько с готской расой мы должны связывать мнения об эльфах средневековья; они, как уже говорилось, были глубоко смешаны с атрибутами, которые кельтские племена с самых отдаленных времен приписывали своим божествам скал, долин и лесов. Мы уже отмечали, и это действительно составляет важную черту их национального характера, что сила воображения особенно активна среди кельтов и приводит к энтузиазму в отношении национальной музыки и танцев, национальной поэзии и песен - отделов, в которых фантазия наиболее охотно предается. Ирландцы, валлийцы, гэлы или шотландские горцы - все племена кельтского происхождения - наделяли Людей Мира, Добрых Соседей или как там еще называли этих сильванских пигмеев, более социальными привычками и более веселым течением жизни, чем угрюмые и тяжелые труды более сатурнического Дуэргара. Их эльфы не избегали общества людей, хотя и вели себя с теми, кто с ними общался, капризно, что делало опасным их недовольство; и хотя их подарки иногда были ценными, обычно они дарились по собственной воле и неожиданно возвращались.

Занятия, выгоды, развлечения двора фей напоминали самих воздушных жителей. Их правительство всегда представлялось монархическим. Признавался король, а чаще королева фей; иногда обе они держали свой двор вместе. Их представления и придворные развлечения включали в себя все, что воображение могло представить о том, что в ту эпоху считалось галантным и великолепным. В своих процессиях они демонстрировали более красивых коней, чем те, что принадлежали земным родичам: ястребы и гончие, которых они

использовали в своих погонях, были первой расы. На их ежедневных пирах накрывали стол с таким великолепием, на которое не смели претендовать самые гордые короли земли, а зал их танцовщиц перекликался с самой изысканной музыкой. Но при взгляде на это зрелище глазом провидца иллюзия исчезала. Молодые рыцари и прекрасные дамы предстали морщинистыми карлами и отвратительными каргами; их богатства превратились в сланцевые камни; их великолепные блюда - в куски глины, причудливо искривленные; их яства, не приправленные солью (запрещенной для них, как нам сказали, из-за символа вечности), стали безвкусными и тусклыми; величественные залы превратились в жалкие сырые пещеры - все прелести Эльфийского Элизиума исчезли в один момент. Одним словом, их удовольствия были показными, но совершенно бессодержательными, их деятельность была непрерывной, но бесплодной и бесполезной, и их осуждение, похоже, заключалось в необходимости поддерживать видимость постоянной работы или наслаждения, хотя их труд был бесплодным, а удовольствия - теневыми и бессодержательными. Поэтому поэты называли их *"экипажем, который никогда не отдыхает"*. Помимо непрерывной и бесполезной суеты, в которой, казалось, жили эти духи, у них были склонности, неблагоприятные и огорчительные для смертных.

Предполагалось, что феи постоянно наносят "смертным людям" одно очень серьезное оскорбление: они забирают их детей и выращивают их как существ своей расы. В первую очередь этому бедствию подвергались некрещенные младенцы, но и взрослые могли быть отстранены от земной торговли, несмотря на то, что она была их естественной сферой. Что касается первых, то легко понять, что отсутствие священного обряда введения в христианскую церковь делало их еще более несносными для власти этих существ, которые если и не считались во всех отношениях извергами, то все же, учитывая их постоянное праздное времяпрепровождение, имели мало права причислять себя к добрым духам и, по мнению большинства богов, относились к совсем другому классу. С другой стороны, взрослый человек должен был совершить какое-то действие, которое подвергало его воздействию духов, и таким образом, как гласила юридическая фраза, "попасть в масть". Сон на горе фей, где в это время проходил суд фей, был очень удобным способом получить пропуск в Эльфланд. Для человека было хорошо, если в таких случаях разгневанные эльфы довольствовались тем, что переносили его по воздуху в город, расположенный на расстоянии примерно сорока миль, и оставляли, возможно, его шляпу или чепец на каком-нибудь шпиле между ними, чтобы отметить прямую линию его пути. Другие, когда совершали какое-нибудь противозаконное действие или поддавались какой-нибудь необдуманной и греховной страсти, тоже подвергали себя опасности стать обитателями Сказочной страны.

Такие же убеждения по этим вопросам существовали и в Ирландии. Глэнвилл в своих "Восемнадцатых рассказах" повествует о дворцеком одного джентльмена, соседа графа Оррери, который был послан за картами. Проходя через поле, он увидел стол, окруженный людьми, которые, очевидно, пировали и веселились. Они встали, приветствуя его, и пригласили присоединиться к их веселью; но дружелюбный голос из компании шепнул ему на ухо: "Не делай ничего, к чему бы эта компания тебя не приглашала". Когда он отказался присоединиться к пиршеству, стол исчез, а компания начала танцевать и играть на музыкальных инструментах, но дворецкий не стал принимать участия в этих развлечениях. Тогда они оставили танцы и принялись за работу, но и в ней смертный не стал участвовать. Тогда его оставили в покое; но, несмотря на усилия милорда Оррери, несмотря на двух епископов, которые были в то время его гостями, несмотря на знаменитого мистера Грейтрикса, они только и могли, что помешать дворцекому, чтобы его не унесли феи, которые считали его своей законной добычей. Они подняли его в воздух над головами смертных, которые могли только бегать под ними, чтобы прервать его падение, когда им вздумается

отпустить его. Призрак, который раньше советовал бедняге, продолжал преследовать его и в конце концов оказался призраком знакомого, который умер уже семь лет назад. "Вы знаете, - добавил он, - я вел разгульный образ жизни, и с тех пор меня то и дело торопили в беспокойном состоянии, в компании, которую вы видели, и так будет до судного дня". Он добавил, что если бы дворецкий во всем признавал Бога, то не пострадал бы так сильно от их рук; он напомнил ему, что не молился Богу утром перед тем, как встретиться с этой компанией в поле, и, кроме того, что тогда он занимался незаконным делом."

Утверждается, что лорд Оррери подтвердил всю эту историю, вплоть до того, что видел, как дворецкий был поднят в воздух невидимыми существами, которые пытались его унести. Только он не засвидетельствовал отрывок, в котором покупка карт названа незаконным [поручением](#)²⁵.

Примечание-->

25 (обратно)

["Sadducismus Triumphatus", by Joseph Glanville, p. 131. Edinburgh, 1790].

Люди, чья жизнь была связана с политическими интригами или военными хитростями, иногда тайно уносились в Сказочную страну; так, Элисон Пирсон, колдунья, исцелившая архиепископа Адамсона, утверждала, что узнала при дворе фей знаменитого секретаря Летингтона и старого рыцаря Баклюха, один из которых был самым занятым политиком, а другой - одним из самых неутомимых сторонников королевы Марии во время правления этой несчастной королевы. В целом, людей, унесенных внезапной смертью, обычно подозревали в том, что они попали в руки фей, и если их не выкупить из их власти, что не всегда было безопасно, они были обречены закончить свою жизнь вместе с ними. Нельзя не отметить, что те, кто имел близкое общение с этими духами, пока они еще были жителями Средней Земли, были наиболее склонны к тому, чтобы перед смертью быть схваченными и унесенными в Эльфланд.

Причиной этого похищения людей, столь характерного для народа эльфов, называют то, что они были вынуждены платить адским областям ежегодную дань из своего населения, которую они готовы были выплачивать, отдавая князю этих областей детей человеческой расы, а не своих собственных. Отсюда следует вывод, что они имеют потомство между собой, как утверждают некоторые авторитеты, и в частности мистер Кирк, министр Аберфойла. Он, правда, добавляет, что после определенной продолжительности жизни эти духи подвергаются всеобщему жребию смертности - положение, однако, оспариваемое и едва ли согласующееся с тем, которое считает их обязанными платить налог в ад, что предполагает существование вечное, как неугасимый огонь. Высказанные здесь мнения о народе фей совпадают с теми, что бытуют в горных районах и некоторых отдаленных кварталах низменной Шотландии. Мы знаем из живых и занимательных легенд, опубликованных мистером Крофтоном Крокером, которые, хотя в большинстве случаев рассказываются с остроумием редактора и юмором его страны, содержат любопытные антикварные сведения, что мнение ирландцев соответствует тому, что мы рассказали об общем вероучении кельтских народов в отношении эльфов. Если ирландские эльфы чем-то и отличаются от британских, так это своей склонностью разделяться на фракции и воевать

между собой - драчливость, характерная для Зеленого острова. Уэльские феи, по мнению Джона Льюиса, адвоката, имеют те же общие черты, что и ирландские и британские. Мы не должны опускать вероучение манксов, поскольку из гениальных исследований мистера Уолдрона мы узнаем, что остров Мэн, помимо других мест в Британии, был своеобразным хранилищем традиций фей, которые, когда остров был завоеван норвежцами, по всей вероятности, перешли к скандинавским феям из особого и более прямого источника, чем тот, через который они достигли Шотландии или Ирландии.

Как бы то ни было, народная система кельтов легко приняла северную примесь друидов и дуэргаров, что придало вере, возможно, более темный оттенок, чем тот, который изначально был присущ британской сказочной стране. Из того же источника, по всей вероятности, были получены дополнительные легенды о гигантской и злобной женщине, Гекате из этой мифологии, которая скачет в бурю и собирает под свое мрачное знамя бродячих странников. Эта карга (во всех отношениях обратная Маб или Титании кельтского вероучения) называлась Никневен в той более поздней системе, которая объединила веру кельтов и готов по этому вопросу. Великий шотландский поэт Данбар сделал вдохновенное описание этой Гекаты, скачущей во главе ведьм и добрых соседей (фей, а именно), колдуний и эльфов, безразличных, в призрачный канун мессы Всех Влюбленных.²⁶ В Италии мы слышим, как ведьмы собираются по приказу Дианы (в ее тройном образе Гекаты, несомненно) и Иродиады, которые были совместными лидерами их хора. Но мы возвращаемся к более простой вере в фей, которой придерживались кельты до того, как их завоевали саксы.

Примечание-->

26 (возвращение)

[См. "Флайтинг из Данбара и Кеннеди"].

Об этих ранних временах мы мало что можем знать; но необычно отметить, какой свет бросают традиции Шотландии на поэзию бриттов Камберленда, называвшихся тогда Регед. Мерлин Уиллът, или дикий, упоминается обоими; и этот знаменитый волшебник, сын эльфа или феи, вместе с королем Артуром, сомнительным защитником Британии в тот ранний период, по преданию, были похищены феями и исчезли, не претерпев смерти, как раз в то время, когда предполагалось, что магия волшебника и знаменитый меч монарха, которые так много сделали для сохранения независимости Британии, уже не смогут предотвратить надвигающуюся гибель. Можно предположить, что Артур или его оставшиеся в живых поборники хотели скрыть, что он получил смертельную рану в роковой битве при Камлане, и именно этому мы обязаны диким и прекрасным инцидентом, так хорошо описанным епископом Перси, в котором, в знак отказа от использования оружия в будущем, монарх посылает своего сопровождающего, единственного выжившего на поле боя, бросить его меч Экскалибар в озеро неподалеку. Дважды уклонившись от выполнения просьбы, оруженосец, наконец, подчинился и бросил прославленное оружие в одинокое озеро. Из воды появилась рука, поймала Экскалибара за рукоять, трижды взмахнула им, а затем погрузила в озеро.²⁷ Изумленный гонец вернулся к своему господину, чтобы рассказать ему об увиденных чудесах, но увидел лишь лодку в отдалении от берега и услышал крики бьющихся в агонии женщин.

"А был ли там король или нет.
Он так и не узнал, он так и не остыл.
Ибо никогда с того скорбного дня
Не видел британский Артур на молде".

Примечание-->

27 ([возвращение](#))

[См. "Percy's Reliques of Ancient English Poetry"].

Обстоятельства исчезновения Мерлина, вероятно, были бы столь же фантастичны, как и обстоятельства исчезновения Артура, но их невозможно восстановить; и что весьма необычно, обстоятельства, которые первоначально относились к истории этого знаменитого барда, сказанного как сын самого Демона, были перенесены на более позднего поэта, несомненно, имеющего более низкое имя, Томаса из Эркельдуна. Предполагалось, что легенда сохранилась только среди жителей его родных долин, но была найдена копия, датированная периодом правления Генриха VII. История интересна и прекрасно рассказана, и, как одна из самых древних сказочных легенд, вполне может быть процитирована в этом месте.

Томас из Эркельдуна в Лодердейле, прозванный Рифмоплетом за то, что создал поэтический роман на тему Тристрама и Исеулт, который любопытен как самый ранний из известных образцов английского стиха, процветал в царствование Александра III в Шотландии. Как и другие талантливые люди того времени, Томас подозревался в магии. Говорили, что он обладал даром пророчества, который объяснялся следующим своеобразным способом, полностью относящимся к эльфийскому суеверию: "Когда Истинный Томас (мы даем ему этот эпитет по предвидению) лежал на Хантли Бэнк, месте на спуске холмов Эйлдон, которые возвышаются тройным гребнем над знаменитым монастырем Мелроуз, он увидел даму столь необычайно красивую, что решил, что это, должно быть, сама Дева Мария. Однако ее наряд скорее напоминал амазонку или лесную богиню. Ее конь был высочайшей красоты и духа, а на его гриве висело тридцать серебряных колокольчиков и девять, которые издавали музыку ветра, когда она шла по дороге. Ее седло было из *королевской кости* (слоновой кости), покрытое орфери - *то есть* золотой работой. Ее стремена, ее платье - все соответствовало ее необыкновенной красоте и великолепию ее наряда. В руках у прекрасной охотницы был лук, а на поясе - стрелы. Она вела на поводке трех борзых, а три рачи, или гончие по следу, следовали за ней. Она отвергла и отказалась от почестей, которые Томас хотел ей оказать, так что, переходя из одной крайности в другую, Томас стал таким же дерзким, каким был вначале скромным. Госпожа предупреждает его, что он должен стать ее рабом, если будет вести свои дела с ней так, как он предлагает. Не успела закончиться их беседа, как прекрасная дама превратилась в самую отвратительную карга на свете. Один бок побледнел и поник, словно от паралича; один глаз выпал из головы; цвет ее кожи, и без того чистый, как девственное серебро, теперь приобрел тускло-свинцовый оттенок. Ведьма из приюта или богадельни была бы богиней по сравнению с покойной прекрасной охотницей. Как ни

отвратительна она была, но нестандартные желания Томаса подчинили его этой ведьме, и когда она велела ему оставить солнце и лист, растущий на дереве, он почувствовал, что должен повиноваться ей. Их приняла пещера, в которой, следуя за своим страшным проводником, он три дня шел в темноте, то слыша гул далекого океана, то проходя через реки крови, пересекавшие их подземный путь. Наконец они вышли на дневной свет в красивейшем фруктовом саду. Томас, почти теряя сознание от нехватки пищи, протягивает руку к висящим вокруг него чудесным плодам, но проводница запрещает ему, сообщая, что это роковые яблоки, ставшие причиной грехопадения человека. Он замечает, что едва его проводница вступила на эту таинственную землю и вдохнула ее волшебный воздух, как она ожила в красоте, убранстве и великолепии, такая же прекрасная или даже прекраснее, чем он впервые увидел ее на горе. Затем она велит ему положить голову на свое колено и начинает объяснять ему характер страны. "Вон та правая дорога, - говорит она, - уносит души блаженных в рай; вон тот спускающийся и избитый путь ведет грешные души к месту вечного наказания; третья дорога, у вон того темного тормоза, ведет к более мягкому месту мучений, от которых преступников могут избавить молитвы и мессы. Но видите ли вы четвертую дорогу, ведущую по равнине к великолепному замку? Это дорога в Эльфландию, куда мы сейчас направляемся. Владыка замка - король страны, а я - его королева. Но, Томас, лучше пусть меня запрягут дикими конями, чем он узнает, что произошло между нами. Поэтому, когда мы войдем в этот замок, соблюдай строгое молчание и не отвечай ни на один вопрос, который тебе зададут, а за твое молчание я отвечу, что переняла твою речь, когда привезла тебя из средней земли".

Напутствовав таким образом своего возлюбленного, они отправились в замок и, войдя через кухню, оказались посреди такой праздничной сцены, какая могла бы подойти для поместья великого феодала или князя. Тридцать туш оленей лежали на массивной кухонной доске под руками многочисленных поваров, которые трудились над их разделкой, а огромные борзые, захватившие добычу, лизали кровь и наслаждались видом убитой дичи. Далее они попали в королевский зал, где король принял свою любящую супругу без нареканий и подозрений. Рыцари и дамы, танцуя втроем (возможно, на барабанах), заняли пол зала, и Томас, забыв об усталости своего путешествия с холмов Эйлдона, вышел вперед и присоединился к веселью. Однако через некоторое время, показавшееся ему очень коротким, королева поговорила с ним отдельно и велела ему готовиться к возвращению в свою страну. "Итак, - сказала королева, - как долго ты думаешь, что находишься здесь?" "Конечно, прекрасная дама", - ответил Томас, - "не более семи дней". "Ты обманываешься, - ответила королева, - ты пробыл в этом замке семь лет, и тебе давно пора уехать. Знай, Томас, что завтра в этот замок явится адский изверг, чтобы потребовать свою дань, и такой красивый мужчина, как ты, привлечет его внимание. Я бы не хотел, чтобы ты был предан такой участи; поэтому вставай, и пойдем". Эти ужасные новости примирили Томаса с уходом из страны эльфов, и королева не заставила себя долго ждать, разместив его на берегу Хантли, где пели птицы. Она нежно проводила его и, чтобы укрепить его репутацию, даровала ему язык, который *не умеет лгать*. Томас тщетно возражал против этой неудобной и невольной приверженности к правдивости, которая, как он считал, сделает его непригодным для церкви или рынка, для королевского двора или дамской беседки. Но все его уговоры были проигнорированы дамой, и Томас Рифмач, когда разговор заходил о будущем, получал репутацию пророка, хотел он того или нет; ведь он не мог сказать ничего, кроме того, что непременно должно было сбыться. Очевидно, что если бы Фома был законодателем, а не поэтом, то перед нами была бы история Нумы и Эгерии. Фома несколько лет жил в своей башне неподалеку от Эркельдуна и пользовался славой благодаря своим предсказаниям, некоторые из которых актуальны среди жителей страны и по сей день. Вскоре, когда пророк принимал графа Марча в своем жилище, в деревне раздался возглас удивления при появлении зайца и [оленья](#)²⁸,

которые вышли из леса и, вопреки своей пугливой натуре, спокойно пошли вперед, пересекая деревню, к жилищу Томаса. Пророк мгновенно поднялся с доски и, признав это чудо как вызов своей судьбы, ушел в лес вместе с зайцем и оленем и, хотя иногда его видели те, кому он решил показаться, больше никогда не общался с людьми.

Примечание-->

28 (возвращение)

[Это последнее обстоятельство, по-видимому, заимствовано из отрывка из "Жизни Мерлина" Джеффри Монмутского. См. Ellis's "Ancient Romances", vol. i. p. 73].

Предполагалось, что Томас Эркельдунский, находясь в отставке, время от времени собирал войска, чтобы выйти на поле боя в случае какого-то кризиса в судьбе его страны. Часто рассказывали историю о том, как один смелый жокей продал черную лошадь человеку почтенного и старинного вида, который назначил примечательную возвышенность на холмах Эйлдона, называемую Лукен-харе, местом, где в двенадцать часов ночи он должен получить цену. Он пришел, ему заплатили деньги старинной монетой, и клиент пригласил его осмотреть свое жилище. Торговец лошадьми в глубочайшем изумлении проследовал за своим проводником через несколько длинных рядов стойл, в каждом из которых неподвижно стояла лошадь, а у ног возницы лежал вооруженный воин. "Все эти люди, - шепотом сказал волшебник, - проснутся в битве при Шерифмуре". В конце этого необычного склада висели меч и рог, на которые пророк указал торговцу лошадьми как на средство, способное снять заклятие. Тот в замешательстве взял рог и попытался завести его. Лошади мгновенно запрягались в стойла, бились и трясли уздечками, мужчины вставали и звенели доспехами, а смертный, в ужасе от поднятой им суматохи, выронил рог из рук. Голос великана, громче, чем шум вокруг, произнес такие слова: - "Горе трусу, который трусит!

"Горе тому трусу, что родился на свет,
кто не выхватил меч прежде, чем затрубил в рог!"

Вихрь изгнал торговца лошадьми из пещеры, вход в которую он больше никогда не смог найти. Возможно, из этой легенды можно извлечь мораль - а именно, что лучше быть вооруженным против опасности, прежде чем бросать ей вызов. Но стоит заметить, что, хотя данное издание сказки ограничено 1715 годом, из-за самого упоминания Шерифмура, похожая история, похоже, бытовала во времена правления королевы Елизаветы, и ее приводит Реджинальд Скот. Повествование назидательно, поскольку особенно наглядно демонстрирует способ омрачить любопытную историю, рассказывая ее, что было одной из добродетелей, исповедуемых Кайусом, когда он нанялся к королю Лиру. Реджинальд Скот, недоверчиво относящийся к колдовству, по-видимому, придавал некоторое значение мнению тех, кто считал, что духи известных людей после смерти поселяются вблизи городов, поселков и стран и выступают в качестве духов-покровителей и духов-хранителей тех мест, которые они любили, пока были во плоти.

"Но для иллюстрации этого предположения, - говорит он, - я могу назвать человека, который в последнее время появлялся трижды со дня своей смерти, по крайней мере, некое

призрачное существо, называющее себя именем такого человека, который умер более ста лет назад и при жизни считался пророком или предсказателем благодаря помощи подлунных духов, а теперь, при своем появлении, также давал странные предсказания относительно голода и изобилия, войны и кровопролития, а также конца света. По словам человека, общавшегося с ним, последнее его появление было следующим: "Я собирался продать лошадь в ближайшем городе, но, не достигнув своей цены, возвращаясь домой по дороге, встретил этого человека, который стал со мной знакомиться, спрашивая, какие новости и как продвигаются дела в стране. Я отвечал, как считал нужным; кроме того, я рассказал ему о своей лошади, которую он начал удешевлять, и продвинулся со мной настолько, что цена была согласована. Тогда он повернул со мной назад и сказал, что если я поеду с ним, то получу свои деньги. Мы отправились в путь, я на своей лошади, а он на другом молочно-белом животном. После долгого пути я спросил его, где он живет и как его зовут. Он сказал мне, что его жилище находится в миле отсюда, в месте, называемом *Фарран*, о котором я никогда не слышал, хотя знал всю окрестную страну.²⁹ Он также сказал мне, что он сам из рода *Лирмонтов*³⁰, о котором так много говорят как о пророке. Тут я начал немного опасаться, так как понял, что мы едем по дороге, по которой я никогда раньше не ездил, что еще больше усилило мой страх и изумление. Ну, мы пошли дальше, пока он не привел меня под землю, не знаю как, в присутствии красивой женщины, которая заплатила деньги, не сказав ни слова. Он снова провел меня через большой и длинный вход, где я увидел более шестисот человек в доспехах, которые лежали на земле, словно спящие. Наконец при свете луны я очутился в открытом поле, на том самом месте, где впервые встретил его, и прибавил ходу, чтобы добраться до дома к трем часам утра. Но деньги, которые я получил, были вдвое больше тех, что я считал, когда женщина заплатила мне, и сейчас я могу показать несколько штук, состоящих из девяти пенни, тринадцати пенсов и полупенни" и т. д.³¹

Примечание-->

29 (возвращение)

[В этом автор пребывает в таком же невежестве, как и его тезка Реджинальд, хотя имеет по крайней мере столько же возможностей для получения информации].

Note-->

30 (обратно)

[В народной традиции имя Томаса Рифмача всегда считалось именем Лирмонт, хотя он сам его не употреблял и не описывал своего сына иначе, чем Ле Римур. Лирмонты из Дэйрси, в Файфе, утверждали, что происходят от пророка].

Примечание-->

31 (возвращение)

["Рассуждения о дьяволах и духах, приложенные к разоблачению колдовства", Реджинальд Скот, эсквайр, кн. 2. гл. 3, сек. 10.]

Очень жаль, что этот торговец лошадьми, имея образцы монеты фей, более постоянного качества, чем обычно, не предоставил нам рассказ об оттиске, столь ценном для медальеров. Не менее назидательно, поскольку мы лишены более живописных частей истории, узнать, что оплата Томаса была столь же верной, как и его пророчества. Прекрасная дама, которая несла кошелек, несомненно, была королевой фей, чья привязанность, хотя, как и у его героини Исеулт, мы не можем назвать ее полностью похвальной, кажется, все же носила верный и твердый характер.

Я подробно остановился на истории Томаса Рифмоплета как на самой древней традиции такого рода, дошедшей до нас в деталях, и как на попытке показать судьбу первого шотландского поэта, чье существование и его дата установлены историей и записями; и который, если считать, что он писал на англо-норманнском языке, был, несомненно, одним из самых ранних его поэтов. Но легенда еще более любопытна тем, что это первый и самый выдающийся пример человека, якобы получившего сверхъестественные знания с помощью фей.

Откуда или как это необычное сообщество получило свое более распространенное народное название, можно сказать, до сих пор точно не установлено. По мнению знатоков, персидское слово *Peri*, обозначающее неземное существо, очень похожее на него, будет наилучшей деривацией, если мы предположим, что оно попало в Европу через посредство аравийцев, в алфавите которых буква Р отсутствует, поэтому они произносят слово *Feri* вместо *Peri*. И все же в этой этимологии есть что-то неопределенное. Мы не решаемся приписывать ни персам, ни арабам отличительное название идеального содружества, понятие о котором они нам, конечно же, не дали. Поэтому некоторые склоняются к предположению, что эльфы получили свое наиболее часто встречающееся имя от того, что они были *par excellence* прекрасным или красивым народом, и это качество проявлялось во всех случаях; в то время как суеверие шотландцев вполне могло дать им имя, которое могло бы умиловать тщеславие, которым, по их мнению, отличалась эта раса; точно так же, как в других случаях они называли фей "людьми мира", "хорошими соседями" и другими титулами подобного рода. В то же время следует признать, что слова *fau* и *fairy* могли быть простым заимствованием французских *fee* и *feerie*, хотя эти термины по ту сторону Ла-Манша относятся к классу духов, соответствующих не нашим феям, а совсем другим *Fata* итальянцев. Но это вопрос, который мы охотно оставляем на решение лучших этимологов, чем мы сами.

ПИСЬМО V.

Те, кто занимался гаданием, мистическим лечением с помощью чар и т. п., часто утверждали, что общались с Фейрилендом - Хадхарт или Худикин - "Шотландские уголовные процессы" Питкэрна - история Бесси Данлоп и ее советника - ее медицинская практика и раскрытие кражи - рассказ ее знакомого, Том Рид - Суд над Элисон Пирсон - Рассказ о ее знакомом Уильяме Симпсоне - Суд над леди Фаулис и Гектором Манро, ее пасынком - Необычные виды чар, используемые последним - Признание Джона Стюарта, жонглера, о его общении с феями - Суд и признание Изобель Гоуди - Использование голов эльфов - Приход Аберфойл - Мр. Работа Кирка, министра Аберфойла, о суевериях фей - он сам попадает в Фейриленд - интересная работа д-ра Грэхейма и его информация о суевериях фей - история женщины в Восточном Лотиане, унесенной феями - еще один случай из Пеннанта.

Если вернуться к Томасу Рифмоплету, рассказом о легенде которого я закончил прошлое письмо, то окажется, что приведенный им пример получения дара предвидения и других сверхъестественных способностей с помощью фей стал обычной апологией тех, кто пытался лечить болезни, предсказывать судьбу, мстить за обиды или вступать в сношения с невидимым миром с целью удовлетворения собственных желаний, любопытства, мести или мести других. Те, кто практиковал мелкие искусства обмана в таких мистических случаях, естественно, желая скрыть свои самозванства, хотели, чтобы их считали получающими от фей или от смертных, перенесенных в сказочную страну, силу, необходимую для осуществления тех проявлений искусства, на которые они претендовали. Признание в прямом общении и союзе с Сатаной, хотя обвиняемых слишком часто пытками заставляли признать и признаться в подобных ужасах, можно было, как надеялись несчастные, избежать, признавшись в менее отвратительном общении с подлунными духами, расой, которую можно описать отрицательно, не являясь ни ангелами, ни чертями, ни душами умерших людей; Они могли льстить себе, что не сочтут преступным союз с расой, не враждебной человеку и готовой при определенных условиях быть полезной и дружественной ему. Такое общение, конечно, было далеко от того, чтобы ведьма отказалась от своего спасения, отдала себя в руки дьявола и сразу же обеспечила себе осуждение в этом мире, а также подобную участь в следующем.

Соответственно, легковверные, которые в поисках здоровья, знаний, величия или движимые любой из бесчисленных причин, по которым люди стремятся заглянуть в будущее, хотели получить сверхчеловеческую помощь, а также те, кто стремился обмануть таких желающих, становились одновременно и обманщиками, и мошенниками, одинаково стремящимися установить возможность безвредного процесса исследования будущего для похвальных или, по крайней мере, невинных целей, таких как лечение болезней и тому подобное; Короче говоря, существование белой магии, как ее называли, в противовес этому черному искусству, происходящему исключительно и непосредственно от общения с Сатаной. Некоторые пытались предсказать человеку удачу в браке или его успех в жизни по звездам; другие притворялись, что владеют заклинаниями, с помощью которых они могут уменьшить и

заставить элементарный дух войти в камень, зазеркалье или другое локальное место обитания, и заключить ее там силой особого очарования, заклиная ее оставаться и отвечать на вопросы своего хозяина. Об этом мы еще расскажем, но сейчас мы исследуем тот вид уклонения, которым занимались фанатики или самозванцы, притворявшиеся, что получают информацию от двусмысленных духов, называемых феями; количество приведенных нами примеров столь велико, что заставляет нас поверить, что притворство общения с Эльфландом, а не с настоящим демоном, было тем способом, которым обвиненные в колдовстве люди чаще всего пытались оправдать себя или хотя бы смягчить выдвинутые против них обвинения в колдовстве. Но шотландский закон не оправдывал тех, кто совершал даже похвальные поступки, такие как замечательные исцеления таинственными средствами; и владелец патентованного лекарства, который в те времена должен был подтвердить, что он совершил такие чудеса, как мы иногда видим в рекламе, возможно, лишился бы жизни, прежде чем утвердил репутацию своих капель, эликсира или пилюль.

Иногда прорицатели, претендовавшие на то, чтобы действовать на основании информации, полученной от подлунных духов, поднимались до более высоких материй, чем врачебная практика, и вмешивались в судьбы народов. Когда в 1437 году в Перте был убит Яков I, одна горская женщина предсказала ход и цель заговора, и если бы к ней прислушались, это могло бы привести в замешательство. Когда ее спросили об источнике знаний, она ответила, что ей рассказал Худхарт; это могло быть либо одно и то же с Худкином, голландским духом, несколько похожим на монаха Раша или Робина [Гудфеллоу](#)³², либо с красношапочным демоном, столь могущественным в случае лорда Сулиса, и другими чародеями, которым шотландцы приписывали более серьезное влияние.

Примечание-->

32 (возвращение)

[Гудкин - очень знакомый дьявол, который никому не причинит зла, разве что сам получит увечье; но он не выносит этого, и над ним нельзя насмехаться. Он дружелюбно разговаривает с людьми, иногда явно, иногда невидимо. В некоторых частях Германии ходит столько же историй об этом Хадкине, сколько в Англии о Робине Гудфеллоу. "Рассуждения о дьяволах", приложенные к "Открытию колдовства" Реджинальда Скота, книга i. глава 21].

Самый подробный рассказ, который мне удалось найти, о сношениях между Фейрилендом и женщиной, исповедующей некоторое влияние при дворе, в сочетании с сильным желанием быть полезной страждущим обоим полам, содержится в начальной части работы, которой я был очень обязан в настоящей и других публикациях.³³ Подробности доказательств, состоящих главным образом из собственного признания несчастной женщины, более полны, чем обычно, и включают в себя некоторые любопытные детали. Чтобы избежать технических повторений, я постараюсь подробно изложить основные факты, имеющие отношение к данной теме.

Примечание-->

33 (возвращение)

[Любопытная коллекция судебных процессов из "Криминальных записей Шотландии", которую сейчас готовит к публикации Роберт Питкэрн, эсквайр, дает столь необычную картину нравов и привычек наших предков, пока они еще были полуварварским народом, что она в равной степени заслуживает внимания историка, антиквара, философа и поэта].

8 ноября 1576 года Элизабет или Бесси Данлоп, супруга Андро Джака в Лайне, в баронстве Далри, Айршир, была обвинена в колдовстве и чародействе, а также в жестоком обращении с людьми. Ее ответы на допросы судей или обвинителей были следующими: На вопрос, каким искусством она может предсказать пропажу товара или предсказать болезнь, она ответила, что сама не обладает никакими знаниями или наукой в таких вопросах, но когда ей задавали вопросы по этому поводу, она имела привычку обращаться к некоему Томе Риду, который погиб в битве при Пинки (10 сентября 1547 года), как он сам утверждал, и который разрешал ей любые вопросы, которые она ему задавала. Этого человека она описала как солидного пожилого мужчину, седобородого, одетого в серый плащ с ломбардскими рукавами по старой моде. Пара серых бриджей и белых чулок, подвязанных выше колен, черный чепец на голове, сзади и спереди, с шелковыми шнурками, протянутыми через губы, и белая палочка в руке завершали описание того, что мы можем предположить о респектабельном человеке той провинции и того времени. Когда ее спросили о первой встрече с этим таинственным Томом Ридом, она рассказала о бедствиях, которые постигли ее в то время и которые, возможно, помогли вызвать воображаемого советчика. Она шла между своим домом и двором Монккасла, выгоняя коров на общее пастбище, и тяжело стонала, горько оплакивая свою корову, которая умерла, своего мужа и ребенка, которые были больны земельной болезнью (какая-то заразная болезнь того времени), а сама она была в очень слабом состоянии, недавно родив ребенка. По этому случаю она впервые встретила Тома Рида, который вежливо поприветствовал ее, на что она ответила. "Святая Мария, Бесси!" - сказал призрак, - "почему ты так скорбишь и плачешь о чем-то земном?" "Разве у меня нет причин для великой печали, - ответила она, - ведь наше имущество разрушается, муж на грани смерти, ребенок не выживет, а я сама нахожусь в слабом положении? Разве у меня нет причин для боли в сердце?" "Бесси, - ответил дух, - ты огорчила Бога, попросив того, чего не должна была, и я советую тебе исправить свою ошибку. Я говорю тебе, что твой ребенок умрет, прежде чем ты вернешься домой; две твои овцы тоже умрут; но твой муж выздоровеет и будет таким же здоровым и бодрым, каким был всегда". Добрая женщина утешилась, услышав, что ее муж не пострадает от такого всеобщего бедствия, но была весьма встревожена, увидев, как ее призрачный советник отошел от нее и исчез через дыру в стене сада, на первый взгляд слишком узкую, чтобы через нее мог пройти живой человек. В другой раз он встретил ее у Терна Даумстарника и показал свою конечную цель, предложив ей множество всякой всячины, если только она отречется от христианства и веры, которую приняла у камня-купели. Она ответила, что скорее разорвется по пятам за лошадьми, чем сделает это, но в меньших делах будет послушна его советам. Он расстался с ней в некотором неудовольствии. Вскоре после этого он около полудня появился в ее собственном доме, который в то время занимали ее муж и три портных. Но ни Эндрю Джак, ни три портных не подозревали о присутствии призрачного воина, убитого при Пинки; поэтому, не привлекая их внимания, он вывел добрую жену в конец дома возле печи. Здесь он показал ей компанию из восьми женщин и четырех мужчин. Женщины были одеты в пледы и выглядели очень нарядно. Незнакомцы приветствовали ее и сказали: "Добро пожаловать, Бесси; пойдешь ли ты с нами?" Но Бесси промолчала, как и советовал Том Рид. После этого она увидела, как шевелятся их губы, но не поняла, что они говорят; через

некоторое время они удалились с ужасным воющим звуком, похожим на ураганный. Тогда Том Рид сказал ей, что это добрые виги (феи), живущие во дворе Эльфландии, которые пришли пригласить ее отправиться с ними. Бесси ответила, что, прежде чем отправиться в путь, ей придется хорошенько подумать. Томэ ответил: "Разве ты не видишь, что я и мясом обеспечена, и одеждой, и сама достаточно хороша собой?" - и обручил ее с ними, чтобы ей было легче, чем раньше. Но она ответила, что живет с мужем и детьми и не хочет их покидать; на что Том Рид в весьма недобром расположении духа ответил, что если таковы ее чувства, то она не получит от него ничего хорошего.

Хотя они и разошлись во мнениях относительно главной цели визитов Тома Рида, Бесси Данлоп утверждала, что он продолжал часто приходить к ней и помогать ей своими советами; и что если кто-нибудь обращался к ней по поводу болезней людей или скота, или по поводу возвращения потерянных и украденных вещей, она, по совету Тома Рида, всегда могла ответить просителям. А еще ее (буквально призрачный) советник научил ее наблюдать за действием мазей, которые он ей давал, и предсказывать по ним выздоровление или смерть пациента. По ее словам, Тоум собственной рукой дал ей травы, с помощью которых она вылечила ребенка Джона Джека и Уилсона из Таунхеда. Она также помогла официантке молодой леди Стэнли, дочери леди Джонстон, чья болезнь, по мнению непогрешимого Тома Рида, заключалась в "приливе крови к сердцу", отчего она часто падала в обморок. Для лечения этой болезни Томэ приготовил средство, столь же щедрое, как и сам бальзам Гилеада. Оно состояло из самого крепкого эля, смешанного со специями и небольшим количеством белого сахара, который следовало пить каждое утро перед едой. За эти рецепты Бесси Данлоп платила куском муки и сыром. Молодая женщина выздоровела. Но бедная старая леди Килбоуи не могла получить никакой помощи для своей ноги, которая была искривлена в течение многих лет; Том Рид сказал, что костный мозг конечности погиб, а кровь запеклась, так что она никогда не поправится, а если она обратится за дальнейшей помощью, то это будет еще хуже для нее. Эти мнения свидетельствуют о здравом смысле и благоразумии, независимо от того, исходим ли мы от самого умки Тома Рида или от преступника, которому он покровительствовал. Суждения, вынесенные по делам о краденых вещах, также были хорошо подобраны; хотя они редко приводили к возвращению имущества, в них обычно указывались такие удовлетворительные причины, по которым оно не было найдено, чтобы эффективно покрыть кредит пророчицы. Так, плащ Хью Скотта не удалось вернуть, потому что воры успели переделать его в кирту. Джеймс Джеймисон и Джеймс Бэрд по ее совету вернули бы украденные плужные копыта, если бы волею судьбы Уильям Дугал, офицер шерифа, один из участников поисков, не принял взятку в три фунта за то, чтобы их не нашли. Короче говоря, хотя она и потеряла кружево, подаренное ей Томом Ридом, которое, повязанное вокруг рожениц, помогало им родить, профессия мудрой женщины Бесси Данлоп, похоже, процветала безраздельно, пока не привлекла к ней злой глаз закона.

При более детальном рассмотрении вопроса о ее знакомом она сказала, что никогда не знала его среди живых, но ей известно, что человек, называющий себя так, был тем, кто при жизни действительно был известен в Среднеземье как Томе Рид, офицер лэрда Блэрда, и умер в Пинки. В этом она убедилась, поскольку он посылал ее с поручениями к своему сыну, сменившему его на посту, и к другим своим родственникам, которых он назвал, и велел им исправить некоторые прегрешения, совершенные им при жизни, снабдив ее надежными знаками, по которым они должны были узнать, что это он послал ее. Одно из этих поручений было весьма примечательным. Она должна была напомнить соседу о некоем событии, о котором он должен был вспомнить в знак того, что Томе Рид и он вместе отправились на битву, которая состоялась в Черную субботу; Что человек, которому было послано

сообщение, был склонен двигаться в другом направлении, но Том Рид убедил его продолжить путь и привел его в Кирк Далри, где он купил посылку фиг и сделал подарок своему спутнику, завязав их в платок; после чего они составляли компанию, пока не пришли на поле в роковую Черную субботу, как долго называли битву при Пинки.

О других повадках Тома она сказала, что он всегда вел себя в высшей степени пристойно, только вот он настаивал, чтобы она отправилась с ним в Эльфланд, и брался за ее передник, словно желая потянуть ее за собой. Еще она сказала, что видела его в общественных местах, как на церковном дворе в Далри, так и на улицах Эдинбурга, где он ходил среди других людей и брал в руки товары, выставленные на продажу, не привлекая к себе никакого внимания. Сама она тогда с ним не заговаривала, поскольку он велел ей в таких случаях никогда не обращаться к нему, если он не заговорит с ней первым. В своих богословских взглядах мистер Рид, похоже, склонялся к Римской церкви, которая, действительно, была наиболее снисходительна к феям. Он говорил, что *новый закон, то есть* Реформация, нехорош, и что старая вера должна вернуться, но не в том виде, в каком она была раньше. На вопрос, почему этот прозорливый мудрец привязался к ней больше, чем к другим, обвиняемая ответила, что, когда она рожала одного из своих мальчиков, в ее хижину вошла крепкая женщина и села на скамью у ее кровати, как земная сплетница; она потребовала пить, и ей дали, а затем сказали больной, что ребенок должен умереть, но что ее муж, который тогда болел, должен выздороветь. Этот визит, по-видимому, предшествовал ее встрече с Томом Ридом у сада Монккасл, поскольку этот достойный человек объяснил ей, что ее крепкий посетитель - королева фей, и что с тех пор он посещает ее по прямому указанию этой леди, своей королевы и хозяйки. Это напоминает нам о крайней привязанности, с которой Королева фей относится к Дапперу в "Алхимике". Томе Рид присутствовал при ее вызове, кажется, трижды, и в течение четырех лет появлялся у нее очень часто. Он часто просил ее поехать с ним по возвращении в Сказочную страну, а когда она отказывалась, качал головой и говорил, что она раскается в этом.

Если деликатность воображения читателя немного пострадает, если он представит себе изящную Титанию в облике *тучной* женщины, тяжелой ноши для неуклюжей скамейки, пьющей с женой крестьянина то, что Кристофер Слай назвал бы очень достаточным малым пивом, то следующее описание феи-хозяина может более близко подойти к его представлению об этой невидимой компании: Бесси Данлоп заявила, что, когда она шла привязывать свою клячу на берегу озера Ресталриг-Лох (Лохенд, недалеко от восточного порта Эдинбурга), она услышала огромный звук, словно мимо нее промчалось тело всадника с таким шумом, как будто небо и земля могли сойтись; этот звук пронесся мимо нее и, казалось, бросился в озеро с ужасным грохотом. Все это время она ничего не видела, но Том Рид показал ей, что шум был вызван волшебниками, которые совершали одну из своих кавалькад по земле.

Вмешательство Тома Рида в ее ремесло мелкого колдовства не помогло бедной Бесси Данлоп, хотя его привязанность к ней была, по-видимому, совершенно платонической - самой большой близостью, на которую он отважился, было взяться за ее платье, когда он уговаривал ее отправиться с ним в Эльфландию. Не помогло ей и то, что мелкое колдовство, которое она практиковала, было направлено на ничтожные или даже полезные цели. Печальные слова на полях записи: "Осуждена и сожжена" - в достаточной мере выражают трагическое завершение этой любопытной истории.

Элисон Пирсон из Байрехилла 28 мая 1588 года была судима за вызов духов дьявола, в частности, в видении некоего мистера Уильяма Симпсона, ее двоюродного брата и сына брата ее матери, который, как она утверждала, был великим ученым и доктором медицины,

занимался чарами и издевался над невежественными людьми. Против этой бедной женщины ее собственное признание, как и в случае с Бесси Данлоп, было главным доказательством.

Как и у Бесси Данлоп был Том Рид, у Элисон Пирсон тоже был знакомый в суде Эльфланда. Это был ее родственник, вышеупомянутый Уильям Симпсон, родившийся в Стирлинге, чей отец был королевским кузнецом в этом городе. Уильям, по ее словам, был увезен египтянином (цыганом), который унес его с собой в Египет; он оставался там двенадцать лет, а его отец умер за это время за то, что открыл книгу священника и посмотрел на нее. Она заявила, что возобновила знакомство со своим родственником, как только он вернулся. Далее она призналась, что однажды, проезжая через Грейндж-Муир, слегла в приступе болезни, и тогда к ней подошел зеленый человек и сказал, что если она будет верна, то он может сделать ей добро. В ответ она поручила ему именем Бога и законом, по которому он живет, если он пришел ради блага ее души, рассказать о своем поручении. На этом зеленый человек удалился. Но после этого он явился к ней со многими мужчинами и женщинами, и против своей воли она была вынуждена пройти с ними дальше, чем могла рассказать, с пиром, весельем и радостью; также она сопровождала их в Лотиан, где видела пунцовые кувшины с вином и тасы или чаши для питья. Она заявила, что, когда рассказывала об этом, ее сильно мучили, и она получила удар, лишивший силы ее левую сторону и оставивший на ней уродливый след, не вызывающий никаких чувств. Она также призналась, что видела, как перед рассветом добрые соседи готовили свои мази с помощью сковородок и костров. Иногда, по ее словам, они приходили в таком страшном виде, что очень пугали ее. В другое время они говорили ей приятные слова и обещали, что она никогда не будет нуждаться в верности, но если она расскажет о них и их делах, то они угрожали ей мученичеством. Она также хвасталась своей благосклонностью к королеве Эльфландии и добрыми друзьями, которые у нее есть при дворе, несмотря на то, что иногда она была там в опале и не видела королеву семь лет. Она сказала, что Уильям Симпсон живет с феями и дает ей знать, когда они приходят; и что он научил ее, какие средства использовать и как их применять. Она заявила, что когда дует вихрь, феи обычно там, и что ее кузен Симпсон признался, что каждый год десятая часть их уносится в ад. Прославленный Патрик Адамсон, превосходный провидец и искусный ученый, созданный Яковом VI. Архиепископом Сент-Эндрюса, добросовестно и охотно выполнял предписания этой бедной ипохондрички, съедая тушеную птицу и выпивая в два приема кварту кларета, запивая его рекомендованными ею лекарствами. По тогдашнему поверью, эта Элисон Пирсон перенесла недомогание епископа с себя на белую полукровку, которая в результате умерла. На него был написан весьма суровый пасквиль за это и другие неподобающие его ордену поступки, в которых он был обвинен, и из которого мы узнаем, что Лэттингтон и Баклюх виделись с дамой Пирсон в Сказочной стране.³⁴ Родственник этой бедной женщины, Симпсон, дал ей не лучший приют, чем Томе Рид дал ее предшественнице. На полях судебной книги вновь появилась меланхоличная и краткая запись: "*Convicta et combusta*".

Примечание-->

34 (возвращение)

[См. "Шотландские стихи", под редакцией Джона Г. Далзелла, стр. 321].

Две бедные женщины, упомянутые в последний раз, тем более достойны жалости, что, будучи энтузиастками или самозванками, они практиковали свое предполагаемое искусство исключительно для блага человечества. Следующие необычные подробности касаются людей гораздо более высокого уровня, которые обращались к знакомым в более пагубных целях.

Кэтрин Манро, леди Фаулис, по происхождению Кэтрин Росс из Балнагована, занимавшая высокое положение как в своей семье, так и в семье своего мужа, пятнадцатого барона Фаулиса и главы воинственного клана Манро, поссорилась с Робертом Манро, старшим сыном своего мужа, за что и получила от него мачеху, придумав план, как добиться его смерти незаконными методами. Ее предполагаемая выгода заключалась в том, что вдова Роберта, когда он будет устранен, должна выйти замуж за своего брата, Джорджа Росса из Балнагована; с этой целью ее невестка, нынешняя леди Балнагован, также должна была быть устранена. Леди Фаулис, если в обвинении есть хоть капля правды, осуществляла свои действия с минимальной маскировкой. Она собирала людей самого низкого сословия, пользующихся позорной славой ведьм, и, помимо изготовления рисунков или моделей из глины, с помощью которых они надеялись околдовать Роберта Манро и леди Балнагоуэн, они варили, по одному случаю, яд такой силы, что у попробовавшего его человека сразу же начиналась тошнота. Другой глиняный кувшин (*Scotticè pig*) с тем же пагубным напитком был приготовлен леди Фаулис и отправлен с ее собственной кормилицей, чтобы она ввела его Роберту Манро. Посыльный, споткнувшись в темноте, разбил кувшин, и на месте его падения выросла трава, к которой овцы и скот не желали прикасаться; кормилица же, обладавшая меньшим разумом, чем звери, отведав пролитого спиртного, вскоре умерла. Что еще более важно для нашей цели, леди Фаулис воспользовалась артиллерией Эльфланда, чтобы уничтожить своего пасынка и невестку. Ласки Лонкарт, одна из помощниц ведьмы, изготовила две головки эльфийских стрел, которые в простонародье называют эльфийскими, - на самом деле это кремневые острия, которыми в древности вооружали концы древков стрел, а суеверные люди считают их оружием, с помощью которого феи уничтожали людей и зверей. Затем изображения предполагаемых жертв были установлены в северном конце помещения, и Кристиан Росс Малколмсон, помощник ведьмы, выстрелил двумя древками в изображение леди Балнагован и тремя - в изображение Роберта Манро, после чего они были разбиты, а леди Фаулис приказала смоделировать новые фигуры. Против леди Фаулис было выдвинуто множество подобных обвинений в колдовстве и приготовлении ядов.

Ее зять, Гектор Манро, один из обвинителей своей мачехи, по собственным причинам активно участвовал в подобном заговоре против жизни собственного брата. Обряды, которые он практиковал, носили непристойный, варварский и необычный характер. Заболев, Гектор обратился за советом к некоторым колдунам или прорицателям, к которым, судя по всему, была равнодушна эта семья. Ответ был единодушным: он должен умереть, если только главный мужчина его крови не примет смерть вместо него. Было решено, что заместителем Гектора должен стать Джордж Манро, брат его по полукровке (сын Кэтрин леди Фаулис, о которой мы уже упоминали). Гектор послал за этим юношей не менее семи гонцов, отказываясь принять кого-либо из своих друзей, пока не увидит того, кто должен был занять его место в могиле. Когда Джордж наконец прибыл, Гектор, по совету отъявленной ведьмы по имени Марион Мак-Инграх и собственной приемной матери, Кристианы Нил Далилл, принял его с особой холодностью и сдержанностью. Он не разговаривал в течение часа, пока его брат не нарушил молчание и не спросил: "Как он?" Гектор ответил, что ему лучше, чем Джорджу, который приехал навестить его, и снова погрузился в молчание, которое казалось необычным по сравнению с тем, с каким нетерпением он ждал встречи с братом; но, похоже, это было необходимой частью заклинания. После полуночи колдунья Марион

Мак-Инграх, главная жрица или Никневен в этой компании, отправилась со своими сообщницами, неся с собой лопаты. Они принялись копать могилу неподалеку от берега моря, на участке земли, который являлся границей между двумя владельцами. Могила была сделана как можно точнее по размерам их пациента Гектора Манро, а выкопанная из нее земля была на время отложена в сторону. Убедившись, что действие чар на Джорджа Манро, намеченную жертву, должно быть приостановлено на некоторое время, чтобы избежать подозрений, заговорщики приступили к исполнению своего заклинания необычным, впечатляющим и, как я полагаю, уникальным способом. В январе 1588 года пациента, Гектора Манро, вынесли в паре одеял в сопровождении всех, кому была доверена тайна, и предупредили, чтобы они хранили строгое молчание, пока главная колдунья не получит информацию от ангела, которому они служат. Гектора Манро отнесли к могиле и положили в нее, засыпав землей и закрепив кольями, как на настоящих похоронах. Марион Мак-Инграх, ночная Геката, села у могилы, а Кристиан Нил Далилл, приемная мать, пробежала на расстояние около девяти хребтов, ведя за руку мальчика, и, вернувшись к могиле, где был похоронен живой Гектор Манро, потребовала у ведьмы, какую жертву она выберет, та ответила, что выбирает Гектора, чтобы он жил, а Джорджа, чтобы умер вместо него. Это заклинание было трижды повторено, после чего мистера Гектора извлекли из его ледяного ложа в январской могиле и отнесли домой, все остались немые, как и прежде. В результате процесса, который, похоже, был плохо приспособлен для получения прежнего эффекта, Гектор Манро выздоровел, а после двенадцати месяцев вмешательства Джордж Манро, его брат, умер. Гектор взял главную ведьму в свое распоряжение, сделал ее хранительницей своих овец и, как говорят, уклонился от того, чтобы представить ее в суд, когда в Абердине ему предъявили обвинение. Несмотря на то что из-за колдовства, творившегося в доме Фаулиса, погибли несколько низших людей, леди Кэтрин и ее пасынок Гектор имели необыкновенную удачу быть признанными невиновными. Мистер Питкэрн замечает, что присяжные, состоящие из подчиненных, не соответствующих рангу или роду судимого, имеют все признаки того, что они были специально собраны для оправдания. Кроме того, в какой-то промежуток здравого смысла в головы присяжных Гектора Манро может закрасться мысль о том, что чары были совершены в январе 1588 года, а покойный заболел смертельной болезнью только в апреле 1590 года, и расстояние между этими событиями может показаться слишком большим, чтобы считать первое причиной второго.³⁵

Примечание...

35 (обратно)

["Судебные процессы" Питкэрна, т. i. с. 191-201].

Другой пример того, как мастерство колдуна было отнесено к наставлениям эльфов, можно найти в признании Джона Стюарта, которого называли бродягой, но который признавался в мастерстве пальмы и жонглирования и обвинялся в том, что помог Маргарет Барклай, или Дейн, потопить или выбросить судно, принадлежавшее ее родному брату. Когда его спросили, с помощью каких средств он утверждает, что обладает знанием грядущих событий, Джон признался, что двадцать шесть лет назад, путешествуя в ночь на Всехсвятский вечер между городами Монигойф (так пишется) и Клари в Голуэе, он встретился с Королем фей и его компанией, и Король фей нанес ему удар белым жезлом по

лбу, который лишил его способности говорить и пользоваться одним глазом, чего он добивался в течение трех лет. Он заявил, что речь и зрение были возвращены ему Королем фей и его компанией в ночь на Хэллоуин в городе Дублине, в Ирландии, и что с тех пор он присоединялся к этим людям каждую субботу в семь часов и оставался с ними всю ночь; также они встречались каждый Хэллоуин, иногда на холме Ланарк (возможно, Тинток), иногда на холме Килмаурс, и что тогда он обучался у них. Он указал на то место на лбу, по которому, по его словам, Король фей ударил его белым жезлом, после чего пленника, с завязанными глазами, укололи в это место большой булавкой, на что он не выразил никакого чувства или ощущения. Он сделал обычное заявление, что видел многих людей при дворе фей, чьи имена он перечислил особо, и заявил, что все такие люди, которых забирает внезапная смерть, отправляются с королем Эльфландии. Со свидетельствами этого человека нам сейчас больше нечего делать, хотя мы можем вернуться к гнусному разбирательству, которое затем состоялось в отношении этого несчастного жонглера и бедных женщин, обвиненных в том же преступлении. В настоящее время этот случай приводится как еще один пример того, как гадалка ссылается на Эльфланд как на источник своих знаний.

В Аулдеарне, приходе и бурге баронства в графстве Нэрн, эпидемический террор против ведьм, похоже, зашел очень далеко. Признание женщины по имени Изобель Гоуди, датированное апрелем 1662 года, как обычно, причастно к суду фей и объединяет колдовские действия с возможностями, предоставляемыми феями. В данном случае на них следует настаивать меньше, поскольку в тех мерзостях, о которых она рассказывает, непосредственное участие принимали не эльфы, а архетип. И все же, по ее словам, она бывала на холмах Дуни и получала там от королевы фей мяса больше, чем могла съесть. Она добавила, что королева храбро одета в белый лен и в белую и коричневую ткань, что король фей - храбрый человек, а у входа в их дворец ревут и *квакают* эльфийские быки, что очень ее напугало. В другой раз эта чистосердечная кающаяся признается, что присутствовала на собрании ведьм в Ламмас 1659 года, где, побродив по стране в разных обличьях - кошек, зайцев и тому подобного, - поедая, выпивая и растрачивая имущество соседей, в дома которых они могли проникнуть, они наконец пришли к Дуни-Хиллз, где гора открылась, чтобы принять их, и они вошли в большую комнату, светлую как день. У входа скакали и ревели большие сказочные быки, которые всегда настораживали Изобель Гоуди. Эти животные, вероятно, водяные быки, известные как в шотландской, так и в ирландской традиции, которые, как предполагается, сами по себе не очень-то *хитры* и безопасны для здоровья. В своих пещерах феи изготавливали головы эльфов-стрел, с помощью которых ведьмы и они сами творили столько зла. Эльфы и архи-страж трудились над этой задачей сообщая: первые формировали и затачивали дротик из грубого кремня, а вторые доводили его до совершенства (или, как это называется, *вытачивали*). Затем наступал черед спортивного состязания. Ведьмы садились на кукурузные соломинки, бобовые стебли или камыши и, призвав "Лошадь и Хатток, во имя дьявола!" - эльфийский сигнал к подъему, - летели куда глаза глядят. Если маленький вихрь, сопровождающий их полет, проносился мимо какого-нибудь смертного, который пренебрег благословением, все такие попадали под власть ведьм, и они получали право стрелять в него. Раскаившаяся пленница называет имена многих, кого она и ее сестры убили таким образом; больше всего она сожалела о смерти Уильяма Брауна в Милнтауне Мейнс. Стрела была нацелена и в преподобного Харри Форбса, священника, присутствовавшего на допросе признавшейся Изобель. Стрела не попала, и ведьма хотела прицелиться снова, но хозяин запретил ей, сказав, что жизнь преподобного джентльмена не зависит от их власти. К этому странному и весьма специфическому признанию мы еще вернемся, когда колдовство станет более близкой темой.

Вышеописанное свидетельствует о том, как вера в это преступление смешалась с суеверием фей.

Чтобы перейти к более современным примерам людей, предположительно попавших под власть фей, мы не должны забывать о преподобном Роберте Кирке, слуге Евангелия, первом переводчике псалмов на гэльские стихи. В конце семнадцатого века он последовательно был священником приходов Балкиддер и Аберфойл, расположенных в самом романтическом районе Пертшира и на линии Хайленда. Эти прекрасные и дикие края, включающие в себя столько озер, скал, укромных долин и тусклых лесов, еще не совсем покинуты феями, которые решительно сохранили надежную опору в регионе, столь хорошо подходящем для их проживания. И действительно, так было раньше, что мистер Кирк, когда он в последний раз управлял Аберфойлом, нашел материалы для сбора и составления своего "Очерка о подземном и по большей части невидимом народе, который раньше называли эльфами, фавнами, феями и тому подобными существами" ³⁶. В этом сочинении автор "с несомненным умом" описывает расу фей как своего рода астральных духов, нечто среднее между человечеством и ангелами, говорит, что у них есть дети, кормилицы, браки, смерти и похороны, как у смертных; что в некотором отношении они представляют смертных людей, и что среди них встречаются отдельные явления, или двойники, соответствующие смертным, существующим на земле. Мистер Кирк обвиняет их в краже молока у коров, а также в похищении, что более существенно, женщин в период беременности и новорожденных детей у их кормилиц. В обоих случаях средство защиты простое. Молоко невозможно украсть, если рот теленка, прежде чем ему разрешат сосать, натереть определенным бальзамом, который очень легко достать; а роженица будет в безопасности, если положить в постель кусок холодного железа. Мистер Кирк объясняет это тем, что великие северные железные рудники, расположенные рядом с местом вечного наказания, имеют отвратительный запах для этих "очаровательных созданий". У них, говорит преподобный автор, есть, чего и не следовало ожидать, множество легких игрушечных книг (романов и пьес, несомненно), другие - на росикрусианские темы и заумного мистического характера; но у них нет Библий или произведений набожности. Эссеист не упоминает о головах эльфийских стрел, которые обладают чем-то вроде громовых молний и могут смертельно ранить жизненно важные части тела, не пробивая кожу. Эти раны, по его словам, он сам наблюдал у зверей и чувствовал смертельные рваные раны, которые не мог видеть.

Примечание-->

36 (возвращение)

[Продолжение заголовка: "Среди шотландцев, живущих в низких странах, как их описывают те, кто обладает вторым зрением, а теперь, чтобы вызвать дальнейшее расследование, собранные и сравненные осмотрительным исследователем, живущим среди шотландцев-ирландцев (*m.e.* гэлов, или горцев) в Шотландии". Книга была напечатана с именем автора в 1691 году и переиздана в Эдинбурге в 1815 году для издательства Longman & Co].

Ни в коем случае нельзя было предположить, что эльфы, столь ревнивая и раздражительная раса, которая гневается на тех, кто говорит о них под их собственными именами, должны быть менее чем смертельно оскорблены искушением преподобного автора, который так

глубоко проник в их тайны, чтобы передать их публике. Хотя памятник ученому божеству с его именем и надписью можно увидеть в восточном конце церковного двора в Аберфойле, те, кто знаком с его реальной историей, не верят, что он наслаждается естественным покоем в могиле. Его преемник, преподобный доктор Грэхейм, сообщил нам о всеобщем убеждении, что, когда мистер Кирк однажды вечером прогуливался в ночной рубашке по *Дун-ши*, или сказочной горе, в окрестностях поместья или пасторали, вот! он упал в приступе апоплексии, который непросвещенные люди приняли за смерть, а более разумные знали, что это был обморок, вызванный сверхъестественным влиянием людей, чьи владения он нарушил. После церемонии кажущихся похорон родственнику явился облик преподобного Роберта Кирка и велел ему отправиться к Грэхему из Дюшрея, предку нынешнего генерала Грэхема Стирлинга. "Скажи Дюшрэю, который является моим кузеном, как и твоим родным, что я не умер, а пленник в Сказочной стране, и для моего освобождения остается только один шанс. Когда посмертного ребенка, которого родила моя жена после моего исчезновения, принесут на крестины, я появлюсь в комнате, и если Дюкре бросит мне на голову нож или кортик, который он держит в руке, меня можно будет вернуть в общество; но если этой возможностью пренебречь, я потерян навсегда". Дюкрею объяснили, что нужно сделать. Церемония состоялась, и явление мистера Кирка было явственно видно, пока они сидели за столом; но Грэхем из Дюшрея, к своему изумлению, не выполнил предписанного обряда, и можно опасаться, что мистер Кирк все еще "грезит в Сказочной стране", и государство эльфов заявило ему, как Океан бедному Фальконеру, погибшему в море после написания популярной поэмы "Кораблекрушение"

"Ты провозгласил нашу силу - будь нашей добычей!".

По этому вопросу читатель может ознакомиться с очень занимательной книгой "Очерки Пертшира" [37](#) преподобного доктора Грэхейма из Аберфойла. Ужасный визит фей, обрушившийся на мистера Кирка, не помешал его преемнику, прекрасному человеку и хорошему антиквару, сообщить нам несколько любопытных сведений о суевериях фей. Он говорит нам, что эти капризные эльфы особенно опасны в пятницу, когда, как в день Распятая, злые духи имеют наибольшую силу, и упоминает об их недовольстве любым, кто принимает их привычную ливрею зеленого цвета, рокового для нескольких семей в Шотландии, для всего рода галантных Грэхемов в особенности; Дошло до того, что мы слышали, что в бою Грэхема обычно ранят через зеленую клетку его пледа; более того, один ветеран-спортсмен этого имени, неудачно упав, счел достаточным оправдаться тем, что у него был кусок зеленого хлыста, чтобы дополнить плетъ его охотничьего кнута. Помню также, что мой покойный любезный друг Джеймс Грэхем, автор "Субботы", не стал пробиваться сквозь этот древний предрассудок своего клана и накрыл стол в библиотеке синей или черной тканью, вместо того чтобы использовать роковой цвет, обычно применяемый в таких случаях.

Примечание-->

37 ([возвращение](#))
[Эдинбург, 1812 г.].

Возвращаясь к феям Пертшира, я могу привести историю, по характеру несколько схожую с историей Маса Роберта Кирка. Жизнь прекрасной особы, рассказавшей ее, была, в угоду ее друзьям и беднякам, затянута до необычайной продолжительности; поэтому я предполагаю, что это приключение, случившееся в ее детстве, могло произойти до середины прошлого века. Она жила у родственников недалеко от небольшого морского городка Норт-Бервик, когда это место и его окрестности были встревожены следующей историей:...

Трудолюбивый мужчина, ткач в этом городке, был женат на красивой женщине, которая, родив двух или трех детей, имела несчастье умереть во время рождения четвертого ребенка. Младенца удалось спасти, но мать умерла в конвульсиях; а поскольку после смерти она была сильно обезображена, среди сплетников сложилось мнение, что по недосмотру тех, кто должен был следить за больной женщиной, ее, должно быть, унесли эльфы, а вместо тела подложили этот ужасный труп. Вдовец не придавал значения этим слухам и, горько оплакав жену в течение года траура, стал размышлять о благоразумии нового брака, который для бедного ремесленника с такой молодой семьей и без помощи хозяйки был почти необходимостью. Он без труда нашел соседку, чья внешность его вполне устраивала, а ее нрав, казалось, гарантировал, что она будет хорошо относиться к его детям. Он сделал предложение и был принят, после чего отнес имена брачующихся священнику (кажется, мистеру Мэтью Риду) для надлежащего объявления брака. Поскольку мужчина действительно любил свою покойную супругу, вероятно, такое решительное изменение его состояния заставило его вспомнить о периоде их союза, а вместе с этим и о необычных слухах, ходивших во время ее кончины, так что все это навяло на него следующий оживленный сон: - Когда он лежал в своей постели, бодрствуя, как ему казалось, он увидел в призрачный час полуночи фигуру женщины, одетой в белое, которая вошла в его хижину, встала у его кровати и показалась ему точь-в-точь похожей на его покойную жену. Он призвал ее к разговору и с изумлением услышал, как она, подобно священнику из Аберфойла, сказала, что не умерла, а является невольной пленницей добрых соседей. Как и мистер Кирк, она сказала ему, что если вся любовь, которую он когда-то питал к ней, не исчезла полностью, то еще остается возможность вернуть ее, или, как это обычно называют, *отвоевать*, из безбедного царства Эльфландии. Она поручила ему в определенный день следующей недели созвать самых уважаемых домохозяев города во главе с духовным лицом и раскопать гроб, в котором, как предполагалось, она была похоронена. "Духовник должен прочесть определенные молитвы, после чего, - говорило явление, - я выйду из гроба и с огромной скоростью полечу вокруг церкви, а вы должны попросить самого быстрого бегуна прихода (называя человека, известного своей быстротой) преследовать меня, а такого, как кузнец, известного своей силой, удерживать меня, когда я буду догнана; и тогда я, благодаря молитвам церкви и усилиям моего любящего мужа и соседей, снова займу свое место в человеческом обществе". Утром бедный вдовец был огорчен воспоминанием о своем сне, но, пристыженный и озадаченный, не принял никаких мер. На вторую ночь, как это не удивительно, посещение повторилось. На третью ночь она явилась со скорбным и недовольным лицом, упрекнула его в недостатке любви и привязанности и в последний раз призвала его выполнять ее указания, которыми, если он теперь пренебрежет, она никогда больше не будет иметь права посещать землю или общаться с ним. Чтобы убедить его в том, что это не бред, он "увидел во сне", как она взяла на руки младенца, при рождении которого умерла, и дала ему пососать; она также пролила каплю или две своего молока на постельное белье бедняги, как бы заверяя его в реальности видения.

На следующее утро перепуганный вдовец отнес заявление о своем недоумении мистеру Мэтью Риду, священнику. Этот преподобный, помимо того, что был прекрасным провидцем в других отношениях, в то же время отличался проницательностью и понимал человеческие

страсти. Он не пытался оспорить реальность видения, ввергшего его прихожанина в эту беду, но утверждал, что оно может быть лишь иллюзией дьявола. Он объяснил вдовцу, что ни одно сотворенное существо не может иметь права или власти заключать в тюрьму или удерживать душу христианина, убедил его не верить, что его женой распорядились иначе, чем по Божьему благоволению, заверил его, что протестантская доктрина полностью отрицает существование какого-либо среднего состояния в грядущем мире, и объяснил ему, что он, как священнослужитель Шотландской церкви, не может и не смеет разрешать открывать могилы или использовать молитвенное вмешательство для санкционирования обрядов подозрительного характера. Бедняга, сбитый с толку и охваченный различными чувствами, спросил своего пастора, что ему делать. "Я дам вам свой лучший совет", - сказал священник. "Получите согласие вашей новой невесты на брак завтра или сегодня, если сможете; я возьму на себя обязанность обойтись без остальных объявлений или объявить их три раза в один день. У вас будет новая жена, и если вы будете думать о прежней, то только как о той, с которой вас разлучила смерть и к которой вы можете испытывать привязанность и печаль, но как к святой на небесах, а не как к пленнице в Эльфланде". Совет был принят, и озадаченный вдовец больше не получал визитов от своей бывшей супруги.

Случай общения с Беспокойным народом (более подходящий эпитет, чем *Даойн Ши*, или Люди мира, как их называют на гэльском языке), возможно, самый последний из тех, что были обнародованы, попал в поле зрения Пеннанта уже во время путешествия этого наблюдательного путешественника в 1769 году. Это, возможно, последние новости из невидимого содружества, и мы приводим слова самого туриста.

"Одному бедному провидцу, работавшему на своем капустном огороде (в Бредалбейне), привиделось, что его внезапно подняли в воздух и перенесли через стену на соседнее кукурузное поле; что он оказался окружен толпой мужчин и женщин, многие из которых, как он знал, были мертвы уже несколько лет, и которые показались ему пролетающими над верхушками негнувшейся кукурузы и смешивающимися вместе, как пчелы в улье; что они говорили на неизвестном языке и с глухим звуком; что они очень грубо толкали его туда-сюда, но когда он произнес имя Бога, все исчезли, кроме женской сущности, которая, схватив его за плечо, заставила его пообещать назначить встречу в этот самый час в день семь ночей; тогда он обнаружил, что его волосы завязаны в двойной узел (хорошо известный под названием эльфийских замков), и что он почти потерял дар речи; Что он сдержал слово с призраком, которого вскоре увидел плывущим по воздуху к нему; что он говорил с ней, но она сказала ему, что в то время слишком спешила, чтобы заниматься им, но просила его уйти и не причинять ему вреда, и так дело и закончилось, когда я покинул страну. Но невероятно, сколько бед натворили эти *ægrī somnia* в окрестностях. Друзья и соседи покойного, которых называл старый сновидец, были в величайшей тревоге, обнаружив их в такой дурной компании на том свете; почти исчезнувшая вера в старые пустые истории начала набирать силу, и доброму священнику придется провести немало утомительных бесед и увещаний, прежде чем он сможет искоренить абсурдные идеи, которые возродила эта пустая история"

"38.

Нет нужды добавлять, что эта сравнительно недавняя история является аналогом историй Бесси Данлоп, Элисон Пирсон и ирландского дворецкого, которого чуть не унесли, - все они нашли в Эльфландии друга, бывшего жителя средней земли, который привязался к дитяти человечества и попытался защитить собрата-смертного от своих менее филантропичных товарищей.

Эти примеры могут показать, как суеверие фей, которое в своем общем смысле поклонения *Dii Campestres* было гораздо более древним из двух, возникло и было связано с той ужасной верой в колдовство, которая стоила жизни стольким невинным людям и безумным самозванцам за предполагаемое совершение невозможных преступлений. В следующей главе я предлагаю проследить, как началось всеобщее неверие в вероучение фей и как постепенно были дискредитированы предполагаемые колдовские подвиги, дававшие повод для столь жестоких практических последствий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ VI.

Непосредственное влияние христианства на народные суеверия - рассказ Чосера о том, как католические священники изгнали фей - епископ Корбетт приписывает тот же эффект Реформации - его стихи на эту тему - его *Iter Septentrionale* - Робин Гудфеллоу и другие суеверия, упомянутые Реджинальдом Скотом - характер английских фей - традиция устарела во времена этого автора - традиция ведьм осталась в силе - но оспаривается различными авторами после Реформации, Виерусом, Наудеусом, Скотом и другими - Демонология защищалась Бодинусом, Ремигиусом и др.с.-Их взаимное злоупотребление друг другом - Совершенствование физической науки в этот период и преобладание мистицизма в этой области.

Хотя влияние христианской религии не было представлено народам Европы с таким сиянием, чтобы сразу рассеять облака суеверий, которые продолжали затуманивать понимание поспешных и плохо обученных новообращенных, не может быть сомнений в том, что ее непосредственное действие направлено на изменение ошибочных и экстравагантных статей легковерия, которые оставались за старой языческой верой и которые уступали ей место по мере того, как ее свет становился более чистым и утонченным от человеческих ухищрений.

Поэт Чосер, действительно, делает комплимент Римской церкви с ее монахами и проповедующими монахами за то, что они в ранний период изгнали из страны всех духов низшего и менее святого характера. Стихи любопытны и живописны, и могут в некоторой степени подтвердить существование сомнений относительно общей веры в фей среди образованных людей во времена Эдуарда III.

Феи, о которых говорит бард из Вудстока, - это, как можно заметить, древняя кельтская порода, и он, похоже, ссылается на Бретань, или Арморику, подлинную кельтскую колонию: - "В старые времена короля Арта".

"В старые времена короля Артура, о котором бретонцы говорили с большим почтением, вся эта земля была наполнена фейри; королева эльфов со своей веселой компанией танцевала много раз во многих златных медах. Таково было старое мнение, как я помню, я говорю о многих сотнях лет назад, но теперь никто не может видеть эльфов мо. Ибо теперь великое милосердие и молитвы [Лимиторов](#)³⁹ и других святых братьев, Что ищут каждую землю и каждый ручей, Густые, как мотыльки в солнечном луче, Благословляя залы, палаты, кухни и буры, Города и бургы, замки высокие и башни, Тропы и амбары, овчарни и молочные фермы, Это говорит о том, что фей не было. Ибо там, где обычно ходил эльф, теперь ходит сам лимитор, В нишах и в морвенгах, И произносит свои матины и свои святыни, Когда идет в своем ограничении. Женщины теперь могут спокойно ходить вверх и вниз; В каждом кусте и под каждым деревом нет другого инкуба, кроме него, и он не нанесет им никакого бесчестия"⁴⁰.

Примечание-->

39 ([возвращение](#))

[Монахам разрешено просить милостыню в пределах определенного округа.]

Note-->

40 ([обратно](#))

["Сказка жены из Бата"].

Когда мы видим мнение, которое Чосер выражает о регулярном духовенстве своего времени в некоторых других своих рассказах, мы склонны подозревать некоторую примесь иронии в комплименте, который приписывает изгнание фей, с которыми земля была "исполнена" во времена короля Артура, теплоте и рвению набожности лимитрофных монахов. Отдельные случаи скептицизма среди ученых, возможно, и существуют, но более современный поэт, с жилкой юмора, недостойной самого Джеффри, с большей вероятностью отложил окончательное изгнание фей из Англии, то есть из народной веры, до царствования королевы Елизаветы, и представил их изгнание как следствие смены религии. Два-три стиха

этой оживленной сатиры могут вполне заслуживать внимания читателя, который в то же время должен знать, что автор, доктор Корбетт, был не кем иным, как епископом Оксфорда и Норвича в начале семнадцатого века. Поэма называется "Новая подходящая баллада под названием "Прощание фей", которую следует петь или насвистывать на мотив "Луговой брови" ученым; неученым - на мотив "Фортуны"".

"Прощайте, награды и феи,
Хорошие хозяйки теперь могут сказать,
Ибо теперь нечистые шлюхи на молочных заводах
Не уступают им;
И хотя они подметают свои очаги не реже.
Чем служанки привыкли делать,
Но кто в последнее время за чистоту
Находит шесть пенсов в своей туфле?

"Скорбите, скорбите, старые аббатисы,
О том, что феи утратили власть;
Они лишь меняли детей священников,
Но некоторые изменили вашу землю;
И все ваши дети, рожденные отсюда.
Стали пуританами,
И с тех пор живут, как менялы.
Из любви к своим владениям.

"И утром, и вечером,
Вы были веселы и радостны,
Так мало заботы о сне и лени
У этих милых дам.
Когда Том возвращался с работы.
Или Сис на дойку поднималась,
Тогда весело, весело шли их таборы,
И весело стучали их пальцы ног.

"Свидетельствуют кольца и хороводы
их, которые еще сохранились,
Были надеты в дни королевы Марии,
На многих травянистых равнинах;
Но с тех пор, как Елизавета
И с тех пор, как появился Яков,
Не танцевали они ни на одном вереске
Как в те времена.

"Отсюда следует, что феи
были старой профессии,
Их песни были Ave Maries,
Их танцы были процессиями.
Но теперь, увы, все они мертвы,
Или ушли за моря;
Или за религией бежали,

Или в покой ушли".

Оставшаяся часть поэмы посвящена хвале и славе старого Уильяма Чорна из Стаффордшира, который оставался верным и стойким свидетелем в пользу ушедших эльфов и вел, как кажется, к удовольствию остроумного епископа, неистощимые записи об их проделках и подвигах, отсюда и заключительный стих -

"Уильяму все дают аудиенцию,
И молитесь за него,
Ибо все доказательства фей
Были бы потеряны, если бы это был узелок "[41](#)."

Примечание-->

41 (возвращение)

["Стихи Корбетта", под редакцией Октавуиса Гилкрита, стр. 213].

Этот Уильям Чорн, по-видимому, присутствовал в компании доктора Корбетта на *iter septentrionale*, "двое из которых были докторами, а двое хотели ими стать"; но был ли Уильям проводником, другом или домашним, кажется неясным. По дороге в Босворт путешественники заблудились в дебрях леса Чорли, и их маршрут становится настолько запутанным, что они возвращаются по своим следам и труду...

"Как в кругу фокусника - Уильям нашел
Средство для нашего спасенья, - "Поверните плащи,
"Поверните плащи, ибо Пак занят в этих дубах;
Если когда-нибудь тебя в Босворте найдут,
Тогда разверните плащи, ведь это земля фей".
Но прежде чем это колдовство свершилось, мы встретили
человека, у которого не было сплетенных ног.
Хотя Уильям, все еще маловерный, сомневается,
"Это Робин или какой-нибудь волшебник, который ходит вокруг.
Ударь его, - говорит он, - и он превратится в воздух.
Перекреститесь трижды и ударьте его".
подумал я, "наверняка этот лесной житель,
в ударах окажется лучшим фокусником".
Но это был нежный хранитель, знающий
Гуманность и манеры, где они растут,
И скакал так далеко, пока не смог сказать,
"Видите, вон там стоит Босворт, а это ваша дорога".[42](#)

Note-->

42 (обратно)

[Corbett's Poems, p. 191.]

В этом отрывке епископ ясно показывает, что феи сохранили свое влияние в воображении Уильяма, поскольку вежливый хранитель был принят их соратником за Пака или Робина Гудфеллоу. Заклинания, к которым прибегают, чтобы избавиться от предполагаемых галлюцинаций, - это, в частности, заклинание разворачивания плаща (рекомендуемое в видениях второго зрения или подобных иллюзиях как средство получения уверенности относительно существа, которое прежде было [несовершенно](#)⁴³) и заклинание изгнания духа дубиной; к последнему, как благоразумно считает Корбетт, не следует прибегать, если нет полной уверенности, что изгоняющий - более сильная сторона. Поэтому Чосер не мог всерьез утверждать, что суеверия фей устарели в его время, поскольку они были актуальны и три века спустя.

Примечание-->

43 (возвращение)

[Распространенный пример - человек, которого преследует некое подобие, чье лицо он не может увидеть. Если он развернет свой плащ или плед, то получит полный обзор, которого желает, и, возможно, обнаружит, что это его собственный фетч, или фантик, или двойник].

Не менее несомненно, что по мере того, как знания и религия становились более широкими и яркими в любой стране, суеверные причуды людей постепенно падали в цене и влиянии; а во времена королевы Елизаветы неустанный труд многочисленных и популярных проповедников, выступавших против "великолепных чудес" Римской церкви, произвел естественный эффект и на другие виды суеверий. "Конечно, - говорил Реджинальд Скот, рассказывая о временах, предшествовавших его собственным, - один плут в белой простыне обманул и оболгал многие тысячи, особенно когда Робин Гудфеллоу держал такую катушку в деревне. В детстве служанки наших матерей так пугали нас уродливым дьяволом с рогами на голове, огнем во рту и хвостом у груди, глазами как у тазика, клыками как у собаки, когтями как у медведя, кожей как у негра и голосом, ревушим как у льва, что мы пугались, когда слышали один крик: "Бох! и они так напугали нас быкобегаками, духами, ведьмами, ежами, эльфами, ведьмами, феями, сатирами, панами, фавнами, сильванами, Киттом-свечой, тритонами, кентаврами, гномами, великанами, импами, калкарами, колдунами, нимфами, менялами, инкубами, Робинот Гудфеллоу, споорн, человек-с-дуба, адский вайн, огненный дрейк, шайба, Мальчик-с-пальчик, Хобгоблин, Мальчик-с-пальчик, Бескостный и другие жуткие создания, что мы боимся собственных теней, так что некоторые никогда не боятся дьявола, кроме как в темную ночь; А еще овечка - опасный зверь, и не раз ее принимали за душу нашего отца, особенно на церковном дворе, где раньше самый выносливый человек не мог пройти ночью, если у него волосы вставали дыбом. Но, слава Богу, эта жалкая и трусливая неверность со времени проповеди Евангелия отчасти забыта, и, несомненно, остальные иллюзии в скором времени, по милости Божьей, будут обнаружены и исчезнут"

⁴⁴.

Примечание-->

44 (обратно)

["Разоблачение колдовства" Реджинальда Скота, книга vii. глава 15].

Потребуется лучший демонолог, чем я, чтобы объяснить различные устаревшие суеверия, которые Реджинальд Скот ввел в предыдущий отрывок как элементы старой английской веры. Я мог бы сказать, что Phusa - это кельтское суеверие, от которого, несомненно, произошло слово Pook или Puckle; я мог бы предположить, что человек-в-дубе был тем же самым, что и Erl-König у немцев; и что hellwain были своего рода блуждающими духами, потомками чемпиона по имени Hellequin, которые введены в роман о Ричарде без Пера. Но большинство антикваров будут неправы в том, что касается Споорна, Китта со шкатулкой, Бескостного и некоторых других. Каталог, однако, служит для того, чтобы показать, какого прогресса добились англичане за два столетия, забыв названия предметов, которые были источником ужаса для их предков елизаветинской эпохи.

Прежде чем оставить тему суеверий о феях в Англии, отметим, что они носили более игривый и нежный, менее дикий и некромантический характер, чем те, что бытовали среди родственных народов. Развлечения южных фей были легкими и спортивными; их обиды удовлетворялись тем, что они щипали или царапали объекты своего недовольства; их особое чувство чистоты вознаграждало домохозяек серебряным жетоном в обуви; Они были крайне щепетильны в отношении любой грубости или небрежности, которая могла бы оскорбить их деликатность; и я не могу понять, за исключением, возможно, инсинуаций некоторых скрупулезных прорицателей, что они были вассалами или в тесном союзе с инферналами, как это, по всей видимости, было в случае с их северобританскими сестрами.⁴⁵ Невозможно забыть распространенную детскую историю о том, как вскоре после смерти так называемой милой и опрятной хозяйки дома группа эльфов была потрясена, увидев, что человек с другим характером, которым вдовец заполнил свои опустевшие руки, вместо красиво уложенной маленькой буханки белейшего хлеба и тазика сладких сливок, должным образом поставленных покойной для их угощения, заменил коричневую буханку и початок селедки. Разгневанные таким грубым поведением, эльфы вытащили из постели провинившуюся хозяйку и за пятки поволокли ее вниз по деревянной лестнице, повторяя при этом, презирая ее бесстыдное гостеприимство

"Коричневый хлеб и селедка!

Твои жирные бока будут иметь много шиллингов!"

Но дальше такой игривой злобы у них не было желания распространять свою обиду.

Примечание-->

45 (возвращение)

[Доктор Джексон в своем "Трактате о неверии" отстаивает суровое мнение. "Таким образом, фейри, из-за различия приписываемых им событий, делятся на добрых и злых, в то время как это всего лишь один и тот же злобный изверг, который вмешивается и в то, и в другое; желая иногда, чтобы его боялись, а иногда, чтобы его почитали как Бога, за телесные повреждения или хорошие повороты, которые, как предполагается, находятся в его власти." - Jackson on Unbelief, p. 178, edit. 1625.]

Неизменным гостем при дворе английских фей был знаменитый Пак, или Робин Гудфеллоу, который для эльфов выступал в роли шута или клоуна компании - (этот персонаж в то время можно было встретить в заведении каждого высокопоставленного человека) - или, если использовать более современное сравнение, напоминал Пьеро из пантомимы. Его шутки носили самый простой и в то же время самый широкий комический характер: ввести в заблуждение клоуна на его пути к дому, переодеться в табуретку, чтобы побудить старую сплетницу совершить вопиющую ошибку - сесть на пол, когда она рассчитывала отдохнуть на стуле, - все это было его особым развлечением. Если он и снисходил до того, чтобы выполнять какую-то работу для спящей семьи, в чем он имел некоторое сходство с шотландским домашним духом, называемым брауни, эгоистичный Пак был далек от того, чтобы заниматься этим трудом по бескорыстному принципу северного гоблина, который, если на его пути и для его использования оставляли одежду или еду, уходил из семьи в досаде. Робин Гудфеллоу, напротив, должен иметь и пищу, и отдых, о чем Мильтон сообщает нам в поэме "L'Allegro", среди других своих замечаний о деревенских суевериях. Следует заметить, что он представляет эти сказки о феях, рассказываемые вокруг домашнего очага, как веселые, а не серьезные; это иллюстрирует то, что я сказал о более мягком характере южных суеверий по сравнению с теми же суевериями в Шотландии, истории о которых в большинстве своем страшны и нередко отвратительны.

Однако бедный Робин, между которым и королем Обероном Шекспир ухитряется сохранять четкую субординацию, на мгновение обманывающую нас своей видимостью реальности, несмотря на его склонность к остроумию и юмору, был затерт забвением еще во времена королевы Бесс. Мы уже видели в отрывке, процитированном у Реджинальда Скота, что это убеждение кануло в Лету; следующий отрывок того же автора утверждает более определенно, что дата Робина прошла: - "Know ye this by the way of the Robin.

"Знайте, между прочим, что раньше Робин Гудфеллоу и Хобгоблин были так же страшны и так же правдоподобны для людей, как сейчас ведьмы и колдуны; и в грядущем ведьма будет так же высмеиваться и осуждаться, и так же ясно восприниматься, как иллюзия и плутовство Робина Гудфеллоу, о котором ходило столько же и столько же правдоподобных историй, как и о колдовстве, за исключением того, что переводчикам Библии не угодно называть духов именем Робина Гудфеллоу, как они называют ведьмами прорицателей, прорицательниц, отравителей и обманщиков". В том же тоне Реджинальд Скот обращается к читателю в предисловии: "Обратиться к вам, пристрастным читателям, с торжественной просьбой отбросить пристрастие, отнестись с пониманием к моим трудам и равнодушными глазами взглянуть на мою книгу, было бы напрасным трудом и нерациональным использованием времени; ибо я не более преуспел бы в этом, чем если бы сто лет назад я убеждал ваших предшественников поверить, что Робин Гудфеллоу, этот великий и древний быкобог, был всего лишь торговцем, занимающимся мошенничеством, и не дьяволом на самом деле. Но теперь Робина Гудфеллоу перестали бояться, а папизм достаточно раскрыт; тем не менее колдовские чары и фокусничество все еще действуют". Этот отрывок, кажется, ясно доказывает, что вера в Робина Гудфеллоу и его спутников-фей уже устарела; в то время как

вера в колдовство, как было показано впоследствии, но слишком хорошо, сохранила свою силу вопреки спорам и разногласиям и выжила, "чтобы пролить больше крови".

Примечание-->

46 (возвращение)

["Разоблачение колдовства" Реджинальда Скота, книга vii. глава ii].

На этом мы заканчиваем знакомство с этой увлекательной статьей народного вероучения, в которой столько интересного для воображения, что мы почти завидуем легковерию тех, кто в нежном лунном свете летней ночи в Англии, среди запутанных просек глухих лесов или дернистой порослью ее романтических лугов, мог вообразить, что видит фей, вычерчивающих свой спортивный круг. Но напрасно сожалеть об иллюзиях, которые, какими бы привлекательными они ни были, неизбежно должны уступить свое место перед ростом знаний, как тени перед рассветом. Эти суеверия уже пережили свое лучшее и самое полезное назначение, будучи забальзамированы в поэзии Мильтона и Шекспира, а также писателей, лишь уступающих этим великим именам. О Спенсере мы ничего не должны говорить, потому что в его "Королеве фей" название - единственное обстоятельство, связывающее его великолепную аллегория с народным суеверием, и, как он его использует, означает не что иное, как Утопию или безымянную страну.

Вместе с феерическим народным верованием пали, несомненно, многие второстепенные статьи легковерия в Англии, но вера в ведьм сохранила свои позиции. Она укоренилась в умах простого народа как благодаря легкому решению многих вопросов, которые иначе трудно было объяснить, так и благодаря почтению к Священному Писанию, в котором слово "ведьма", употребляемое в нескольких местах, давало понять тем, кто не беспокоился о точности перевода с восточных языков, что имеются в виду те же ведьмы, что и те, против которых современное законодательство в большинстве европейских стран установило наказание в виде смерти. Эти два обстоятельства предоставили многочисленным верующим в колдовство аргументы в пользу божественности и закона, которые они считали неопровержимыми. Они могли бы сказать теологу: "Неужели вы не верите в ведьм? Писание утверждает, что они существуют?"; юристу: "Неужели вы будете оспаривать существование преступления, против которого свидетельствуют наш собственный свод законов и кодексы почти всех цивилизованных стран, законы, по которым были осуждены сотни и тысячи людей, многие или даже большинство из которых в своих судебных признаниях признали свою вину и справедливость наказания? Станный скептицизм, добавляют они, который отвергает свидетельства Писания, человеческих законов и самих обвиняемых.

Несмотря на все эти умозрительные доводы, XVI и XVII века были периодом, когда возрождение образования, изобретение книгопечатания, бесстрашные исследования реформаторов на темы, которые раньше считались слишком священными для рассмотрения кем-либо, кроме духовенства, ввели систему сомнений, расспросов, пренебрежения авторитетом, когда он не подкреплён аргументами, и беспрекословного осуществления частного суждения на темы, которые занимали буллы пап и декреты соборов. Короче говоря, дух эпохи был не склонен щадить заблуждения, какими бы почтенными они ни были, или одобрять самозванство, пусть даже санкционированное длительным временем и всеобщим

одобрением. В разных странах появились ученые писатели, чтобы оспорить само существование этого мнимого преступления, спасти репутацию великих людей, чьи знания, превосходящие знания их эпохи, стали причиной подозрений в магии, и положить конец ужасному суеверию, жертвами которого становились пожилые, невежественные и незащитные люди и которое можно было сравнить только с тем, что посылало жертвы древности через огонь к Молоху.

Мужественное вмешательство тех философов, которые противопоставили науку и опыт предрассудкам суеверия и невежества и при этом понесли много искажений и, возможно, не мало недоброжелательности в деле истины и человечности, требует для них некоторого отличия в работе по демонологии. Преследователи точных наук в их тайных убежищах, несомненно, первыми обнаружили, что самые удивительные явления в природе регулируются определенными законами и не могут быть рационально отнесены к сверхъестественному воздействию, достаточной причине, которой суеверие приписывает все, что находится за пределами ее собственных узких возможностей объяснения. Каждый шаг вперед в познании природы учит нас, что Создателю угодно управлять миром по законам, которые он установил, и которые в наше время не прерываются и не приостанавливаются.

Ученый Виер, или Виерус, был человеком, много занимавшимся физическими науками, и учился у знаменитого Корнелия Агриппы, против которого Паулус Йовиус и другие авторы неоднократно выдвигали обвинение в колдовстве, а сам он, с другой стороны, страдал от преследований церковных инквизиторов, которые обвиняли этого знаменитого человека в том, что он отрицал существование духов, что совершенно не соответствует обвинению в колдовстве, которое заключается в общении с ними. Получив степень доктора медицины, Виерус стал врачом герцога Клевского, при дворе которого он практиковал в течение тридцати лет, пользуясь высочайшей репутацией. Этот ученый человек, не обращая внимания на скандал, который он мог навлечь на себя, был одним из первых, кто напал на вульгарную веру, и смело атаковал, как серьезными аргументами, так и насмешками, вульгарное легкоеверие в вопросе о волшебниках и ведьмах.

Габриэль Науде, или Наудэус, как он сам себя называл, был превосходным ученым и литератором, всю жизнь занимался сбором книг и занимал должность библиотекаря при нескольких высокопоставленных особах, в том числе при шведской королеве Кристине. Кроме того, он был священнослужителем, вел самую безупречную жизнь и был настолько умерен, что никогда не пробовал спиртных напитков крепче воды; тем не менее он не избежал скандала, который обычно обрушивают предвзятые современники на тех спорщиков, которых легче опорочить, чем ответить. Он написал интересную работу под названием "Апология для великих людей, обвиняемых в магии"; и поскольку он проявил немало живости таланта и искренности в отстаивании своей позиции, которая не всегда щадила некоторые из суеверий самого Рима, современники обвинили его в ереси и скептицизме, хотя справедливость могла бы обвинить его лишь в неосторожном стремлении довести свои аргументы до конца.

Среди людей, которые по этому вопросу очистили свои глаза рю и ефреем, помимо преподобного доктора Харснета и многих других (которые писали скорее о частных случаях демонологии, чем об общем вопросе), следует выделить Реджинальда Скота. Вебстер уверяет нас, что он был "человеком компетентным, набожным и из хорошей семьи". Похоже, он был ревностным протестантом, и большая часть его книги, как и книги Харснета, направлена на то, чтобы обличить папистов, в частности, в тех уловках, которыми, путем конфедерации и самозванства, поддерживались и поддерживаются популярные идеи о

колдовстве, одержимости и других сверхъестественных фантазиях; но он также пишет по общему вопросу с некоторой силой и талантом, учитывая, что его предмет не может быть сведен к обычной форме и имеет характер, особенно соблазнительный для экскурсионного таланта. Похоже, что он изучал легердемайн для того, чтобы показать, как многое из того, что кажется непостижимым, тем не менее может быть выполнено без вмешательства сверхъестественной помощи, даже когда невозможно убедить вульгарных людей, что дьявол не был проконсультирован по этому поводу. Скот также общался с некоторыми знаменитыми гадалками, или филоматами, того времени; одного из них он приводит, чтобы тот заявил о тщетности науки, которую сам когда-то исповедовал.

Для защиты популярной веры в колдовство возникло несколько сторонников, среди которых Боден и некоторые другие не обладали ни знаниями, ни способностями к рассуждению. Они набросились на недоверчивую партию с обвинениями в том, что те отрицают существование преступления, за которое закон назначил высшую меру наказания. Поскольку этот закон исходил от самого Якова, который был правящим монархом во время самой жаркой части спора, английские авторы, защищавшие противоположную сторону, были вынуждены уклониться, чтобы не поддерживать аргумент, в какой-то степени неприятный для власти имущих и, возможно, небезопасный для тех, кто его использовал. С некоторой долей софистики они отвечали, что не сомневаются в возможности существования ведьм, но лишь возражают против того, какова их природа и как они стали таковыми - согласно схоластическому жаргону, вопрос в отношении ведьм не *de existentia*, а лишь *de modo existendi*.

Прибегнув к столь тонкому аргументу, те, кто порицал народную веру, были вынуждены, с некоторой непоследовательностью, признать, что колдовство существовало и могло существовать, настаивая лишь на том, что это был вид колдовства, состоящий неизвестно из чего, но определенно из чего-то иного, чем то, которое законодатели, судьи и присяжные до сих пор считали призванным пресечь статут.

Тем временем (тем более что дебаты велись на особенно трудную для понимания тему) спорящие стороны разгорячились и начали называть имена. Боден, живой француз раздражительного нрава, объяснил рвение Виеруса защитить племя колдунов от наказания, заявив, что он сам был колдуном и ученым Корнелия Агриппы, а потому вполне мог желать сохранить жизнь тем, кого обвиняли в том же союзе с сатаной. Поэтому они наделили своих противников оскорбительными именами покровителей и защитников ведьм, как будто невозможно, чтобы кто-то придерживался мнения Наудеуса, Виеруса, Скота и т. д., не покровительствуя дьяволу и ведьмам против их смертных собратьев. Подвергаясь столь тяжким обвинениям, философы сами теряли терпение и в свою очередь отвечали оскорблениями, называя Бодена, Дельрио и других, использовавших их аргументы, поборниками ведьм и т. п., поскольку утверждение и отстаивание существования преступления, казалось, увеличивало число ведьм и, несомненно, увеличивало список казней. Но в течение определенного времени перевес аргументов был на стороне демонологов, и мы можем вкратце проследить причины, по которым их мнение в течение определенного периода оказывало большее влияние на общественное мнение, чем их оппоненты.

Прежде всего, следует отметить, что Виерус, по какой причине, предположить невозможно, разве что для того, чтобы показать объем своих кабалистических знаний, включил в свой труд против колдовства всю "Стенографию" Тритемия, которую он скопировал с оригинала, хранившегося в библиотеке Корнелия Агриппы; И эта книга, подозрительная из-за места, где он ее нашел, и из-за длинного каталога извергов, который в ней содержался, с чарами для

поднятия и связывания их на службу смертным, была расценена Боденом как содержащая доказательство того, что Виерус сам был колдуном; не одним из самых мудрых, конечно, поскольку он таким образом без необходимости предоставил в распоряжение любого, кто мог купить эту книгу, все секреты, которые составляли его запас торговли.

Во-вторых, мы можем заметить, что, судя по состоянию физической науки в тот период, когда Ван Гельмонт, Парацельс и другие начали проникать в ее недра, она была неизвестной, неясной и плохо определенной областью и не позволяла тем, кто трудился в ней, дать точный и точный отчет о своих открытиях, что прогресс рассуждений экспериментально и на основе анализа позволил поздним первооткрывателям сделать с успехом. Естественная магия - фраза, используемая для выражения тех явлений, которые могут быть произведены знанием свойств материи, - имела в себе так много несочетаемого и неопределенного, что искусство химии считалось мистическим, и преобладало мнение, что результаты, которые, как теперь известно, являются следствием законов материи, не могут быть прослежены через их различные комбинации даже теми, кто знает сами эффекты. Физическая наука, одним словом, была обременена множеством причудливых и неверных мнений, в основном мистического характера. Если, например, замечали, что флаг и папоротник никогда не растут рядом друг с другом, то это обстоятельство приписывали какой-то антипатии между этими овощами; в течение некоторого времени не было решено, что флаг питается на болотистой почве, в то время как папоротник любит глубокую сухую почву. Атрибутам гадательной палочки полностью доверяли, на открытие философского камня надеялись ежедневно, а электричество, магнетизм и другие удивительные и ошибочные явления приводили в качестве доказательства разумности своих ожиданий. Пока эти явления не были отслежены до их источников, им приписывались воображаемые и часто мистические причины, по той же причине, по которой в диких местах частично открытой страны, по словам сатирика,

"Географы на бездорожье
Размещают слонов за неимением городов".

Эта подмена мистических фантазий экспериментальными рассуждениями придавала в XVI и XVII веках сомнительный и сумеречный вид различным отраслям физической философии. Так, например, ученый и здравомыслящий доктор Вебстер, выступая с разоблачением предполагаемого колдовства, принимает за неоспоримые факты мнения, которые наш более опытный век отверг бы как легкомысленные фантазии: "Например, эффекты исцеления с помощью оружейной мази, симпатического порошка, лечение различных заболеваний с помощью страха, амулетов или трансплантации". Все эти несомненные чудеса он обвиняет в том, что век желает взвалить на спину дьявола - ненужный груз, конечно, поскольку таких вещей не существует, и поэтому напрасно пытаться их объяснить. Из этого следовало, что, хотя противники обычной теории могли бы нанести самые глубокие удары по гипотезе ведьм, взывая к здравому смыслу, им мешали философские статьи, которые, как они должны были чувствовать, содержали почти такие же глубокие сквозняки на человеческое легкоеверие, как и у демонологов, против доктрины которых они протестовали. Эта ошибка имела вдвойне плохой эффект, как унижая непосредственный отдел, в котором она произошла, так и обеспечивая защиту для лжи в других отраслях науки. Поборники, которые в своей области были вынуждены в силу несовершенства знаний того времени признавать многое мистическое и необъяснимое - те, кто вместе с Бэконом полагал, что бородавки можно вылечить сочувствием, кто вместе с Нэпиром считал, что скрытые сокровища можно обнаружить с помощью математики, кто лечил оружие, а не рану, и обнаруживал убийства, а

также источники воды с помощью гадательной удочки, - не могли последовательно использовать для опровержения веры в ведьм аргументы, основанные на невозможном или невероятном.

Таковы были препятствия, проистекающие из тщеславия философов и несовершенства их науки, которые приостанавливали силу их апелляции к разуму и здравому смыслу против осуждения несчастных на жестокую смерть за преступления, которые природа вещей делала в наше время совершенно невозможными. Мы не сомневаемся, что они сильно пострадали в этом поединке, который велся с большой злобой и недоброжелательностью; но доброе семя, которое они посеяли, осталось неповрежденным в почве, чтобы принести плоды, как только изменятся обстоятельства, которые вначале препятствовали его росту. В следующем письме я рассмотрю причины, которые помогли устранить эти препятствия, в дополнение к общему росту знаний и совершенствованию экспериментальной философии, о чем следует всегда помнить.

ПОСЛЕСЛОВИЕ VII.

Уголовные законы непопулярны, когда их жестко применяют - преследование ведьм передано в руки специальных комиссаров, *ad inquirendum* - преследование за колдовство не было частым явлением ни в древний период Римской империи, ни в средние века - некоторые случаи имели место, Однако некоторые случаи все же имели место - Орлеанская дева - герцогиня Глостерская - Обвинение Ричарда Третьего против родственников вдовствующей королевы - Но преследования колдунов стали более распространенными в конце XIV века - Обычно их объединяли с обвинением в ереси - Рассказ Монстреле о гонениях на вальденсов под предлогом колдовства - Свидетельство Флоримонда об увеличении числа ведьм в его собственное время - Бык папы Иннокентия VIII. - Различные преследования в иностранных государствах по этому суровому закону - Преследования в Лабурте инквизитором де Ланкром и его коллегой - Ликантропия - Ведьмы в Испании - В Швеции и особенно те, что были арестованы в Мохре.

Уголовные законы, как и законы Средневековья, направленные против колдовства, поначалу могут вызывать единодушное одобрение и одобрение, но когда наказания становятся частыми и неумолимо применяются, они вызывают отвращение и оскорбление, по крайней мере, у более здравомыслящей части общества. Не являются исключением и наказания за измену. Каждое здравомыслящее правительство сделает все возможное, чтобы сократить

тот меланхолический период террора, который, возможно, неизбежно следует за раскрытием заговора или поражением мятежа. Они не должны, ни с точки зрения гуманности, ни с точки зрения политики, ждать, пока голос народа не воззовет к ним, как Мекенас к Августу: "*Surge tandem carnifex!*".

В связи с этим примечательно, как часто в разных странах в определенный период их истории возникала эпидемия террора против ведьм, которая, поскольку страх всегда жесток и легковверен, заливала общество морями невинной крови; и как одинаково люди ненавидели эту кровь, проглотив ее, и по естественной для человеческого разума реакции желали, проявляя благоразумие, отменить или ограничить те законы, которые были источником резни, чтобы их потомство не имело ни желания, ни средств впасть в подобные эксцессы.

Краткий обзор зарубежных стран, прежде чем мы перейдем к рассмотрению Британских островов и их колоний, докажет истинность этого утверждения. В католических странах на континенте различные королевства с готовностью приняли ту часть гражданского законодательства, о которой уже упоминалось, где колдуны и ведьмы осуждаются как мятежники против Бога и авторы смуты в империи. Но поскольку они считались нечистыми в равной степени по каноническому и гражданскому праву, комиссии инквизиции были наделены особыми полномочиями изгонять из страны ведьм и тех, кто общался со знакомыми духами или в любом другом отношении попадал под запрет Церкви, а также еретиков, которые провозглашали или придерживались ложного учения. Время от времени таким инквизиторам выдавались специальные ордера, разрешавшие им посещать те провинции Германии, Франции или Италии, где какие-либо сообщения о ведьмах или колдовстве будоражили общественное мнение; И эти комиссары, гордясь оказанным им доверием, сочли нужным приложить максимум усилий, чтобы тонкостью допросов и жестокостью применяемых пыток вырвать правду у всех подозреваемых, пока не превратят провинцию, в которой они осуществляли свою юрисдикцию, в пустыню, из которой бегут жители. Было бы невозможно оценить масштабы этого заблуждения, если бы некоторые из инквизиторов сами не были свидетелями своих судебных подвигов: та же рука, что подписывала приговор, записывала его исполнение.

В более ранний период существования Римской церкви часто упоминается колдовство, и смертная казнь назначается тем, кто, как предполагалось, с помощью колдовства добивался смерти других людей или пытался с помощью ложных пророчеств или иным способом, под предлогом консультаций с духовным миром, внести новшества в государство. Но ни одно общее осуждение колдовства как союза с врагом человечества, дезертирства по отношению к Божеству и преступления *sui generis* не было принято до конца XVI века, когда папская система достигла своего наивысшего уровня могущества и коррупции. Влияние церковников в ранние времена было надежным, и они скорее старались, придумывая ложные чудеса, продлить слепое почитание народа, чем досаждают другим и утомляют себя тайными расследованиями сомнительных и мистических прегрешений, в которые, вероятно, высшие и более образованные представители духовенства верили так же мало, как и сейчас. Если оставался минеральный фонтан, почитаемый за исцеления, огромный дуб или почитаемая гора, красота которой вызывала традиционное уважение, отцы Римской церкви не желали отказываться от таких впечатляющих мест или представлять их исключительно как место встречи ведьм или злых духов. Напротив, передавая добродетели источника или красоту дерева под опеку какого-нибудь святого, они приобретали, как бы для защиты своего учения, пограничную крепость, которую отвоевывали у врага и которую, по крайней мере, не нужно было разрушать, если она могла быть удобно гарнизонирована и защищена. Таким образом,

церковь завладела многими прекрасными пейзажами, как мистер Уитфилд, говорят, уступил дьяволу монополию на все прекрасные мелодии.

Правда, эта политика не была единообразной. История знаменитой Жанны д'Арк, прозванной Орлеанской девой, хранит память о подобном обычае, который в этом случае был обращен во вред бедной женщине, соблюдавшей его.

Хорошо известно, что эта несчастная женщина попала в руки англичан после того, как своим мужеством и энтузиазмом, проявленными во многих важных случаях, оживила угасшее мужество французов и вселила в них надежду вновь освободить свою страну. Англичане считали ее колдуньей, французы - вдохновенной героиней, а мудрые люди с обеих сторон - ни тем, ни другим, а орудием, использованным знаменитым Дюнуа для исполнения той роли, которую он ей отводил. Герцог Бедфордский, когда злополучная Жанна попала в его руки, лишил ее жизни, чтобы заклеить ее память колдовством и уничтожить репутацию, которую она приобрела среди французов. Подлое повторение подобного обвинения против такого человека имело не большой успех, чем заслуживало, хотя Жанна была осуждена и парламентом Бордо, и Парижским университетом. Ее обвиняли в том, что она часто посещала древний дуб и фонтан под ним, называемый Судьбоносным или Сказочным дубом в Бурлемоне. Здесь она, как утверждалось, в часы богослужения танцевала, прыгала и делала жесты вокруг дерева и фонтана, развешивая на ветвях чашечки и гирлянды из цветов, собранных для этой цели, возрождая, без сомнения, устаревшее идолопоклонство, которое в древности совершалось на этом же месте в честь *Genius Loci*. Очарованный меч и благословенное знамя, которые она представляла как знаки своей небесной миссии, в этом враждебном обвинении против нее были названы заколдованными орудиями, созданными феями и дьяволами, которым она поклонялась, чтобы добиться своего временного успеха. Смерть невинной, высокодуховной и, возможно, доброжелательной энтузиастки была, к сожалению, не жертвой суеверного страха перед колдовством, а жестоким примером злой политики, смешанной с национальной ревностью и ненавистью.

Той же причине, примерно в тот же период, мы можем приписать суд над герцогиней Глостерской, женой доброго герцога Хамфри, обвиненной в том, что она консультировалась с ведьмами относительно способа приблизить смерть племянника ее мужа, Генриха VI. Герцогиня была приговорена к покаянию, а затем изгнана на остров Мэн, в то время как несколько ее сообщников умерли в тюрьме или были казнены. Но и в этом случае предполагаемое колдовство было лишь видимой причиной процедуры, которая на самом деле имела своим источником глубокую ненависть между герцогом Глостером и кардиналом Бофором, его сводным братом. Тот же предлог использовал Ричард III, когда выдвинул обвинение в колдовстве против вдовствующей королевы Джейн Шор и родственников королевы; и еще одно обвинение этот беспринципный принц направил против Мортон, впоследствии архиепископа Кентерберийского, и других приверженцев графа Ричмонда. Обвинение в обоих случаях было выбрано лишь как легко выдвигаемое, от которого трудно уклониться или отбиться.

Но между тем, поскольку обвинение в колдовстве давало тирании или политике готовые средства для нападения на людей, которых невозможно было бы уличить в каком-либо другом преступлении, сама клевета постепенно стала рассматриваться с нарастающим ужасом, как распространяющаяся все шире и становящаяся все более заразной. Уже в 1398 году Парижский университет, излагая правила судебного преследования ведьм, выражает сожаление, что это преступление становится все более частым, чем в любую другую эпоху. Более суровые расследования и частые наказания, с помощью которых судьи пытались остановить развитие этой нечестивой практики, по-видимому, усилили болезнь, так как,

действительно, всегда отмечалось, что те болезненные состояния ума, которые зависят от воображения, обязательно становятся более распространенными, если общественное внимание привлекается к историям, связанным с их проявлением.

В том же веке расколы, возникшие по разным причинам, сильно встревожили Римскую церковь. Всеобщий дух исследования, который сейчас витал в воздухе, принимая различное направление в разных странах, почти во всех из них возбуждал скептическое недовольство догмами церкви - такие взгляды становились более убедительными для бедных слоев населения из-за развращения нравов среди духовенства, слишком многие из которых из-за богатства и легкости пренебрегали тем курсом морали, который лучше всего рекомендует религиозную доктрину. Почти в каждом государстве Европы в многолюдных городах или в дикой глуши таились секты, которые сходились главным образом в своей враждебности к верховенству Рима и желании сбросить его господство. Вальденсы и альбигойцы были партиями, существовавшими в большом количестве на юге Франции. Романистам очень хотелось объединить учение еретиков с колдовством, которое, по их словам, было особенно распространено там, где протестанты были наиболее многочисленны; и, ожесточаясь, они не стеснялись бросать обвинение в колдовстве, как само собой разумеющееся, на тех, кто не соглашался с католическими нормами веры. Иезуит Дельрио называет несколько причин для родства, которое, по его мнению, существует между протестантом и колдуном; он обвиняет первого в том, что тот придерживается мнения Виеруса и других защитников дьявола (так он называет всех, кто противостоит его собственному мнению относительно колдовства), укрепляя таким образом царство Сатаны против царства Церкви.⁴⁷

Примечание--->

47 (обратно)

[Delrio, "De Magia". См. предисловие.]

Примечательный отрывок из "Монстреле" ясно показывает, к чему стремились католики, смешивая таким образом доктрины ереси и колдовства, и как хитроумно можно было отождествить собрание непримиримых протестантов с шабашем ведьм и извергов.

"В этом году (1459) в городе Аррас и графстве Артуа по ужасной и меланхоличной случайности возникло мнение, названное, не знаю почему, Религией Водуазии. Эта секта состояла, как говорят, из некоторых лиц, мужчин и женщин, которые под покровом ночи, по наущению дьявола, удалялись в какое-нибудь уединенное место, среди лесов и пустынь, где дьявол предстал перед ними в человеческом облике, за исключением того, что его лицо никогда не было им совершенно видно, читал собравшимся книгу своих предписаний, сообщая им, как ему следует повиноваться; раздал немного денег и обильную трапезу, которая завершилась сценой всеобщего распутства; после чего каждый из собравшихся был доставлен домой в свое жилище.

"По обвинению в причастности к подобным актам безумия, - продолжает Монстреле, - несколько уважаемых людей из города Аррас были схвачены и заключены в тюрьму вместе с несколькими глупыми женщинами и малозначительными лицами. Их подвергли столь ужасным пыткам, что некоторые из них признали истинность всех обвинений и, кроме того,

заявили, что видели и узнали в ночном собрании многих высокопоставленных лиц, прелатов, сеньоров и губернаторов графств и городов - имена, которые предлагали экзаменаторы допрашиваемым, а те под пытками заставляли их выдавать тех, кому они принадлежали. Несколько человек из тех, на кого донесли, были арестованы, брошены в тюрьму и подвергались пыткам так долго, что и они были вынуждены признаться в том, в чем их обвиняли. После этого тех, кто был в плохом состоянии, казнили и бесчеловечно сожгли, а более богатые и влиятельные из обвиняемых выкупили себя денежными суммами, чтобы избежать наказания и сопутствующего ему позора. Многие из них даже признались в содеянном, так как их уговорили дознаватели, обещавшие им возмещение за жизнь и состояние. Были, правда, и такие, кто с удивительным терпением и постоянством переносил причиняемые им муки и не признавался ни в чем, что вменялось им в вину; но и им пришлось отдать большие суммы судьям, которые потребовали, чтобы те из них, кто, несмотря на неправильное обращение, еще мог двигаться, изгнали себя из этой части страны". Монстреле завершает это шокирующее повествование, сообщая нам, "что не следует скрывать, что все обвинения были уловкой злых людей для их собственных корыстных целей и для того, чтобы с помощью этих ложных обвинений и вынужденных признаний уничтожить жизнь, славу и состояние богатых людей".

Дельрио сам признает, что Франциск Балдуин рассказывает о мнимом наказании, но реальном преследовании этих вальденсов в тех же выражениях, что и Монстреле, чьи подозрения ясно выражены, и добавляет, что Парижский парламент, рассмотрев дело в апелляционном порядке, объявил приговор незаконным, а судей - несправедливыми, постановлением от 20 мая 1491 года. Иезуит Дельрио цитирует этот отрывок, но с неохотой соглашается с истинностью обвинения. "Вальденсы (разновидностью которых являются альбигойцы), - говорит он, - никогда не были свободны от самого жалкого избытка очарования"; и, наконец, хотя он допускает, что поведение судей было самым одиозным, он не может заставить себя оправдать стороны, обвиненные столь заинтересованными обвинителями в ужасах, которые вряд ли могли быть доказаны даже при самых ясных доказательствах. В этой связи он обращается к работе Флоримонда "Антихрист". Вступление к этой работе заслуживает того, чтобы его процитировать, поскольку оно ярко иллюстрирует состояние, в котором оказалась страна, и рассчитано на то, чтобы произвести впечатление, обратное тому, которого желал бы писатель: - "Все те, кто предоставил нам свои услуги, - говорит Флоримонд.

"Все, кто сообщил нам о некоторых признаках приближения Антихриста, согласны с тем, что рост колдовства и чародейства должен отличать меланхолический период его прихода; и был ли когда-либо век, столь страдающий от них, как наш? Места, предназначенные для преступников в наших судилищах, чернеют от лиц, обвиняемых в этой вине. Не хватает судей, чтобы судить их. Наши темницы переполнены ими. Не проходит и дня, чтобы мы не сделали наши трибуналы кровавыми своими приговорами, которые мы произносим, или чтобы мы не возвращались в свои дома удрученные и напуганные ужасным содержанием признаний, которые мы обязаны были выслушать. И дьявол считается настолько хорошим хозяином, что мы не можем предать огню столь большое число его рабов, но из их пепла должно возникнуть число, достаточное для того, чтобы занять их место"⁴⁸.

Примечание-->

48 (обратно)

[Флоримонд, "Об антихристе", кап. 7, п. 5, цитируется по Delrio, "De Magia", p. 820].

Это последнее утверждение, из которого следует, что инквизиция была самой активной и неумолимой, соответствует историческим свидетельствам о неоднократных преследованиях по этому страшному обвинению в колдовстве. Булла папы Иннокентия VIII зазвонила в набат против этого грозного преступления, в самых мрачных красках изложив его вину и побудив инквизиторов к неукоснительному исполнению своего долга по поиску и наказанию виновных. "До нас дошли слухи, - говорится в булле, - что многие представители обоих полов не избегают общения с адскими извергами и что своими чарами они причиняют страдания людям и зверям; что они омрачают брачное ложе, уничтожают роды женщин и приплод скота; они уничтожают кукурузу на земле, виноград в винограднике, плоды деревьев, траву и травы в поле". По этой причине инквизиторы были вооружены апостольской властью и призваны "осуждать, заключать и наказывать" и так далее.

Страшными были последствия этой буллы на всем континенте, особенно в Италии, Германии и [Франции](#)⁴⁹. В 1485 году Куманус сжег как ведьм сорок одну бедную женщину в течение одного года в графстве Бурлия. В последующие годы он продолжал преследование с таким неослабевающим рвением, что многие бежали из страны.

Примечание-->

49 (обратно)

[Доктор Хатчинсон цитирует "H. Institor", 105, 161].

Альциат утверждает, что один инквизитор примерно в тот же период сжег сотню колдунов в Пьемонте и упорствовал в своих расследованиях, пока терпение людей не истощилось, а народ не поднялся и не изгнал его из страны, после чего юрисдикция была передана архиепископу. Этот прелат посоветовался с самим Альциатом, который как раз в то время получил степень доктора гражданского права, которой он впоследствии удостоился. На суд было вынесено несколько несчастных, которые, по мнению гражданского, больше подходили для курса хеллеборы, чем для костра. Одних обвиняли в том, что они обесчестили распятие и отреклись от своего спасения; других - в том, что, несмотря на засовы и решетки, сбежали, чтобы соблюдать дьявольский шабаш; третьих - в том, что просто присоединились к хороводам вокруг ведьминого дерева. Несколько их мужей и родственников клялись, что во время этих притворных экскурсий они лежали в постели и спали. Альциат рекомендовал мягкие и умеренные меры, и в конце концов умы жителей страны успокоились.⁵⁰

Примечание...

50 (возвращение)

[Альциат. "Parerg. Juris", lib. viii. chap. 22].

В 1488 году страна на четыре лиги вокруг Констанца была опустошена молнией и бурей, и две женщины, которых честными или нечестными способами заставили признать себя виновными в опустошении, приняли смерть.

Около 1515 года в Женеве было казнено 500 человек под именем "протестантских ведьм", из которых, как мы можем предположить, многие пострадали за ересь. Сорок восемь ведьм были сожжены в Равенсбурге в течение четырех лет, как сообщает Хатчисон со слов Менго, автора "Malleus Malleficarum". В Лотарингии ученый инквизитор Ремигиус хвастается, что за пятнадцать лет он предал смерти 900 человек. Столько же было изгнано из этой страны, так что целые города были на грани опустошения. В 1524 году в Комо, в Италии, за один год было предано смерти 1000 человек, и еще около 100 человек каждый год в течение нескольких лет.⁵¹

Примечание-->

51 (возвращение)

[Bart. de Spina, de Strigilibus].

В начале следующего века преследование ведьм вспыхнуло во Франции с немыслимой яростью, и среди этого веселого и жизнерадостного народа было сожжено множество людей. Некоторое представление о крайнем предубеждении судей можно получить из слов одного из самих инквизиторов. Пьер де Ланкр, королевский советник в парламенте Бурдо, вместе с президентом Эспаньелем входил в комиссию по расследованию некоторых актов колдовства, совершенных, как сообщалось, в Лабурте и его окрестностях, у подножия Пиренеев, около мая месяца 1619 года. Несколько выдержек из предисловия лучше всего покажут, в каком состоянии духа он приступил к выполнению своего поручения.

Его рассказ принимает форму повествования о прямой войне между сатаной с одной стороны и королевскими комиссарами с другой, "потому что, - говорит советник де Ланкр с самодовольством, - ничто так не способно навести ужас на дьявола и его владения, как комиссия с такими полномочиями".

Поначалу сатана старался снабдить своих вассалов, представавших перед судьями, силой, чтобы они могли выдержать экзамен, так что если в перерывах между пытками несчастные впадали в дремоту, то, когда их возвращали от нее к вопросу, они заявляли, что в этом глубоком оцепенении "было что-то от рая, поскольку оно было позолочено, - говорил судья, - непосредственным присутствием дьявола";", хотя, по всей вероятности, он скорее черпал свое очарование из естественного сравнения между бесчувственностью изнеможения и предшествующей агонией острой пытки. Судьи позаботились о том, чтобы изверг редко получал какие-либо преимущества в этом деле, отказывая своим жертвам в большинстве случаев в отдыхе или сне. Тогда сатана, прямо бросая вызов, открыто и силой затыкал обвиняемым рот, вставляя им в горло нечто вроде видимого препятствия. Несмотря на это, чтобы устыдить дьявола, некоторые из обвиняемых нашли в себе силы, несмотря на него, признаться и быть повешенными или, скорее, сожженными. Своей неудачей в этом деле

изверг потерял много репутации. До прибытия грозных комиссаров он устраивал свои *судилища* перед воротами Бурдо и на площади дворца Галиенн, а теперь его публично оскорбляли собственные вассалы, и в разгар его праздника субботы дети и родственники ведьм, которые пострадали, не стесняясь, говорили ему: "Вон от тебя! Ты обещал, что наши матери, которые были в плену, не умрут; и посмотри, как ты сдержал свое слово с нами! Их сожгли, и они превратились в кучу пепла". Чтобы утихомирить этот мятеж, Сатана пошел на две уловки. Он разводил иллюзорные костры и побуждал мятежников пройти через них, уверяя их, что судебные кучи так же холодны и безвредны, как и те, которые он им показывал. И снова, укрывшись во лжи, отцом которой он, как известно, является, он упорно утверждал, что их родители, которые, как ему казалось, страдали, находятся в безопасности в чужой стране и что если их дети воззовут к ним, то получат ответ. Они воззвали к нему, и Сатана ответил каждому из них тоном, напоминающим голос оплакиваемого родителя, почти так же успешно, как это мог бы сделать месье Александр.

Перейдя к еще более близкой атаке, комиссары в канун одного из шабашей дьявола установили виселицу, на которой казнили свои жертвы, как раз на том месте, где обычно находилось позолоченное кресло сатаны. Дьявол был очень обижен таким оскорблением, но у него было так мало власти в этом деле, что он мог выразить свое негодование только угрозами, что повесит месье д'Амона и д'Уртуббе, господ, которые подговаривали и способствовали изданию комиссии, а также сожжет самих комиссаров на их собственном огне. С сожалением приходится констатировать, что Сатана не смог выполнить ни одну из этих похвальных резолюций. Устыдившись своих оправданий, он на три или четыре заседания отказался от посещения субботних заседаний, послав в качестве своего представителя человека, имеющего подчиненное положение, к которому никто не испытывал доверия. Когда же он вновь набрался смелости и предстал перед своим парламентом, архидьявол прикрыл свое отступничество, заверив их, что у него была тяжба с Божеством, которую он выиграл с большими издержками, и что шесть десятков младенцев должны быть отданы ему в качестве возмещения ущерба, а ведьмам было приказано найти такие жертвы. После этой грандиозной выдумки он ограничился мелкой местью, препятствуя доступу исповедников к осужденным, что было тем легче, что лишь немногие из них говорили на баскском языке. У меня нет времени подробно описывать гениальный метод, с помощью которого ученый советник де Ланкр объясняет, почему район Лабурат должен быть особенно подвержен вредительству колдовства. Главная причина, по-видимому, заключается в том, что это горная, бесплодная и пограничная страна, где все мужчины - рыбаки, а женщины курят табак и носят короткие юбки.

Человеку, который в таком самонадеянном, легкомысленном и тщеславном духе написал томик формата кварто, полный величайших нелепостей и грубейших непристойностей, когда-либо запечатленных на бумаге, самому христианскому монарху было угодно передать самую абсолютную власть, какую только можно было применить к этим бедным людям; и он мог бы с таким же благоразумием обратить хищного волка на беззащитное стадо, для которого этот зверь был естественным врагом, а они - его естественной добычей. Священник, равно как и невежественный крестьянин, попал под подозрение этой падшей комиссии; и де Ланкр с большим самодовольством пишет, что обвиняемые были привлечены к суду в количестве сорока человек за один день - каков был шанс спастись, когда судьи были ослеплены предрассудками и могли слушать доказательства и защиту только через переводчика, читатель может легко предугадать.

Среди прочих грубых нарушений самых обычных правил можно отметить, что обвиняемые в том, что их судьи называли признаниями, на каждом шагу противоречили друг другу в

отношении описания Домданиэля, в котором они якобы собрались, и изверга, который там председательствовал. Все говорили о каком-то позолоченном троне; но некоторые видели на нем отвратительного дикого козла; некоторые - человека, изуродованного и скрюченного, как будто подвергающегося пыткам; некоторые, с лучшим вкусом, видели огромную неясную форму, похожую на один из изуродованных стволов деревьев, найденных в древних лесах. Но де Ланкр не был "Даниилом, пришедшим на суд", и расхождение в показаниях, которое спасло жизнь и славу Сюзанны, не произвело никакого впечатления в пользу колдунов из Лабурта.

В книге де Ланкре встречаются случаи суда и осуждения лиц, обвиненных в *ликантропии* - суеверии, которое было распространено главным образом во Франции, но было известно и в других странах и стало предметом больших споров между Виером, Науде, Скотом, с одной стороны, и их демонологическими противниками - с другой. По словам представителей одной стороны, идея заключалась в том, что человек обладал способностью с помощью колдовства превращаться в волка, и в этом качестве, охваченный яростью, он бросался на стада и устраивал в них хаос, убивая и уничтожая, подобно животному, которое он представлял, гораздо больше, чем мог поглотить. Более недоверчивые рассуждатели не допускали реального превращения, будь то с зачарованной шкурой волка или без нее, которая в некоторых случаях должна была помочь метаморфозе, и утверждали, что ликантропия существует только как странный вид болезни, меланхоличное состояние духа, сменяющееся периодическими приступами безумия, когда пациент воображает, что совершил те злодеяния, в которых его обвиняли. В Безансоне судили одного человека, совсем юного, который выдал себя за слугу, или старшину, господина леса - так он называл своего начальника, - который был признан дьяволом. Силой своего хозяина он превращался в подобие волка и выполнял его обычные функции, а в его действиях участвовал один более крупный волк, которого он считал самым Хозяином леса. Эти волки, по его словам, разоряли стада и убивали собак, которые вставали на их защиту. Если один из них не видел другого, он завывал, по примеру животного, чтобы позвать товарища к своей доле добычи; если же он не приходил на этот сигнал, то начинал хоронить его наилучшим способом.

Таково было всеобщее преследование при месье Эспианеле и де Ланкре. Много подобных сцен происходило во Франции, пока эдикт Людовика XIV не отменил все будущие преследования за колдовство, после чего о самом преступлении больше не было [слышно](#)⁵².

Примечание...

52 (возвращение)

[Читатель может ознакомиться с подобными дикими ужасами в книге "*Селебрити*".]

Пока дух суеверия творил такие ужасы во Франции, он, надо полагать, не был более праздным и в других странах Европы. В Испании, особенно в Испании, где долгое время жили мавры, народ, глубоко веривший во все дневные грезы о колдовстве, добрых и злых джинах, заклинаниях и талисманах, пылкий и набожный нрав старых христиан диктовал суровое преследование колдунов, а также еретиков и отступивших от веры иудеев или магометан. В прежние времена, во время существования мавританских королевств в Испании, в Тобосо была открыта школа для изучения, как говорят, магии, но скорее химии,

алгебры и других наук, которые, совершенно ошибочно воспринимаемые невежественными и вульгарными людьми и плохо понимаемые даже теми, кто их изучал, должны были быть связаны с некромантией или, по крайней мере, с природной магией. Разумеется, очистить все, что осталось от подозрительного католицизма, было делом инквизиции, и ее труды стоили столько же крови по обвинению в колдовстве и магии, сколько по обвинению в ереси и рецидиве.

Даже более холодные народы Европы были подвержены такому же эпидемическому террору в отношении колдовства, и пример этого был продемонстрирован в трезвой и рациональной стране Швеции в середине прошлого века, рассказ о котором, переведенный на английский язык уважаемым священником, доктором Хорнеком, вызвал всеобщее удивление тем, что целый народ может быть доведен до такой степени, что проливает много крови и совершает огромные жестокости и несправедливости из-за пустой лжи, распространяемой командой лживых детей, которые в данном случае были и актерами, и свидетелями.

Печальная истина о том, что "сердце человеческое коварно более всего и отчаянно лукаво", ничем не подтверждается с такой силой, как несовершенным пониманием детьми святости нравственной истины. И джентльмены, и народная масса с возрастом учатся презирать и избегать лжи; первые - из гордости и из оставшегося со времен рыцарства чувства, что характер лжеца - смертельное пятно на их чести; другие - из общих размышлений о необходимости сохранения честного характера в течение жизни и из чувства истинности распространенной пословицы, что "честность - лучшая политика". Но это приобретенные привычки мышления. Ребенок не имеет естественной любви к правде, и в этом убеждаются все, кто хоть немного знаком с ранней юностью. Если их обвиняют в каком-то проступке, когда они еще не умеют говорить, то первые слова, которые они заикаются, - это ложь в свое оправдание. И это еще не все: соблазн привлечь к себе внимание, удовольствие от важности, желание сбежать от неприятной задачи или совершить праздник в любой момент преодолеют чувство правды, настолько оно слабо в них. Поэтому воры и домушники с удивительно раннего возраста находят способы сделать детей полезными в своих тайнах; нередко такие аколиты уклоняются от правосудия с меньшей ловкостью, чем более продвинутые мошенники. Когда несколько из них участвуют в одном и том же преступлении, в верности, с которой сохраняется общая тайна, есть нечто, напоминающее добродетель. Детей, не достигших возраста, когда они обычно допускаются к даче показаний, обязательно часто допрашивали на процессах над ведьмами; и страшно представить, как часто маленькие самозванцы, по злобе или из простого веселья духа, своим искусством и настойчивостью лишали людей жизни. Но трудно найти дело, которое, подкрепленное исключительно свидетельствами детей (за исключением признаний под пытками) и, очевидно, существовавшее только в воображении юных свидетелей, имело бы столь серьезные последствия или послужило причиной столь обширного и фатального заблуждения, как то, что произошло в Швеции.

Местом действия стала шведская деревня Мохра в провинции Эльфландия, название которой, вероятно, произошло от какого-то остатка древнего суеверия. Заблуждение достигло большого размаха, прежде чем дошло до ушей правительства, когда, как это было принято, были посланы королевские комиссары, люди, хорошо приспособленные для выполнения возложенной на них обязанности, то есть с ушами, открытыми для восприятия невероятностей, которыми их должны были завалить, и сердцами, ожесточенными против любой степени сострадания к обвиняемым. Жалобы простого народа, поддержанные некоторыми людьми более высокого положения, сводились к тому, что несколько человек,

известных как ведьмы, привлекли под власть дьявола несколько сотен детей всех сословий. Поэтому они требовали наказать этих агентов ада, напоминая судьям, что провинция была чиста от ведьм после сожжения некоторых из них в прошлом. Обвиняемых было много: триста десять ведьм и колдунов были схвачены в деревне Мохра; триста двадцать признались в своих преступлениях и были отправлены в Фалуну, где большинство из них было казнено. Пятнадцать детей также были преданы смерти. Шесть и тридцать из тех, кто был молод, были вынуждены бежать, что называется, в перчатках, и, кроме того, в течение целого года их еженедельно били плетью у дверей церкви. Двадцать самых молодых были приговорены к такому же наказанию всего на три дня.

Судя по всему, процесс заключался в том, что детей сталкивали с ведьмами и выслушивали необычную историю, которую те настойчиво рассказывали. Дети, в количестве трехсот человек, были признаны более или менее совершенными в сказке, полной невозможных нелепостей, которую когда-либо рассказывали у костра в детской. Их признания сводились к следующему:.

Ведьмы научили их пойти на крестный путь и с определенными церемониями вызвать дьявола по имени Антецессор, умоляя его перенести их в Блокулу, что означает, вероятно, Брокенберг в Гарцском лесу, гору, печально известную тем, что на ней часто собираются ведьмы, и куда Гете представляет дух Мефистофеля, ведущего своего ученика Фаустуса. Дьявол учтиво являлся на зов детей в разных обликах, но главным образом в виде безумного Мерри-Эндрю, в сером плаще, красных и синих чулках, с рыжей бородой, в шапке с высоким венцом, вокруг которой было намотано белье разных цветов, и с подвязками особой длины. Каждого ребенка он сажал на какого-нибудь зверя из своих запасов и помазывал их неким средством, состоящим из обрезков алтарей и опилок церковных часов". Здесь есть расхождение в показаниях, которое в другом суде поставило бы крест на всем деле. Большинство детей считали свое путешествие телесным и реальным. Некоторые, однако, полагали, что их сила или дух путешествовали только с извергом, а тело оставалось позади. Очень немногие приняли эту гипотезу, хотя родители единодушно свидетельствовали, что тела детей оставались в постели, и их невозможно было пробудить от глубокого сна, хотя они трясли их, чтобы разбудить. Тем не менее, вера кормилиц и матерей в реальное перемещение детей была настолько сильна, что один благоразумный священнослужитель, упомянутый в предисловии, который решил, что будет наблюдать за своим сыном всю ночь и увидит, какая карга или изверг возьмет его из его рук, с огромным трудом смог убедить свою мать, что ребенок не был перенесен в Блокулу в ту самую ночь, когда он держал его в своих объятиях.

Ученый переводчик откровенно допускает, что "из столь великого множества обвиненных, осужденных и казненных, возможно, есть те, кто пострадал несправедливо и обязан своей смертью скорее злой воле врагов, чем мастерству в черном искусстве, я с готовностью это признаю. Не стану также отрицать, - продолжает он, - что, когда весть об этих сделках и рассказах о том, как околдованные дети впадают в припадки и принимают странные необычные позы, распространилась по королевству, некоторые боязливые и легковверные люди, увидев своих детей в каком-либо расстройстве, могли подумать, что они околдованы или готовы быть унесенными импами".⁵³ Здесь ученый джентльмен останавливается в рассуждениях, которые, если бы их продолжили, лишили бы мир пользы от его перевода. Ибо если возможно, что некоторые из этих несчастных пали жертвой злобы соседей или предрассудков свидетелей, как он, кажется, готов допустить, то не разумнее ли верить, что все обвиняемые были осуждены на подобных основаниях, чем допустить, как истину, хоть

малую часть грубых и вульгарных невозможностей, на основании которых только и можно оправдать их казнь?

Примечание-->

53 (возвращение)

[Предисловие переводчика к "Рассказу о том, что произошло в Шведском королевстве" Хорнека. См. приложение к работе Гланвиля].

Блокула, которая была целью их путешествия, представляла собой дом с прекрасными воротами, расписанными разными красками, с загоном, в котором паслись звери, приведшие их на такие сцены веселья. Если же нанимались люди, то их оставляли дремать у стены дома. План дьявольского дворца состоял из одного большого пиршественного зала и нескольких комнат для уединения. Их пища была достаточно домашней: бульон из колючек и бекона, хлеб и масло, молоко и сыр. В Блокуле совершались те же злодеяния и распутство, которые, как принято считать, происходят в дьявольскую субботу в других местах; кроме того, ведьмы имели сыновей и дочерей от извергов, которые сочетались браком и производили на свет потомство жаб и змей.

Когда эти признания были предъявлены обвиняемым ведьмам, они сначала упорно отрицали их. Наконец некоторые из них разрыдались и согласились с ужасами, вменяемыми им в вину. Они сказали, что практика похищения детей была расширена совсем недавно (что свидетельствует о том, что все слухи возникли недавно); и отчаявшиеся несчастные подтвердили слова детей, приведя множество других экстравагантных обстоятельств, например способ удлинения спины козы с помощью вертела, о котором мы не будем подробно рассказывать. Стоит упомянуть, что дьявол, желая поддержать свою репутацию среди подданных, однажды притворился мертвым, и его долго оплакивали в Блокуле, но вскоре он снова ожил.

Некоторые попытки этих колдунов причинить вред отдельным людям на Средней Земле были, но без особого успеха. Одна старая колдунья, правда, попыталась вбить в голову министра Эльфландии гвоздь, подаренный ей для этой цели дьяволом; но поскольку череп был необычайно тверд, преподобный господин почувствовал лишь головную боль от ее усилий. Их не смогли убедить показать комиссарам ни одного из своих фокусов, оправдываясь тем, что колдовство их покинуло, а дьявол забавлял их видением горячей ямы, из которой высывалась рука.

Общее число погибших по этому необычному случаю составило четыреста четыре человека, включая пятнадцать детей; и за счет этой крови было потушено пламя, которое возникло так же внезапно, горело так же яростно и угасало так же быстро, как и любое подобное предзнаменование в анналах суеверий. Комиссары вернулись в суд с высоким одобрением всех заинтересованных сторон; в церквях еженедельно возносились молитвы о том, чтобы Небесам было угодно обуздать силы дьявола и избавить несчастных существ, которые до сих пор стонали под ним, а также невинных детей, которых уносили сразу сотнями.

Если мы когда-нибудь узнаем истинное объяснение этой истории, то, вероятно, обнаружим, что крик был вызван каким-то умным озорным мальчиком, который хотел извиниться перед

своими родителями за то, что утром пролежал на час дольше, утверждая, что предыдущей ночью он был в Блокуле; Желание отличиться, как и его товарищ, побудило более смелых и резких товарищей к подобной неправде, а те, кто был послабее, согласились либо из страха перед наказанием, либо из-за того, что ночью им снились ужасы, которые весь день вдалбливали им в уши. Те, кто был бесхитростен, как это называлось, в своих признаниях, получали похвалу и поощрение; а те, кто отрицал или молчал, и, как считалось, был нераскаянным, несли более тяжкую долю наказания, которое было адресовано всем. Стоит также отметить, что более умные дети начали улучшать свои свидетельства и добавлять штрихи к общей картине Блокулы. "Некоторые из детей много говорили о белом ангеле, который запрещал им то, что дьявол заставлял их делать, и говорил, что эти дела не должны продолжаться долго. И (добавляли они) это лучшее существо иногда ставило себя у двери между ведьмами и детьми, и когда они приходили к Блокуле, он оттаскивал детей назад, а ведьмы входили".

Это дополнительное свидетельство говорит само за себя и показывает, что вся сказка - выдумка детского воображения, которую некоторые из них захотели усовершенствовать. Читатель может ознакомиться с "Рассказом о том, что произошло в королевстве Швеция в 1669 и 1670 годах и после этого было переведено с голландского на английский доктором Антонием Хорнеком", приложенным к "Sadducismus Triumphatus" Гланвилла. Переводчик ссылается на свидетельства барона Спарра, посла шведского двора при дворе Англии в 1672 году, и барона Лионберга, чрезвычайного посланника той же державы, оба из которых подтверждают признание и казнь ведьм. Сам король Швеции ответил на прямой запрос герцога Голштинского с заметной сдержанностью. "Его судьи и комиссары, - сказал он, - приказали сжечь и казнить мужчин, женщин и детей на основании тех беременных улик, которые были им представлены. Но были ли признанные и доказанные против них деяния реальными или только следствием сильного воображения, он пока не мог определить" - достаточная причина, по которой наказание должно было быть хотя бы отсрочено вмешательством королевской власти.

Теперь мы должны обратиться к Британии, где наши знания о подобных событиях неизбежно более обширны и где они в значительной степени более интересны для нашей цели.

ПИСЬМО VIII.

Последствия суеверия о ведьмах можно проследить в законах королевства - обычно наказывалось в Англии как преступление, связанное с политикой - попытка убийства за колдовство сама по себе не является капиталом - судебные процессы над высокопоставленными лицами за колдовство, связанные с государственными

преступлениями - статуты Генриха VIII - как колдовство рассматривалось тремя ведущими религиозными сектами в XVI веке: во-первых, католиками, во-вторых, кальвинистами; в-третьих, Англиканской церковью и лютеранами - импосты, которые невольно поддерживали отдельные католические священники, а также некоторые пуританские священнослужители - Статут 1562 года и некоторые дела по нему - Дело Дагдейла - Дело ведьм из Уорбуа, и казнь семьи Сэмюэля - Дело Джейн Уэнхем, в котором некоторые священнослужители Англиканской церкви настаивали на судебном преследовании - Упрек Хатчисона в их адрес - Мнение Якова Первого о колдовстве - Его знаменитый Статут, 1 Яс. I.- Канон, принятый Собором против одержимости- Случай с детьми мистера Фэрфакса- Ланкаширские ведьмы в 1613 году- Еще одно открытие в 1634 году- Рассказ Уэбстера о том, как управлялось самозванство- Превосходство кальвинистов сопровождается жестоким преследованием ведьм- Казни в Саффолке и т.д. до ужаса- Хопкинс, претендующий на роль охотника за ведьмами, причина этих жестокостей- Его жестокая практика- Его письмо- Казнь мистера Лоуиса- Наказание Хопкинса. Лоуис - Хопкинс наказан - восстановление Чарльза - суд над Коксом - Данни и Каллендер перед лордом Хейлсом - королевское общество и прогресс знаний - ведьмы Сомерсетшира - мнения населения - женщина плавает из-за колдовства в Оукли - убийство в Тринге - акт против колдовства отменен, и вера в преступление забывается - Судебные процессы над ведьмами в Новой Англии - Суд над мадам Гловер - Аффект парвизов и пугающее увеличение числа судебных преследований - Внезапное прекращение - Покаяние тех, кто в них участвовал.

Наше представление о демонологии в Англии, как и в любой другой стране, естественно, должно зависеть главным образом от тех случаев, которые история содержит о законах и преследованиях против колдовства. Другие суеверия возникали и угасали, их боялись или презирали, но в тех провинциях, где они имели временное хождение, они не вызывали большего смущения, чем то, что трусы и дети реже выходят на улицу по ночам, в то время как сообщения о призраках и феях имеют особую актуальность. Но когда поднимается тревога по поводу колдовства, суеверие окунает руку в кровь обвиняемых и записывает в анналы юриспруденции их судебные процессы и причины, приведенные в оправдание их казни. Что касается других фантастических обвинений, то их доказательства неизбежно носят преходящий и сомнительный характер, зависящий от неточных свидетельств смутных сообщений и дотошных традиций. Но в делах о колдовстве мы имеем перед собой записанные свидетельства, на основании которых действовали судья и присяжные, и можем с определенной степенью уверенности составить мнение об основаниях, реальных или причудливых, на которых они оправдывали или осуждали. Таким образом, именно проследивая эту часть демонологии с сопутствующими обстоятельствами, мы имеем наилучший шанс получить точное представление о нашем предмете.

Существование колдовства, несомненно, принималось и признавалось в Англии, как и в странах на континенте, и первоначально наказывалось соответствующим образом. Но после XIV века практики, подпадающие под это описание, считались недостойными какого-либо особого осуждения, если только они не были связаны с чем-то, что само по себе было бы смертным преступлением, какими бы средствами оно ни было предпринято или осуществлено. Так, предполагаемая связь между ведьмой и демоном, возможно, сама по себе считалась достаточно страшной, чтобы не стать обычным преступлением, и поэтому не подлежала никакому наказанию по закону. Но попытка причинения телесных повреждений другим людям с помощью злых духов, или, одним словом, с помощью черного искусства, преследовалась по общему праву в той же мере, как если бы обвиняемый причинил тот же вред стрелой или пистолетным выстрелом. Уничтожение или изъятие товаров с помощью

подобных инструментов, если предположить, что обвинение доказано, также подлежало бы наказанию. *A fortiori*, обращение к прорицателям, знакомым духам и т. п., а также получение и распространение притворных предсказаний, направленных на расстройство государства и угрозу титулу короля, является еще более высокой степенью вины. И можно заметить, что выяснение даты жизни короля имеет близкое родство с желанием или подстрекательством к смерти государя, что является сутью государственной измены. По таким обвинениям в английских судах проводились неоднократные процессы, и приговоры выносились, несомненно, с достаточной справедливостью, когда связь между обращением к колдунам и замыслом совершить преступление могла быть четко доказана. Мы, правда, не склонны идти на поводу у столь высокого авторитета, как Селден, который в своей "Застольной беседе" утверждает, что если человек искренне верит, что может лишить жизни другого, трижды взмахнув шляпой и воскликнув "Базз!", и должен, руководствуясь этим твердым мнением, взмахнуть шляпой и воскликнуть "Базз!", то его следует казнить как убийцу. Но ложное предсказание о смерти короля не должно рассматриваться в точности по обычному принципу; потому что, как бы ни было бездейственно само по себе, обнародование такого предсказания имеет в такие времена, о которых мы говорим, сильную тенденцию к своему завершению.

Многие люди, и некоторые из них очень известные, пострадали за обвинение в торговле с ведьмами, к несчастью для власть имущих. Мы уже упоминали случай с герцогиней Глостерской в правление Генриха Шестого, а также с родственниками вдовствующей королевы во время протектората Ричарда, впоследствии Третьего. В 1521 году был обезглавлен герцог Бекингам, во многом благодаря тому, что он прислушался к предсказаниям некоего монаха Хопкинса. В то же царствование дева Кентская, которую считали пророчицей, была предана смерти как мошенница. Она пострадала вместе с семью людьми, которые устраивали ей припадки для поддержки католической религии, и на эшафоте призналась в своем обмане. Примерно через семь лет после этого был обезглавлен лорд Хангерфорд за то, что консультировался с некоторыми прорицателями относительно продолжительности жизни Генриха Восьмого. Но эти случаи скорее относятся к цели, ради которой применялось колдовство, чем к самому факту его использования.

В 1541 году были приняты два замечательных закона: один - против ложных пророчеств, другой - против колдовства, чародейства и колдовства, и в то же время против ломания и разрушения крестов. Первое постановление, несомненно, было принято для того, чтобы успокоить подозрительные и своенравные страхи вспыльчивого короля Генриха. Запрет на колдовство мог быть также продиктован ревнивыми сомнениями короля в опасности для престолонаследия. Постановление о запрете ломать кресты, очевидно, было призвано сдержать натиск реформаторов, которые в Англии, как и в других странах, желали смести папство с помощью разрушительного меча. Этот последний закон был отменен в первый год правления Эдуарда VI, возможно, как излишне сдерживающий рвение добрых протестантов против идолопоклонства.

Наконец, в 1562 году был принят официальный закон против колдовства как такового; но поскольку наказание за первое нарушение было ограничено столбом, законодатель, вероятно, рассматривал тех, кто мог быть привлечен к суду, как самозванцев, а не волшебников. Известны случаи, когда людей судили и осуждали как самозванцев и обманщиков, и они признавали себя таковыми перед судом и народом; но в своих статьях о посещении прелаты предписывали проводить расследование в отношении тех, кто использует чары, колдовство, чародейство или любое подобное ремесло, *придуманное дьяволом*.

Но здесь уместно сделать паузу, чтобы выяснить, каким образом религиозные споры, занимавшие всю Европу в это время, повлияли на действия враждующих сект в отношении демонологии.

Папская церковь долгое время господствовала благодаря гордому и абсолютному нраву, который она приняла на себя, поддерживая все доктрины, принятые ее правителями в темные века; но эта настойчивость в конце концов сделала ее цитадель слишком большой, чтобы ее мог защищать во всех точках гарнизон, который по здравому размышлению должен был оставить позиции, занятые во времена тьмы и не подходящие для войны более просвещенного века. Священный девиз Ватикана гласил: "*Vestigia nulla retrorsum*"; и это делало невозможным подчинение более мудрым и умеренным представителям своей собственной партии, которые в противном случае пожелали бы пойти на либеральные уступки протестантам и тем самым предотвратить грозный раскол в христианском мире в самом его начале.

Римской системе кальвинисты оказывали самое решительное сопротивление, стремясь по любому поводу и по всем пунктам соблюдать порядок церковного управления, а также богослужения, прямо противоречащий ее установлениям; словом, чтобы быть хорошим протестантом, они считали почти необходимым быть во всем диаметрально противоположным католической форме и вере. Поскольку фундамент этой секты был заложен в республиканских государствах, поскольку ее клерикальная дисциплина была поставлена на демократическую основу, а страны, принявшие такую форму правления, были в основном бедными, проповедники, утратив ранг и роскошь, которыми пользовалась Римская церковь, постепенно были брошены на поддержку народа. Незаметно для себя они занялись идеями и догматами, естественными для простого народа, которые, если они обычно имеют достоинство быть честно задуманными и смело выраженными, не менее часто принимаются с легковерием и предосторожностью, и проводятся в жизнь с неослабевающей суровостью и жестокостью.

Между этими крайностями английские церковники старались придерживаться среднего курса, сохраняя часть ритуала и форм Рима, как самих по себе восхитительных и, во всяком случае, слишком почитаемых народом, чтобы менять их только ради противостояния. Их сравнительно скудные доходы, связь их системы с государством, а также амбиции, настолько широкие, насколько это должно быть в положении церковного деятеля, делали их независимыми от необходимости ухаживать за своей паствой любыми средствами, кроме регулярного исполнения своего долга; а прекрасные условия для их образования давали им возможность учиться, чтобы опровергать невежество и просвещать предрассудки.

Таков был общий характер трех церквей, их вера в такие преступления, как колдовство и чародейство, и преследование за них неизбежно основывались на особых догматах, которые исповедовала каждая система, и приводили к различным результатам в странах, где они были приняты по отдельности.

Римская церковь, как мы уже видели, в период своего неоспоримого могущества не желала привлекать светскую власть для наказания людей за колдовство - преступление, которое находилось в особом ведении церкви и, по ее убеждению, могло быть усмирено только духовной властью. Ученые мужи, стоящие во главе учреждения, могли спокойно презирать попытки изучения этих тайных искусств как невозможные; или, даже если бы они были более доверчивы, они могли бы не захотеть принимать законы, по которым их собственные исследования в математике, алгебре, химии и других занятиях, которые, по вульгарным представлениям, приближаются к границам магического искусства, могли бы быть неудобно

ограничены. Более эгоистичная часть священства могла подумать, что всеобщую веру в существование ведьм следует сохранить как источник власти и доходов, что если не будет одержимости, то не будет и сборов за изгнание, и, короче говоря, что здоровая вера во все нелепости вульгарного вероучения относительно сверхъестественных воздействий необходима для поддержания влияния Дианы Эфесской. Они допускали изготовление заклинаний, поскольку каждый монах имел возможность их отменить; они допускали дистилляцию яда, поскольку в каждом монастыре имелось противоядие, которое выдавалось всем, кто пожелает его потребовать. Только после всеобщего распространения ереси, в конце пятнадцатого века, булла папы Иннокентия VIII, которая уже цитировалась, призывала к осуждению, заключению и порицанию колдунов, главным образом потому, что ее целью было перенести одиозность этих преступлений на вальденсов, возбудить и направить общественную ненависть против новой секты, спутав их доктрины с влиянием дьявола и его извергов. После этого, в 1523 году, булла папы Иннокентия была дополнена Адрианом VI новой, в которой отлучение от церкви было направлено против *колдунов и еретиков*.

В то время как Рим, таким образом, позитивно заявлял о своей борьбе с ведьмами и колдунами, кальвинисты, к числу которых следует отнести большую часть английских пуритан, которые, хотя и не порвали окончательно с Англиканской церковью, все же не одобряли ее ритуалы и церемонии как сохранившие слишком много папской печати, находились, в соответствии со своей обычной политикой, в диаметральной оппозиции к доктрине Матери-Церкви. Они принимали в противоположном смысле все, на что претендовал Рим в качестве доказательства своего всемогущего авторитета. Экзорцизм, формы и обряды, с помощью которых, как верили добрые католики, можно было изгнать воплощенных извергов и отвратить злых духов всех видов, - все это, как и святая вода, одеяния священника и крестное знамение, кальвинисты рассматривали либо с презрением и пренебрежением, как инструменты умышленного шарлатанства и самозванства, либо с ужасом и отвращением, как подходящие эмблемы и инструменты идолопоклоннической системы.

Те из них, кто не отрицал сверхъестественные силы, которыми хвастались романисты, считали успех священника-экзорциста, в какой бы степени они его ни признавали, в лучшем случае изгнанием дьяволов силой Вельзевула, царя дьяволов. Они также видели и горько возмущались попыткой спутать любое несогласие с доктринами Рима со склонностью к поощрению колдовских обрядов. В целом кальвинисты, как правило, были из всех враждующих сект самыми подозрительными к колдовству, самыми несомненными верующими в его существование и самыми жаждущими наказать за него то, что они считали должным наказанием за самое страшное из преступлений.

Ведущие богословы Англиканской церкви, несомненно, в основе своей были такими же противниками доктрин Рима, как и те, кто полностью отвергал мнения и обряды только потому, что она их исповедовала. Но их положение в обществе не позволяло им принимать в таких вопросах, как мы сейчас обсуждаем, ни жадное легкоеверие вульгарного ума, ни фанатичную свирепость их кальвинистских соперников. У нас нет цели обсуждать этот вопрос подробно - достаточно уже сказано, чтобы в общих чертах показать, почему романист должен был кричать о чуде в связи с инцидентом, который англиканин презрительно назвал бы самозванством; в то время как кальвинист, вдохновленный более мрачным рвением и, прежде всего, постоянным желанием открытой полемики с католиками, назвал бы то же событие действием дьявола.

Отсюда следовало, что, пока в королевстве господствовали богословы Англиканской церкви, колдовство, хотя иногда и происходили судебные процессы и даже осуждения за это преступление, не вызывало того эпидемического ужаса, который несло с собой само подозрение в этом преступлении в других местах; так, Реджинальд Скот и другие утверждали, что именно тщетные притворства и пустые формы Римской церкви, благодаря вере в них, привели к вере в колдовство или чародейство в целом. Судебные преследования по таким обвинениям также не часто влекли за собой смертную казнь, в то время как ученые судьи ревниво относились к несовершенству доказательств, подтверждающих обвинение, и питали сильное и растущее подозрение, что законные основания для таких процессов редко существовали на самом деле. С другой стороны, обычно случалось так, что там, где в Британии преобладали кальвинистские интересы, как следствие, начинались всеобщие гонения на колдунов и ведьм. Боясь и ненавидя колдовство больше других протестантов, связывая его обряды и обычаи с обрядами и обычаями ненавистной католической церкви, кальвинисты охотнее других сект искали следы этого преступления и, конечно, необычайно успешно, как можно предположить, раскрывали вину и преследовали ее вплоть до казни на костре. Одним словом, принцип, на который уже ссылался доктор Фрэнсис Хатчисон, как оказалось, управляет приливом и отливом подобных дел в разных церквях. Число ведьм и их предполагаемых связей с сатаной будет увеличиваться или уменьшаться в зависимости от того, насколько вероятны или невозможны такие дела. При первом предположении количество обвинений и приговоров будет возрастать в огромной степени. Когда же обвинениям не верят и отвергают их как не заслуживающие внимания, преступление становится нечастым, перестает занимать общественное мнение и доставляет мало хлопот судьям.

Принятие Елизаветой в 1562 году закона против колдовства, по-видимому, не преследовало цели увеличить число судебных процессов или, по крайней мере, случаев осуждения; и на самом деле оно не привело ни к одному, ни к другому. В 1574 году двое детей были судимы за подделку владения и предстали перед судом в качестве самозванцев. Милдред Норрингтон, которую называли девой Уэстуэлла, стала еще одним примером одержимости; но она также призналась в своем самозванстве и публично продемонстрировала свои припадки и трюки мимикрии. Сильное влияние, которым уже обладали пуритане, вероятно, объясняет более мрачный исход некоторых дел, в которых и присяжные, и судьи во времена Елизаветы, надо признать, проявляли страшную суровость.

Эти случаи одержимости в некотором смысле были серьезной ловушкой для священников Римской церкви, которые, хотя и были слишком проникательны, чтобы не понимать, что притворные судороги, искажения, странные звуки и прочие экстравагантности, выдаваемые за свидетельство влияния демона на одержимого, были не чем иным, как следами самозванства какого-нибудь праздного бродяги, тем не менее часто испытывали искушение признать их реальными и взять на себя заслугу по их излечению. Это был период, когда у католической церкви было много поводов сплотить вокруг себя все уважение, которое сохранилось к ней в раскольничьем и еретическом королевстве; И когда ее отцы и врачи объявили о существовании столь страшной болезни и о силе церковных молитв, реликвий и обрядов излечить ее, священнику, полагая, что он больше заботится об интересах своего ордена, чем об истине, было трудно избежать столь заманчивой возможности, как предполагаемый случай одержимости, чтобы продемонстрировать высокую привилегию, к которой его профессия делает его причастным, или воздержаться от попустительства самозванству, чтобы получить для своей церкви заслугу в изгнании демона. Вряд ли стоит удивляться, если иногда церковника побуждали содействовать мошенничеству, в котором по таким мотивам он не должен был участвовать. При этом он мог колебаться тем меньше, что

не был обязан принимать подозрительный и унижительный курс немедленного общения *in limine* с самозванцем, поскольку намек или два, брошенные в присутствии предполагаемого страдальца, могли дать ему необходимую информацию о наиболее точном способе выполнения своей роли, и если пациент был одержим дьяволом, обладающим какой-либо остротой или ловкостью, он не нуждался в дальнейших указаниях, как играть. Такие комбинации иногда обнаруживались и приносили больше вреда Римской церкви, чем те, которые были более хитроумными. По этому вопросу читатель может обратиться к знаменитой книге доктора Харснетта "Папистские самозванцы", где он приводит историю нескольких нашумевших случаев обнаруженного мошенничества, в которых римские еkkлезиасты без колебаний впутались сами. Грейс Соуэрбаттс, которой католический священник поручил обвинить свою бабушку в колдовстве, была очень грубой мошенницей.

Подобные случаи, однако, не ограничивались римской еkkлезиастикой. Мы уже говорили, что, поскольку крайности обычно сближаются, диссентеры в своей яростной оппозиции папистам переняли некоторые из их идей относительно бесов; и теперь нам остается добавить, что они также претендовали, с помощью яростной молитвы и авторитета их собственной священной комиссии, на ту власть изгнания бесов, на которую претендовала Римская церковь с помощью обрядов, церемоний и реликвий. Памятный случай с Ричардом Дагдейлом, прозванным Суррейским самозванцем, был одним из самых примечательных, которые приводили диссентеры. Предполагалось, что этот юноша продал душу дьяволу, чтобы стать лучшим танцором в Ланкашире, и во время владения ею исполнил ряд фантастических трюков, мало чем отличающихся от тех, которые демонстрируют опытные мастера позы в наши дни. Этот человек бросился в руки диссентеров, которые в своем нетерпении ухватились за возможность облегчить страдания человека, чьим случаем, как оказалось, пренебрегли обычные священнослужители. Они создали комитет из своих людей, которые еженедельно посещали предполагаемого страдальца и в течение целого года проводили назначенные дни смирения и поста. Все уважение к демону, похоже, покинуло преподобных джентльменов после того, как они некоторое время несли охрану таким образом, и они стали настолько недоброжелательны к сатане, что насмеялись над тем, как он исполняет свое обещание научить своего вассала танцам. Стоит вспомнить следующий пример насмешки: "Что, Сатана! Это и есть те танцы, ради которых Ричард отдался тебе? и т. д. Ты не умеешь танцевать лучше? и т. д. Пересмотри в своей памяти старые записи всех прошлых времен и мест; не найдешь ли ты там какой-нибудь лучший способ топтания? Прокачай свою изобретательность; разве из универсального посевного материала хитроумных уловок и ухищрений не появится хоть один новый способ нарезать каперсы? Разве это верх мастерства и гордости - так шаркать ногами и брэнчать коленями, спотыкаться, как лань, и скакать, как белка? И чем отличаются твои прыжки от прыжков лягушки, или прыжков козы, или резвых движений собаки, или жестикуляции обезьяны? И не может ли паралич сотрясать такую свободную ногу, как эта? Разве ты не вертишься, как теленок, у которого есть поворот, и не дергаешь своими ногами, как спрингхолтская синица?"⁵⁴ Можно представить себе, как демон отвечает на эту насмешку словами доктора Джонсона: "Это веселье парсонов крайне оскорбительно".

Вероятно, раскольники были слишком честны, как бы просты они ни были, чтобы добиться полного излечения Дагдейла путем полюбовного соглашения; поэтому после года бдения они постепенно отказались от своей задачи. Дагдейл, утомленный своей болезнью, которая теперь мало привлекала внимание, посещал обычного врача и был излечен от той части болезни, которая не была затронута обычным *способом, по предписанию врача*. Но преподобные джентльмены, взявшие его дело в свои руки, по-прежнему считали себя виновными в его исцелении, и если что-то и могло побудить их спеть *Te Deum*, то именно этот случай. Они сказали, что действие их публичных молитв на некоторое время приостановилось, пока их не подкрепила искренность их частных молитв!

Священнослужители Англиканской церкви, хотя благодаря образованию, общению с миром и другим преимуществам они были менее склонны к предрассудкам, чем представители других сект, все же далеко не всегда свободны от обвинений в поощрении в отдельных случаях суеверия о ведьмах. Даже если доктор Хатчисон утверждает, что Англиканская церковь меньше всего должна отвечать за это, он вынужден признать, что некоторые обычные сельские священники настолько разделяли укоренившиеся предрассудки общин и правительства, установившего законы против этого, что активно преследовали подозреваемых и даже одобряли суеверные приметы, с помощью которых в тот период вульгарные люди считали возможным убедиться в существовании колдовских болезней и получить сведения о виновнике. Упоминается необычный случай с тремя женщинами, которых называли ведьмами из Варбуа. Действительно, их история достаточно торжественна; сэр Сэмюэль Кромвель, получив в качестве лорда поместья сумму в сорок фунтов из имущества страдающих бедняков, превратил ее в арендную плату в размере сорока шиллингов в год, чтобы обеспечить ежегодную лекцию о колдовстве, которую должен был читать доктор или бакалавр богословия из Квинс-колледжа в Кембридже. Обвиняемые, некто Сэмюэл и его жена, были старыми и очень бедными людьми, а их дочь - молодой женщиной. Дочь мистера Трогмортон, увидев бедную старуху в черной вязаной шапочке в то время, когда ей было не очень хорошо, решила, что та ее околдовала, и с тех пор все время кричала на нее. Остальные дети этой причудливой семьи подхватили тот же клич, и старшая из них в конце концов сочинила очень красивую драму, в которой сама обставила все сцены и сыграла все роли.

Такие воображаемые сцены или *выдуманные* истории - обычная забава живых детей, и большинство читателей, возможно, помнят, что у них была своя собственная Утопия. Но детская драма мисс Трогмортон имела ужасную развязку. Предполагалось, что эту юную леди и ее сестер преследуют девять духов, посланных для этой цели злой матушкой Сэмюэль. Разумные родители слышали одну часть диалога, когда дети в своих припадках отвечали, как предполагалось, духам, которые их мучили; а когда пациенты время от времени выздоравливали, они давали обратный ответ, рассказывая, что духи говорили им. Духов звали Плюк, Харднаме, Кэтч, Блю и три Смакса, которые были двоюродными братьями. Миссис Джоан Трогмортон, старшая (которая, как и другие молодые женщины ее возраста, около пятнадцати лет, страдала какой-то болезнью нервов и чьи фантазии были направлены, очевидно, на любовь и галантность), предполагала, что один из Смаксов был ее любовником, сражался за нее с менее дружелюбными духами и обещал защитить ее от самой матушки Сэмюэль; следующий любопытный отрывок покажет, на какой основе девица была знакома со своим духовным галантом: "Откуда вы, мистер Смак?" - спросила пострадавшая девушка, - "и какие новости вы принесли?". Смак, ничуть не смущаясь,

сообщил ей, что прибыл из боя с Плаксом: оружие - огромные воловьи шесты; место действия - разрушенная пекарня во дворе дамы Сэмюэль. "И кто же одержал верх, прошу вас?" - спросила девушка. Смак ответил, что он разбил голову Плаку. "Я бы хотела, - сказала девица, - чтобы он сломал и вашу шею". "Это и есть та благодарность, которую я должен получить за свой труд?" - сказал разочарованный Смак. "Ты ищешь благодарности от моей руки?" - ответила расстроенная девица. "Лучше бы вас всех повесили друг на друга, да еще и с вашей барыней в придачу, потому что вы все ничтожества". После такого отпора Смак вышел, а Плак, Блю и Кэтч, первый с разбитой головой, второй хромой, а третий с перевязанной рукой - все трофеи победы Смака. Они исчезли, пригрозив отомстить победившему Смаку. Однако вскоре он появился со своими лаврами. Он рассказал ей о своих различных конфликтах. "Я удивляюсь, - сказала миссис Джоан, или Джейн, - что вам удастся их побеждать; вы маленький, а они очень большие". "Ему на это наплевать, - ответил он, - он победит двух лучших из них, а его кузены Смаксы - двух других". К этому жалкому веселью, а оно, несомненно, было таковым, примешивалась еще и трагедия. Мисс Трогмортон и ее сестры ополчились на Дарну Сэмюэль; а когда мистер Трогмортон силой привел ее в свой дом, маленькие изверги жаждали взять у нее кровь, исцарапать ее и подвергнуть пыткам, как рекомендовали ведьмы того времени; однако бедная женщина вызвала еще большее подозрение, когда выразила желание покинуть дом, где с ней так грубо обращались и где она находилась под столь одиозными подозрениями.

Напрасно несчастная пыталась отвести от себя их негодование, соглашаясь на все злодеяния, которые они хотели ей причинить; напрасно она стойко терпела худшие издевательства со стороны леди Кромвель, своей хозяйки, которая, оскорбляя ее самыми ужасными эпитетами, сорвала с ее головы чепец, вырезала часть волос и отдала их миссис Трогмортон, чтобы та сожгла их для противодействия талисману. Но покладистость матушки Сэмюэль в этом случае привела лишь к новому обвинению. Случилось так, что леди Кромвель, вернувшись домой, увидела во сне свою дневную работу, и особенно старую даму и ее кошку; а поскольку ее светлость умерла через *год с четвертью* после того самого дня, было сделано проникательное заключение, что она, должно быть, стала жертвой колдовства ужасной дамы Сэмюэль. Мистер Трогмортон также заставил старуху и ее дочь использовать выражения, которые ставили их жизнь во власть этих злобных детей, которые так долго разыгрывали этот фарс, что не могли выпутаться из своей паутины обмана иначе, как через смерть этих беспомощных существ. Например, заключенную, даму Сэмюэль, заставили сказать предполагаемому духу: "Поскольку я ведьма и виновница смерти леди Кромвель, я прошу тебя выйти из этой девицы". Девушка лежала неподвижно, и это было признано доказательством того, что бедная женщина, которая, только покоренная и подавленная ужасом и тиранией, сделала то, что ей было приказано, была ведьмой. Стыдно становится за английских судей и присяжных, когда приходится повторять, что свидетельства этих восторженных и легкомысленных девушек были сочтены достаточными для осуждения трех невинных людей. Гуди Сэмюэль, правда, в конце концов была вынуждена признать свою вину под воздействием различных издевательства, которым ее подвергали. Но ее муж и дочь продолжали отстаивать свою невиновность. Последняя проявила высокий дух и гордость за свой характер. Некоторые, жалея ее молодость, советовали ей получить хотя бы передышку, признав себя беременной; на что она презрительно отвечала: "Нет, я не стану одновременно и ведьмой, и трусихой!" Мать, чтобы показать свое здравомыслие и реальную ценность своего признания, ухватилась за совет, рекомендованный дочери. Поскольку в ее годы о подобной просьбе не могло быть и речи, среди равнодушных зрителей раздался смех, к которому громко и от души присоединилась бедная старая жертва. Были и такие, кто не считал это шуткой и склонялся к мысли, что перед ними Джоанна Сауткот, а отцом должен быть дьявол. Эти несчастные Сэмюэлсы были осуждены в Хантингдоне, перед мистером

судьей Феннером, 4 апреля 1593 года. Это был необычный случай, который следовало бы отмечать ежегодной лекцией, как это сделал сэр Сэмюэл Кромвель, ибо никогда еще цели правосудия не были столь извращены, а меч не обращался к более вопиющему убийству.

Здесь мы можем упомянуть, хотя и в основном для контраста, вызывающее много споров дело Джейн Уэнхем, ведьмы из Уокерна, как ее называли, которое произошло гораздо позже. Некоторые из деревенских священников были увлечены суеверием и в этом случае и не только поощряли обвинения, но и давали добро на некоторые нелепые и непристойные трюки, к которым прибегали в качестве доказательств колдовства самые низкие слои населения. Но здравый смысл судьи, поддержанный здравым смыслом других здравомыслящих людей, спас страну от окончательного позора, сопутствующего слишком многим из этих неблагоприятных процессов. Против этой бедной женщины были выдвинуты обычные доказательства: околдованные люди извергали огонь - трюк, очень легкий для тех, кто решил продемонстрировать такое плутовство среди тех, кто скорее хочет быть втянутым в него, чем обнаружить самозванство. Колдуны применяли к ней самые вульгарные и нелепые трюки и чары; из извращенного допроса они вытянули то, что назвали признанием, хотя оно было вынужденным и искаженным. На основании таких доказательств присяжные признали ее виновной, и она была приговорена к смерти. Однако Джейн Уэнхем повезло больше, чем многим людям, оказавшимся в подобных обстоятельствах: ее судил здравомыслящий и философски настроенный судья, который не мог понять, что жизнь англичанки, какой бы подлой она ни была, должна быть отнята набором варварских трюков и экспериментов, эффективность которых зависела от народного легковерия. Он освободил ведьму перед тем, как покинуть город ассизов. Остальные истории в равной степени контрастируют с теми, которые мы уже рассказали, и с теми, которые нам еще предстоит пересказать. Гуманный и высокодуховный джентльмен, полковник Пламмер из Гилстона, бросив вызов народной молве, поселил бедную старуху в небольшом доме рядом со своим и под своей непосредственной защитой. Здесь она жила и умерла, пользуясь честной и справедливой репутацией, назидая своих посетителей точностью и вниманием в повторении своих молитв; и, удаленная от своих жестоких и злобных соседей, она никогда впоследствии не давала ни малейшего повода для подозрений или обид до самого своего смертного дня. Поскольку это был один из последних случаев осуждения в Англии, д-р Хатчисон был вынужден остановиться на нем с некоторой силой красноречия, а также аргументации.

Он, в частности, так рассуждает с некоторыми из лучших представителей общества, ратовавших за обвинение: "1) Какой хоть один факт колдовства совершила эта Джейн Уэнхем? Какие чары она использовала, или какой акт колдовства вы можете доказать на ней? Законы направлены против злых действий, которые можно доказать, что они совершены самим человеком. Какой хоть один факт, противоречащий закону, вы могли бы зафиксировать на ней? Я спрашиваю (2) Сказала ли она хоть одно неосторожное слово или совершила безнравственный поступок, который вы могли бы включить в изложение ее дела? Когда ей отказали в нескольких репках, она положила их очень покорно; когда ее называли ведьмой и сукой, она лишь принимала надлежащие меры для защиты своего доброго имени; когда она увидела, что на нее надвигается буря, она заперлась в своем доме и пыталась оградить себя от ваших жестоких рук; Когда ее дверь была взломана и вы прибегли к тому варварскому обращению, с которым она столкнулась, она заявила о своей невинности, упала на колени и умоляла не сажать ее в тюрьму, и, по своей невинной простоте, позволила бы вам искупать ее; а на суде она объявила себя чистой женщиной. Таково было ее поведение. И что кто-либо из нас мог бы сделать лучше, за исключением того случая, когда она слишком послушалась вас и предложила вам искупать ее?

"3) Когда вы использовали самые подлые языческие и папистские суеверия - когда вы царапали, калечили, втыкали булавки в ее плоть, использовали это нелепое испытание бутылкой и т. д., - с кем вы советовались и от кого ждали ответов? Кто был вашим отцом? И в чьи руки вы отдали себя? И (если бы истинный смысл закона был обращен против вас) каким способом вы бы защищались? (4) Разве вы использовали бы ее таким образом, если бы она была богата? И разве ее бедность не увеличивает, а не уменьшает вашу вину в том, что вы сделали?"

"И поэтому, вместо того чтобы закрывать свою книгу словами "*liberavimus animas nostras*" и размышлять о суде, я спрашиваю вас (5) Не больше ли у вас оснований благодарить Бога за то, что вы встретили мудрого судью и благоразумного джентльмена, который удержал вас от пролития невинной крови и возродил среди нас самое подлое и жестокое из всех суеверий?"

Примечание-->

55 (обратно)

["Очерк о колдовстве" Хатчисона, с. 166].

Но хотя отдельных представителей английской церкви в некоторых случаях можно справедливо обвинить в том, что они впадали в прискорбные ошибки в вопросах, где заблуждения были столь распространены, это не было обычным пунктом их профессионального характера; следует признать, что самый суровый из законов против колдовства был принят шотландским королем Англии и что единственное обширное преследование, последовавшее за этим статутом, произошло во время Гражданских войн, когда кальвинисты на короткий период получили преобладающее влияние в советах парламента.

Яков стал преемником Елизаветы на фоне самых высоких ожиданий со стороны его нового народа, который, помимо общего удовлетворения от того, что снова оказался под властью короля, гордился его предполагаемыми способностями и реальным знанием книг и языков, и, естественно, хотя и неосмотрительно, был склонен благодарить его, подчиняясь его суждению в вопросах, в которых, как предполагалось, его учеба сделала его особенно сведущим. К несчастью, помимо более безобидного чудачества - стать премудрым в искусстве поэзии, от которого страдали только слова и числа, - монарх написал глубокий труд по демонологии, в котором в полной мере отразил самые абсурдные и грубые из распространенных заблуждений на эту тему. Он считал, что на его корону и жизнь постоянно покушаются заклятые рабы Сатаны. Несколько человек были казнены за попытку отравить его с помощью магических искусств; а буйный Фрэнсис Стюарт, граф Ботвелл, чьи неоднократные покушения на его личность долгое время были ужасом Якова, начал свой курс восстания с консультации со странными сестрами и прорицательницами. Таким образом, король, доказавший своим пером, что предполагаемые колдуны - прямые враги Божества, и считавший, что знает их на собственном опыте, - который, к тому же, в гораздо более легких случаях (как в случае с Ворстиусом) без колебаний бросал на весы свой королевский авторитет, чтобы помочь своим аргументам, - очень естественно использовал

свое влияние, когда оно было на высоте, чтобы расширить и привести в исполнение законы против преступления, которое он одновременно ненавидел и боялся.

Поэтому английский закон против колдовства, принятый в первый же год этого царствования, носит особый характер и описывает колдовство со всеми различными способами и церемониями, с помощью которых, согласно фантазии короля Якова, это преступление могло быть совершено; каждый из них объявлялся преступлением, не требующим помощи духовенства.

Это давало гораздо более широкие возможности для судебного преследования по этому закону, чем те, которые существовали при более мягких законах Елизаветы. Теперь людей можно было наказывать за колдовство, как за преступление, без обязательной ссылки на скрытые цели преступника. Примечательно, что в том же году, когда законодательное собрание скорее подхватило страсти и опасения короля, чем выразило свои собственные этим роковым постановлением, церковный собор проявил совершенно иной дух; Видя насмешки над их священной профессией со стороны бесцеремонных и самонадеянных людей, пытавшихся избавить бесноватых от болезни, которая обычно вызывалась естественными причинами, а не была порождением самозванства, они приняли канон, устанавливающий, что ни один священник или священники не должны в будущем пытаться изгонять дьявола или дьяволов без лицензии своего епископа; тем самым фактически положив конец плодородному источнику безрассудства среди народа и позорной глупости среди низших церковных деятелей.

Однако, судя по всему, новый закон Иакова поначалу не привел к многочисленным судебным преследованиям. Одно из самых примечательных было (*proh pudor!*) спровоцировано джентльменом, ученым с классическим вкусом и прекрасным поэтом, не кто иной, как Эдвард Фэрфакс из Фэйстона, в лесу Кнаресборо, переводчик "Освобожденного Иерусалима" Тассо. Ссылаясь на его легкоеверие в подобных вопросах, Коллинз привел следующие элегантные строки

"Как я сидел, пока дул задумчивый ветер,
Чтоб услышать арфу твою, британцем Фэрфаксом натянутую";
Преобладающий поэт, чей несомненный ум
Верил в волшебные чудеса, которые он воспевал!"

Как и мистер Трогмортон в деле Уорбуа, мистер Фэрфакс обвинил шестерых своих соседей в том, что они мучили его детей припадками необычайного рода, прибегали к помощи бесов и появлялись перед страдальцами в своем облике во время этих приступов. Признание этого последнего обстоятельства законным способом доказательства давало обвиняемому жесточайшее преимущество, поскольку его, по представлениям демонологов, не могло опровергнуть даже самое явное *алиби*. На подобную защиту отвечали, что страдающий человек не видел настоящую ведьму, чье телесное присутствие должно было быть очевидно для всех, кто находился в комнате, а также для самого страдающего, но что показания страдальцев относились к появлению их *призрака*, или наваждения; и это считалось верным признаком вины тех, чьи формы проявлялись во время припадков страдальца, и на кого жаловалась и кричала жертва. Очевидная тенденция этой доктрины в отношении доказательств в виде видений или спектров, как их называли, заключалась в том, что жизнь и слава обвиняемого оказывались во власти любого больного ипохондрией или злостного самозванца, который мог либо казаться, либо утверждать, что видит *спектр* обвиняемого

старика или старухи, как бы наслаждаясь и вызывая недуги, на которые она жаловалась; и, как ни странно, роковой приговор должен был основываться не на правде глаз свидетелей, а на правде их воображения. К счастью для памяти Фэрфакса, объектами его обвинения были люди с хорошим характером, а судья был человеком здравомыслящим и так мудро и умело предъявил обвинение присяжным, что они вынесли вердикт о невиновности.

Вскоре после этого произошел знаменитый случай с "ланкаширскими ведьмами" (чье имя запомнилось и надолго останется в памяти, отчасти благодаря пьесе Шэдвелла, но больше из-за гениального и вполне заслуженного комплимента красоте женщин этой провинции, который, как считалось, в нем содержался). Было ли первое известие об этом колдовстве из праздной головы озорного мальчишки, неизвестно; но нет сомнений, что оно было быстро подхвачено и развито с целью наживы. Первоначальная история гласила.

Ланкастерские процессы проходили в два периода: в 1613 году перед сэром Джеймсом Альтхэмом и сэром Эдвардом Бромли, баронами Казначейства, когда в Ланкастере судили сразу девятнадцать ведьм, а в Йорке - еще одну по имени Престон. Доклад против этих людей составил Томас Поттс. Один любезный корреспондент прислал мне экземпляр этой любопытной и редкой книги. Главным действующим лицом драмы является Элизабет Саутэм, ведьма, прославившаяся под именем Дембдайка, рассказ о которой можно найти в "Древностях Ланкастера" мистера Роби, а также описание башни Маулкинса, места встречи ведьм. Судя по всему, в этом отдаленном графстве было полно папистов-отступников, странствующих священников и так далее; приводятся некоторые из их заклинаний, в которых святые имена и вещи, упоминаемые в заклинаниях, составляют странный контраст с целью, для которой они применялись, например, чтобы обеспечить хорошую варку эля и тому подобное. Обществом вменяется обвиняемым в вину длинный ряд убийств, заговоров, чар, несчастий, адских и проклятых практик, "очевидных, - говорит редактор, - из их собственных допросов и признаний" и, по правде говоря, нигде больше не видимых. Матушке Дембдике посчастливилось умереть до вынесения приговора. Среди прочих историй есть одна о двух женщинах-дьяволах, которых зовут Фэнси и Тиб. Примечательно, что некоторые из несчастных женщин пытались переложить вину с себя на других, с которыми у них были старые ссоры, и эти признания служили хорошей уликой против тех, кто их сделал, а также против предполагаемого соучастника. Несколько несчастных женщин были признаны невиновными, к большому неудовольствию невежественных жителей графства. Таково было первое издание "Ланкаширских ведьм". В последующих обвинениях более четко прослеживается самый злодейский заговор.

Около 1634 года мальчик по имени Эдмунд Робинсон, чей отец, очень бедный человек, жил в Пендлском лесу, где якобы происходило колдовство, заявил, что, собирая *булли* (возможно, дикие сливы) на одной из полян леса, он увидел двух борзых, которые, по его мнению, принадлежали джентльменам, живущим по соседству. Мальчик сообщил, что, видя, что за ними никто не идет, он предложил устроить нагонку, но, хотя был пущен заяц, собаки отказались бежать. Юный Робинсон уже собирался наказать их подменой, как вдруг вместо одной борзой стартовала некая Дама Дикенсон, жена соседа, а вместо другой - маленький мальчик. Свидетель утверждает, что матушка Дикенсон предложила ему деньги, чтобы он скрыл увиденное, но он отказался, сказав: "Нет, ты ведьма". Видимо, она решила, что он должен получить полное доказательство истинности своих слов, потому что, подобно королеве-волшебнице из арабских сказок, она достала из кармана уздечку и потрясла ею над головой мальчика, который недавно изображал другую борзую. Он тут же превратился в лошадь, матушка Дикенсон села на нее и повела Робинзона за собой. Затем они поехали к

большому дому или сараю под названием Хоурстун, в который Эдмунд Робинсон вошел вместе с другими. Там он увидел шесть или семь человек, которые тянули за недоуздок, из которого, когда они тянули его, в большом количестве вылетало готовое мясо, вместе с кусками масла, порринджерами молока и всем остальным, что, по мнению мальчика, могло завершить деревенский пир. Он заявил, что, пока они занимались этим, у них были такие уродливые лица и такой чудовищный вид, что он испугался. Было и еще кое-что в том же духе - мальчик видел, как одна из этих ведьм сидела на полпути к дымоходу его отца, и тому подобное. Но все закончилось тем, что около десятка человек были отправлены в тюрьму, а следствием стало то, что юного Робинсона водили из церкви в церковь по всей округе, чтобы он узнал лица всех, кого видел на месте встречи ведьм. Старый Робинсон, который был свидетелем против прежних ведьм в 1613 году, пошел вместе со своим сыном и, несомненно, знал, как сделать его путешествие выгодным; а его сын, вероятно, позаботился о том, чтобы не узнать никого, кто мог бы стать выгодным предложением. "Этого мальчика, - рассказывает Вебстер, - привели в церковь в Килдвике, приходскую церковь, где я, будучи тогда викарием, читал проповедь, чтобы осмотреть его, что вызвало некоторое беспокойство". После молитвы мистер Уэбстер разыскал и нашел мальчика и двух очень маловероятных людей, которые, по его словам, "вели его и управляли делом: Я хотел поговорить с мальчиком наедине, но они категорически отказались. В присутствии множества людей я подвел мальчика к себе и сказал: "Добрый мальчик, скажи мне искренне и серьезно, слышал ли ты и видел ли ты такие странные вещи, связанные с действиями ведьм, как многие сообщают, что ты рассказывал, или не научил ли тебя какой-нибудь человек говорить такие вещи о себе? Но двое мужчин вырвали у меня мальчика и сказали, что он был осмотрен двумя компетентными мировыми судьями, и они никогда не задавали ему такого вопроса. На что я ответил: "Обвиняемые были более неправы"". Впоследствии, уже в более зрелом возрасте, мальчик признался, что его проинструктировали и подговорили поклясться в этих вещах против обвиняемых лиц его отец и другие люди, и часто слышал, как он признавался, что в тот день, когда он притворялся, что видел упомянутых ведьм в доме или сарае, он собирал сливы в соседском саду.⁵⁶

Примечание...

56 (возвращение)

["Вебстер о колдовстве", издание 1677 года, стр. 278].

Приближалось время, когда закон против колдовства, достаточно кровавый сам по себе, должен был быть доведен до более жестоких крайностей, чем тот, которому поддавался тихий скептицизм духовенства Англиканской церкви. Великая Гражданская война была предвараена и предвосхищена ожесточенными спорами церковных партий. Необдуманная и непродуманная попытка заставить шотландцев подчиниться управлению и обрядам богословов Высокой церкви, а также суровые преследования в Звездной палате и Прерогативных судах на какое-то время обеспечили пресвитерианской системе большую популярность в Англии; а поскольку партия короля во время Гражданской войны ослабла, а состояние церковного управления изменилось, влияние кальвинистских богословов возросло. При всей строгости морали и чистоте религии, к сожалению, они все еще отличались непоколебимой верой в существование колдовства и горячим желанием

расширить и привести в исполнение законные наказания против него. Виер считает, что духовенство всех сект слишком усердствует в этом виде преследования: *Ad gravem hanc impietatem, connivent theologi plerique omnes*. Но нельзя отрицать, что пресвитерианские церковники, которые в Шотландии часто назначались Тайным советом уполномоченными для суда над колдовством, проявляли в таких случаях необычайную степень легковерия, и что временное превосходство той же секты в Англии было отмечено огромными жестокостями такого рода. Этой общей ошибке мы должны приписать то несчастье, что добрые люди, такие как Калами и Бакстер, должны были поддерживать или защищать такие действия, как действия дерзкого и жестокого негодяя по имени Мэтью Хопкинс, который в те беспокойные времена, когда люди делали то, что казалось хорошим в их собственных глазах, принял на себя титул генерала-колдуна и, путешествуя по графствам Эссекс, Сассекс, Норфолк и Хантингдон, делал вид, что обнаруживает ведьм, руководя их допросом с помощью самых неслыханных пыток и заставляя несчастных и жалких несчастных признаваться в делах, столь же абсурдных и невозможных; В итоге они лишались жизни. Прежде чем рассмотреть эти случаи более подробно, я процитирую слова самого Бакстера, ибо ни у кого не может быть меньше желания причинить зло благочестивому и добросовестному человеку, каким, несомненно, был этот бог, хотя в данном случае его оттолкнули предрассудки и легковерие.

"Известно, что в 1645 и 1646 годах было повешено множество ведьм. Мистер Калами отправился вместе с судьями на округе, чтобы выслушать их признания и убедиться, что в них нет обмана или неправды. Я беседовал со многими понимающими, благочестивыми, учеными и заслуживающими доверия людьми, жившими в графствах, а также с теми, кто приходил к ним в тюрьмы, и слышал их печальные признания. Среди прочих был повешен старый *начитанный пастор* по имени Лоуис, недалеко от Фрамлингема, который признался, что у него было два импа, и один из них постоянно подбивал его на злодеяния; и он, находясь у моря, увидев корабль под парусами, побудил его послать его потопить корабль; он согласился и увидел, как корабль утонул на их глазах". Мистер Бакстер переходит к другой истории о матери, которая дала своему ребенку зверька, похожего на крота, и велела держать его в банке у огня, и он никогда не будет нуждаться; и еще много подобных вещей, которые нянечки рассказывают непослушным детям, чтобы те вели себя тихо.

Примечательно, что в этом отрывке Бакстер называет генерала-колдуна весьма скупой - "некто Хопкинс", не оказывая ему должной справедливости, причитающейся тому, кто обнаружил более сотни ведьм и привел их к признаниям, которые этот добрый человек принял как неопровержимые. Возможно, ученый провидец был одним из тех, кто верил, что Генерал-колдун обманом выманил у дьявола некий меморандум, в который сатана, для пользы своей памяти, конечно, занес все имена ведьм в Англии, и что Хопкинс воспользовался этой [записью](#)⁵⁷.

Примечание-->

57 ([возврат](#))

[Этот упрек замечен в очень редком трактате, который был куплен на распродаже мистера Лорта знаменитым коллекционером мистером Биндли и сейчас находится в распоряжении

автора. Его полное название: "Разоблачение ведьм, в ответ на несколько вопросов, недавно заданных судье ассамблеи графства Норфолк; и теперь опубликованных Мэтью Хопкинсом, охотником за ведьмами, для блага всего королевства. Напечатано для Р. Ройстона, в "Ангеле", в Инн-Лейн. 1647."]

Можно заметить, что времена безвластия и насилия порождают людей, способных извлечь из них выгоду и обладающих характером, подходящим для времени года, которое заставляет их обратить на себя внимание и начать действовать; подобно тому, как порча любого дерева или овоща вызывает к жизни особое насекомое, чтобы питаться и наслаждаться разложением, которое оно произвело. Такой монстр, как Хопкинс, мог существовать только во времена гражданского раздора. Возможно, он был уроженцем Маннингтри в Эссексе; во всяком случае, он жил там в 1644 году, когда в этом городе разразилась эпидемия колдовства. По этому случаю он занялся своим делом и, проявляя больше рвения и знаний, чем другие люди, научился ремеслу колдуна, как он утверждает, опытным путем. Впоследствии ему было разрешено заниматься этим ремеслом как законной профессией, и он переезжал с места на место с помощником по имени Стерн и женщиной. Защищаясь от обвинений в обкрадывании страны, он заявляет, что его обычная плата составляла двадцать шиллингов за город, включая расходы на проживание и проезд туда и обратно с помощниками. Он также утверждает, что никуда не ходил, если его не звали и не приглашали. Его основной способ обнаружения заключался в том, что он раздевал обвиняемых догола и втыкал булавки в различные части их тела, чтобы обнаружить метку ведьмы, которая, как предполагалось, была нанесена дьяволом в знак его власти, и в которую, как говорили, она также сосала своих импов. Он также практиковал и стойко защищал испытание плаванием, когда подозреваемую заворачивали в простыню, связывали большие пальцы рук и ног и тащили через пруд или реку. Если она тонула, то обвинение принималось в пользу обвиняемого; если же тело всплывало (что должно было происходить десять раз за один раз, если его осторожно клали на поверхность воды), то обвиняемый осуждался, по принципу короля Якова, который, рассматривая этот способ суда, утверждает, что, поскольку ведьмы отказались от своего крещения, то справедливо, чтобы стихия, через которую осуществляется священный обряд, отвергла их, что является фигурой речи, а не аргументом. По обычаю Хопкинса, бедняги должны были бодрствовать, чтобы не допустить поощрения со стороны дьявола, и, несомненно, чтобы довести немощных, напуганных, ошарашенных людей до абсолютного безумия; с этой же целью их таскали за собой, пока крайняя усталость и боль в мозолях на ногах не станут дополнительными стимулами к исповеди. Хопкинс признается, что эти последние приемы - держать обвиняемых в состоянии бодрствования и заставлять их ходить с той же целью - первоначально использовались им самим. Но поскольку его трактат - это предполагаемый ответ на обвинения в жестокости и угнетении, он утверждает, что в то время эти методы не использовались, и в последнее время к ним не прибегали.

Гордость английской нации - мужественная независимость и здравый смысл, которые не позволят долго терпеть тиранию или угнетение самых ничтожных и безвестных страдальцев. Многие священнослужители и джентльмены выступили против практики этого жестокого угнетателя беззащитных, и для этого требовалось мужество, когда такой беспринципный злодей был так заинтересован.

Мистер Галл, священнослужитель из Хоутона в Хантингдоншире, имел смелость выступить в печати на стороне слабого; а Хопкинс, в свою очередь, взял на себя смелость написать некоторым функционерам этого места следующее письмо, которое представляет собой

восхитительное сочетание наглости, издевательства и трусости: - "Я представляю ваше служение.

"Служу Вашему Высокопреподобию... Сегодня я получил письмо с просьбой приехать в городок под названием Грейт-Хоутон для поиска лиц со злым умыслом, называемых ведьмами (хотя я слышал, что ваш министр по невежеству настроен далеко не в нашу пользу). Я намерен приехать, с Божьей помощью, чтобы скорее услышать его необычное суждение в отношении таких людей. Я знал одного священника в Саффолке, который так же сильно выступал против этого открытия на кафедре и был вынужден отречься от него [Комитетом](#)⁵⁸ в том же месте. Я очень удивляюсь, что такие злые люди (тем более из духовенства, которое должно ежедневно говорить ужасы, чтобы убедить таких преступников) выступают против тех, кто жалуется на короля и сам страдает, с их семьями и поместьями. Я намерен неожиданно посетить ваш город. Я приеду в Кимболтон на этой неделе, и будет десять к одному, если я приеду в ваш город первым; но я, конечно, хотел бы прежде узнать, много ли в вашем городе загонщиков для такого скота, или готов ли он оказать нам хороший прием и развлечения, как другие, где я бывал, иначе я откажусь от вашего графства (сам я еще не начинал ни в одной его части) и отправлюсь в такие места, где я могу наказывать (не только) без контроля, но с благодарностью и воздаянием. На этом я смиренно удаляюсь и остаюсь вашим слугой, чтобы получить приказ,

"МЭТЬЮ ХОПКИНС".

Примечание-->

58 ([возвращение](#))
["Парламент".]

Разумный и мужественный мистер Галл описывает пытки, применяемые этим парнем, как равные всем тем, что практиковались в инквизиции. "Взяв подозреваемую ведьму, ее ставят посреди комнаты на табурет или стол, скрестив ноги, или в какую-нибудь другую неудобную позу, к которой, если она не подчиняется, ее привязывают веревками; там за ней наблюдают и держат без мяса и сна четыре с двадцатью часами, ибо, как они говорят, за это время они увидят, как ее имп придет и высосет. В двери также проделывают небольшое отверстие, чтобы импы могли входить; а чтобы они не приходили в какой-нибудь менее заметной форме, их учат постоянно прочесывать комнату и, если они увидят пауков или мух, убивать их; а если они не смогут их убить, то могут быть уверены, что это их импы".

Если пытки такого рода применялись к преподобному мистеру Льюису, о смерти которого мистер Бакстер сообщает слишком скупое, то можно представить, что он или любой другой человек действительно настолько устал от жизни, что признал, что с помощью своих импов потопил судно, без всякой цели получить удовлетворение от такого беззакония. Но в другом случае судья потребовал бы доказательств, подтверждающих *наличие тела*, доказательств того, что судно было потеряно в тот период, откуда пришло и куда ушло; словом, чего-то, что позволило бы установить, что вся эта история не была пустым воображением человека, который мог быть совершенно невменяемым и, несомненно, был таковым в тот момент, когда сделал признание. Джон Льюис был представлен к викарию Брэндитона, близ

Фрамлингтона, в Саффолке, 6 мая 1596 года, где он прожил около пятидесяти лет, пока не был казнен как волшебник на основании доказательств, которые мы уже видели. Несмотря на историю с его предполагаемым признанием, он мужественно защищал себя на суде и, вероятно, был осужден скорее как роялист и злопыхатель, чем по какой-либо другой причине. На казни он проявил немалую энергию, а чтобы над его телом была отслужена церковная панихида, он читал ее вслух про себя по дороге к виселице.

Мы видели, что в 1647 году тон Хопкинса понизился, и он начал отказываться от некоторых жестокостей, которые практиковал раньше. Примерно в то же время несчастная старуха попала в жестокие руки этого злодея возле Хоксна, деревни в Саффолке, и, пробыв без еды и отдыха достаточное время, призналась во всех обычных жестокостях. "Ее имп, - сказала она, - звали Нэн". Один джентльмен из окрестностей, чья вдова осталась в живых, чтобы подтвердить достоверность этой истории, был настолько возмущен, что отправился в дом, забрал женщину из таких бесчеловечных рук, отпустил колдунов, и после должного питания и отдыха бедная старушка не смогла вспомнить ничего из признания, кроме того, что она дала любимому пультке имя Нэн. По этому поводу можно сослаться на доктора Хатчисона, который цитирует письмо мощи гуманного джентльмена.

В 1645 году была отправлена комиссия парламента, в которую входили два священнослужителя, пользовавшиеся уважением ведущей партии, один из которых, мистер Фэрклоу из Келлара, проповедовал перед остальными на тему колдовства; после этой видимости расследования инквизиция и казни продолжались, как и прежде. Но народное негодование было так сильно возбуждено против Хопкинса, что некоторые джентльмены схватили его и подвергли его любимому испытанию - плаванию, на котором, как оказалось, он плавал, и его осудили за колдовство, и таким образом страна избавилась от него. Был ли он утоплен прямо или нет, точно не известно, но он удостоился чести быть упомянутым автором "Гудибраса": - "Не этот ли нынешний парламент?

"Не нынешний ли парламент
A leiger to the devil sent,
Полностью уполномоченный заниматься
Выискивать восставших ведьм?
И не он ли в течение года
Не повесил три десятка из них в одном графстве?
Одних только за то, что они не утонули,
А некоторые за то, что сидели над землей
Целые дни и ночи на своих штанах,
и чувствовали боль, были повешены за ведьм.
А некоторых за то, что они устраивали злые фокусы
над зелеными гусями или птенцами индейки;
Или свиней, которые внезапно умерли
От горя неестественного, как он догадывался,
Кто в конце концов доказал, что он ведьма,
И сделал жезл для своей груди". 59

Примечание-->

59 (возвращение)

["Гудибрас", часть ii. канто 3].

Понимающий читатель легко поймет, что это изменение течения в пользу тех, кто не одобрял преследования ведьм, должно было получить поддержку из какого-то весомого и влиятельного круга; Однако может показаться довольно странным, что этот дух снисходительности должен был быть результатом особых принципов тех сектантов всех деноминаций, которых в целом классифицируют как индипендентов, которые, хотя они первоначально обхаживали пресвитериан как более многочисленную и преобладающую партию, в конце концов освободились от этой связи, и в конечном итоге боролись с ними и победили их. Индипенденты отличались самой дикой свободой в своих религиозных догматах, смешанной со многими нелепостями и мистикой. Они отвергали даже звание регулярного духовенства и позволяли проповедовать любому, кто мог собрать общину, которая могла бы его поддержать, или кто был готов безвозмездно служить духовным нуждам своих слушателей. Хотя такая расхлябанность дисциплины давала простор самому необузданному энтузиазму и давала простор всем возможным разновидностям доктрин, с другой стороны, она обладала неоценимой рекомендацией, способствуя такой степени всеобщей терпимости, которая в то время была неизвестна ни одному другому христианскому установлению. Сам гений религии, допускавшей разделение на секты до *бесконечности*, исключал возможность судебного преследования любой из них за ересь или вероотступничество. Если бы даже существовала секта манихеев, поклоняющихся Злому Принципу, можно не сомневаться, что другие секты считали бы их абсолютными изгоями в церковном мире; и, к счастью, те же чувства побуждали их с ужасом относиться к преследованиям за колдовство. Таким образом, независимые, когда при Кромвеле они добились превосходства над пресвитерианами, которые до определенного момента были их союзниками, были склонны противодействовать жестокости таких процессов под предлогом колдовства, которые проводились несчастным Хопкинсом в Эссексе, Норфолке и Саффолке в течение трех или четырех лет до 1647 года.

Возвращение Карла II к короне и королевству в какой-то мере сдержало всеобщее и повальное применение законов против колдовства во время Гражданской войны. Тем не менее, статут 1-го короля Якова все еще сохранялся; и маловероятно, учитывая характер принца, что он, чтобы спасти жизнь нескольких стариков или женщин, рискнул бы навлечь на себя одиозность поощрения или пощады преступления, которое до сих пор вызывает ужас у значительной части его подданных. Однако закон, как правило, применялся мудрыми и умелыми судьями, и обвиняемый имел столько шансов на спасение, сколько позволяла строгость абсурдного закона.

Глупость, как это очевидно, в некоторых случаях оставалась преобладающей. В 1663 году старая дама по имени Джулиан Кокс была осуждена главным образом на основании показаний егеря, который заявил под присягой, что натравил своих борзых на зайца и, подойдя к тому месту, где увидел, как они ее пасти, обнаружил по другую сторону куста Джулиан Кокс, лежащую запыхавшуюся и бездыханную, так, чтобы убедить его, что она была тем существом, которое дало ему ход. Несчастная женщина была казнена на основании этого доказательства.

Через два года после этого (1664) мы с сожалением должны привести слова почтенного и благочестивого сэра Мэтью Хейлза, который председательствовал на суде, в результате которого Эми Данни и Роуз Каллендер были повешены в Сент-Эдмондсбери. Но ни один

человек, если только он не находится в особых обстоятельствах, не может освободиться от предрассудков своей нации и эпохи. Доказательства против обвиняемых сводились, во-первых, к действию заклинаний, используемых невежественными людьми для противодействия предполагаемому колдовству; их использование, согласно статуту Якова I, было столь же преступным, как и колдовство, которое эти контрчары должны были нейтрализовать. Во-вторых, две старые женщины, которым было отказано даже в привилегии купить несколько селедок, выразили свое нетерпение, в результате чего заболел ребенок торговца селедками. В-третьих, повозка въехала в жалкий домик Эми Данни. Она, конечно, выругалась, и вскоре после этого повозка - чего хороший водитель вряд ли поймет - застряла в воротах, где ее колеса не коснулись ни одного из столбов, и при этом легко двинулась вперед на одном из столбов (который ей *не мешал*), будучи срубленным. В-четвертых, одна из пострадавших девушек, будучи плотно закутанной, внезапно впала в припадок, когда к ней прикоснулась одна из предполагаемых ведьм. Но при другом испытании выяснилось, что человек с завязанными глазами впадал в такое же бешенство от прикосновения ничего не подозревающего человека. Возможно, судьбу обвиняемого решило свидетельство знаменитого сэра Томаса Брауна о том, что "припадки были естественными, но усиливались силой дьявола, сотрудничавшего со злобой ведьм" - странное мнение, конечно, от автора трактата о "Вульгарных ошибках" ⁶⁰.

Примечание-->

60 (возвращение)

[См. рассказ о сэре Т. Брауне в № XIV "Семейной библиотеки" ("Жизни британских врачей"), с. 60].

Но факел науки был уже достаточно зажжен и сиял более чем в одном королевстве мира, пуская свои лучи во все стороны и улавливая все средства, которые были рассчитаны на увеличение освещенности. Королевское общество, возникшее в Оксфорде на основе частного объединения, собравшегося в покоях доктора Уилкина в 1652 году, на следующий год после Реставрации было учреждено королевской хартией и начало публиковать свои отчеты, придавая новый и более рациональный характер занятиям философией.

Во Франции, где только воля правительства могла добиться больших перемен, следствием возросшего духа научных открытий стало то, что был положен решительный конец преследованиям ведьм, которые до этого были столь же распространены в этом королевстве, как и в Англии. Примерно в 1672 году в Нормандии произошел всеобщий арест многих пастухов и других людей, и парламент Руана приготовился провести расследование с обычной суровостью. Но приказ, или *arret*, короля (Людовика XIV.), с советом его совета, повелевающий освободить и защитить всех этих несчастных, имел самые благотворные последствия по всему королевству. Была также основана Французская академия наук; в подражание ей общество ученых немцев основало аналогичное учреждение в Лейпциге. Предрассудки, какими бы старыми они ни были, были побеждены и взяты под контроль; многое было объяснено на естественных принципах, что до сих пор вменялось в вину духовным силам; все, казалось, обещало, что дальнейший доступ к тайнам природы может быть открыт для тех, кто будет продолжать свои исследования экспериментально и

аналитически; и масса древних мнений, которые довели над темным предметом, о котором мы говорим, стала осмеиваться и отвергаться людьми разумными и образованными.

Во многих случаях добыча отнималась у расхитителя. Прагматичный мировой судья в Сомерсетшире начал расследование преступлений против статута Якова I, и если бы ему позволили продолжить его, мистер Хант мог бы получить такое же известное имя в поисках ведьм, как и мистер Хопкинс; но его исследования были остановлены высшей властью - жизни арестованных бедняг (в количестве двенадцати человек) были спасены, и страна осталась спокойной, хотя предполагаемые ведьмы были оставлены в живых. Экспертизы свидетельствуют о некоторых любопытных деталях, которые можно найти в *Sadducismus Triumphatus*: Ибо среди обычной вереницы хмурых, причудливых или, как их называли, страдающих детей, которых приводили в клуб, чтобы они рассказывали о своих приступах, голоде и криках, были и замечательные признания обвиняемых, из которых мы узнаем, что Сомерсет Сатана набирал своих ведьм, подобно хитрому сержанту-рекрутеру, с одним шиллингом в руке и двенадцатью в обещаниях; Что когда партия чудаковатых сестер шла на собрание ведьм, они использовали магические слова: *Thout, tout, throughout, and about*; и что когда они уходили, то восклицали: *Rentum, Tormentum*! Далее нам сообщают, что его адское высочество, уходя, оставляет после себя запах, причем, по выражению нянечки, не очень приятный. По поводу этого факта у нас есть любопытное объяснение мистера Гланвилла. "Это, - согласно этому уважаемому авторитету, - похоже, подразумевает реальность дела: те асцитические частицы, которые он держал вместе в своей разумной форме, были ослаблены при исчезновении и таким образом оскорбляли ноздри, плавая и распространяясь в открытом воздухе" ⁶¹.⁶¹ Как сильно мы сожалеем о том, что открытие мистера судьи Ханта "об этом адском виде ведьм", само по себе столь ясное и понятное и содержащее столь ценную информацию, было задушено, встретив сопротивление и отпор со стороны некоторых тогдашних авторитетов!

Примечание-->

61 (возвращение)

["Сборник отношений" Глэнвилла].

Лорд-хранитель Гилдфорд также препятствовал процессам против ведьм. В самом деле, можно отметить, что во второй половине семнадцатого века там, где судьи были людьми образованными и мужественными, владеющими информацией того времени, они тщательно следили за поспешным невежеством и предрассудками присяжных, давая им более точное представление о безразличной ценности признаний самих обвиняемых и показаний, полученных из притворных видений тех, кого предполагали околдованными. Там же, где судьи, напротив, разделяли вульгарные представления о подобном очаровании или довольствовались тем, что оставляли доказательства на усмотрение присяжных, боясь противостоять общему крику, слишком распространенному в таких случаях, часто следовал обвинительный вердикт.

Роджер Норт сообщил нам, что подобный случай произошел на ассамблее в Эксетере, где его брат, лорд-главный судья, не вмешивался в коронные процессы, а другой судья оставил на казнь бедную старуху, осужденную, как обычно, на основании ее собственного признания

и показаний соседа, который рассказал, что видел, как однажды вечером в сумерках в окно коттеджа обвиняемой запрыгнула кошка и что он свято верил, что эта кошка - дьявол; На основании этих ценных показаний бедняга был повешен. В другой раз, примерно в то же время, страсти великих и малых вульгарных людей были настолько возбуждены оправданием престарелой деревенской дамы, которую судья приложил немало усилий, чтобы спасти, что сэр Джон Лонг, человек знатный и состоятельный, пришел к судье в величайшем недоумении, прося не разрешать каргам вернуться в свой жалкий домик в его поместье, поскольку все его арендаторы в этом случае грозились покинуть его. Из сострадания к джентльмену, которому грозило разорение по столь прихотливой причине, опасную старуху назначили на содержание в городе, где она была оправдана, с оплатой в полкроны в неделю от прихода, к которому она принадлежала. Но вот! В период между двумя судебными заседаниями сэр Джон Лонг и его фермеры набрались смелости и подали прошение о том, чтобы эту ведьму вернули к ним со всеми ее ужасами, поскольку они могли содержать ее у себя на шиллинг в неделю дешевле, чем они были обязаны платить городу за ее содержание. На одном из последующих процессов, проходившем перед самым лордом-главным судьей Нортон, этот судья обнаружил одну из тех практик, которые, надо сказать, были слишком распространены в то время, когда свидетели находили выгоду в том, чтобы притворяться околдованными. Женщина, которая, как предполагалось, стала жертвой колдуна-мужчины, присутствовавшего на суде, вырвала булавки в большом количестве, причем прямые, отличающиеся от кривых булавок, которые обычно выпускают в такие моменты, и которые легче спрятать во рту. Однако судья, допросив откровенного свидетеля, выяснил, что, симулируя судорожные припадки, женщина опускала голову на грудь, чтобы достать губами булавки, которые она положила в желудок. Мужчина, разумеется, был оправдан. Присутствовавшая при этом страшная старая карга так отличилась своими благопожеланиями судье, что тот поинтересовался причиной особого интереса, который она проявила к оправдательному приговору. "Двадцать лет назад, - сказала бедная женщина, - меня бы повесили за ведьму, но не смогли; а теперь, если бы не ваша светлость, они бы убили моего невинного сына" ⁶².

Примечание-->

62 (обратно)

["Жизнь лорда-хранителя Гилфорда" Роджера Норта].

Подобные сцены часто происходили на заседаниях суда, в то время как деревенские джентльмены, такие как превосходный сэр Роджер де Коверли, не скрывали своего ужаса, с которым их арендаторы, слуги и арендаторы относились к некоей старой Молль Уайт, которая натравливала гончих и опустошала поля градом и ураганами. Сэр Джон Рересби после рассказа о бедной женщине, которую судили за ведьму в Йорке в 1686 году и оправдали, как он считал, очень правильно, продолжает рассказывать, что, несмотря на это, часовой в тюрьме, где она содержалась, заявил, "что видел, как из-под двери тюрьмы выполз бумажный свиток и превратился сначала в обезьяну, а потом в индейку, что подтвердил смотритель тюрьмы". "Это, - говорит сэр Джон, - я слышал из уст обоих, и теперь оставляю это на усмотрение читателя - верить или не верить".⁶³ Мы видим, что Рересби, государственный деятель и солдат, еще не "вырвал старуху из своего сердца". Даже сам

Аддисон в своем недоверии к этому преступлению не осмелился пойти дальше, чем утверждать, что, хотя колдовство может существовать и существует, не существует такого понятия, как современный случай, доказанный компетентно.

Примечание-->

63 (возвращение)

["Мемуары сэра Джона Пересби", стр. 237].

В 1682 году три несчастные женщины по имени Сьюзен Эдвардс, Мэри Тремблз и Темперанс Ллойд были повешены в Эксетере за колдовство, и, как обычно, по их собственному признанию. Считается, что это была последняя казнь такого рода в Англии под формой судебного приговора. Но древнее суеверие, столь интересное для вульгарного легковерия, подобно осадку, очищающемуся от воды, опускалось все более глубокой тенью на невежественные и низшие слои общества по мере того, как высшие слои очищались от его влияния. Население, включая невежественных людей всех сословий, с большей яростью выступало против ведьм, когда их страсти однажды возбуждались, пропорционально снисходительности, проявляемой к объектам их негодования теми, кто управлял законами. Было несколько случаев, когда толпа, впечатленная убежденностью в виновности некоторых обездоленных старых существ, брала закон в свои руки и, опираясь на такие доказательства, к которым Хопкинс мог бы прибегнуть, сразу же, при собственном задержании, устанавливала их преступность и назначала заслуженное наказание.

Следующий пример таких незаконных и бесчеловечных действий произошел в Оукли, недалеко от Бедфорда, 12 июля 1707 года. Там была одна женщина, старше шестидесяти лет, которая, будучи обвиненной в колдовстве, желала избавиться от столь пагубного подозрения и примирить добрую волю своих соседей, позволив им уклониться от нее. Приходские служители настолько согласились на их гуманный эксперимент, что пообещали бедной женщине гиней, если она очистит себя, утонув. Несчастную связали мокрой простыней, переплели большие пальцы рук и ног, сорвали с нее чепец и обыскали всю ее одежду в поисках булавок, поскольку существует мнение, что одна булавка портит действие талисмана. Затем ее протащили через реку Оус на веревке, обвязанной вокруг ее середины. К несчастью для бедной женщины, ее тело всплыло, хотя голова осталась под водой. Эксперимент был проведен трижды с тем же эффектом. Крики о том, чтобы повесить или утопить ведьму, стали всеобщими, и пока она полумертвая лежала на берегу, ее засыпали упреками и почти не сдерживали ударов. Один гуманный прохожий принял в этом участие, за что подвергся грубому обращению. К счастью, один из толпы в конце концов предложил провести дополнительный эксперимент - взвесить ведьму на церковной Библии. Друг человечества ухватился за это средство спасения, подкрепив предложение ошеломляющим аргументом, что Писание, будучи делом рук самого Бога, должно обязательно перевесить все операции или вассалов дьявола. Доводы были приняты как неопровержимые, тем более что они сулили новый вид развлечений. Затем женщину взвесили на церковной Библии весом в двенадцать фунтов, и, поскольку она значительно перевесила, ее с почестями отпустили. Но многие из толпы посчитали ее оправдание незаконным и хотели, чтобы

бедную женщину утопили или повесили по результатам ее уклонения, как более достоверного вида испытания.

В конце концов, аналогичный случай бесчеловечности, имевший совершенно иное завершение, привел к окончательной отмене закона Якова I, оправдывавшего подобные жестокие действия. Престарелый нищий по имени Осборн и его жена, проживавшие неподалеку от Тринга в Стаффордшире, попали под подозрение толпы из-за предполагаемого колдовства. Присмотрщики за бедняками, понимая, что толпа задумала искупать этих немощных существ, о чем и заявила в своем воззвании, попытались противостоять их намерениям, заперев несчастную пару в ризнице, которую они забаррикадировали. Однако им не удалось защитить их так, как они намеревались. Толпа выломала дверь, схватила обвиняемых и с невыразимой жестокостью продолжала тащить несчастных по луже воды, пока женщина не лишилась жизни. Зверь в человеческом обличье, руководивший убийством, вышел к зрителям и потребовал денег за показанное им развлечение! Жизнь другой жертвы удалось спасти с большим трудом. За участие в этом бесчеловечном поступке судили трех человек. Только один из них, по имени Колли, был осужден и повешен. Когда его привели в исполнение, толпа, вместо того чтобы, как обычно, собраться вокруг виселицы, стояла в отдалении и издевалась над теми, кто предавал смерти, по их словам, честного человека за то, что он избавил приход от проклятой ведьмы. Это отвратительное убийство было совершено 30 июля 1751 года.

Повторение подобных ужасов, склонность народа к столь жестоким и душераздирающим суевериям были отслежены законодательной властью до их источника, а именно до еще не отмененного статута Якова I. Соответственно, в соответствии с 9-м Георгием II. сар. 5, этот одиозный закон, так долго вызывавший ужас у всех древних и нищих женщин в королевстве, был отменен, и все уголовные процедуры на тему колдовства или ведьмовства были прекращены в будущем по всей Великобритании; для тех, кто должен претендовать на мастерство гадалок, открывателей краденого или тому подобное, было оставлено наказание в исправительном доме, как положено для мошенников и бродяг. С тех пор о колдовстве в Англии почти не слышали, и хотя вера в его существование в отдаленных уголках пережила закон, признававший доказательства преступления и назначавший наказание, - все же такая вера постепенно забывается, поскольку у сброда исчезли все предлоги пробудить ее своими буйными действиями. В редких случаях случались попытки, подобные той, за которую пострадал Колли; одна из них, как я заметил, сохранилась в этом любопытном реестре знаний, "Популярных развлечений" мистера Хоуна, из которого следует, что еще в конце прошлого века эта жестокость практиковалась, хотя, к счастью, без человеческих жертв.

Ирландский статут против колдовства, как видно, все еще существует. В королевстве не произошло ничего, что могло бы послужить основанием для его официальной отмены; однако он считается устаревшим, и если бы в наши дни была предпринята попытка совершить столь дикую вещь, ни одна процедура, несомненно, не была бы теперь разрешена на его основании.

Если бы требовалось подтвердить общее положение о том, что эпидемический ужас перед колдовством усиливается и становится всеобщим пропорционально увеличению числа судебных преследований ведьм, достаточно было бы привести некоторые экстраординарные случаи, произошедшие в Новой Англии. Здесь можно лишь вкратце рассказать об ужасных галлюцинациях, которыми колонисты этой провинции некоторое время были охвачены и угнетены странным заразным ужасом, и о том, как внезапно и необычно он был излечен даже собственным избытком; но это слишком убедительное

доказательство мнимого характера этого отвратительного расстройства, чтобы полностью его пресечь.

Новая Англия, как известно, была заселена в основном эмигрантами, которым до великой Гражданской войны не нравилось церковное и государственное правление Карла I. Многие из наиболее состоятельных поселенцев были пресвитерианами и кальвинистами; другие, менее многочисленные и менее влиятельные из-за своего состояния, были квакерами, анабаптистами или членами других сект, которые объединялись под общим названием "независимые". Кальвинисты принесли с собой то же рвение к религии и строгую мораль, которые отличали их повсюду. К сожалению, они не были мудры в соответствии со своим рвением, а склонны были верить в сверхъестественное и прямое личное общение между дьяволом и его вассалами - заблуждение, которому, как мы постарались показать, с самого начала были особенно подвержены их собратья в Европе. В несовершенной стране, где частично улучшенные места были укрыты в недоступных лесах, населенных многочисленными племенами дикарей, естественно, что склонность к суевериям скорее набирала, чем теряла почву, и что к другим опасностям и ужасам, которыми они были окружены, колонисты должны были добавить страх перед дьяволом, не только как перед Злым Принципом, искушающим человеческую природу к греху и тем самым ставящим под угрозу наше спасение, но и как перед колдунами и ведьмами, вместе с которыми они причиняют смерть и мучения детям и другим людям.

Первый случай, который я наблюдал, был связан с четырьмя детьми человека по имени Джон Гудвин, каменщика. Старшая, девочка, поссорилась с прачкой семьи из-за испорченного белья. Мать прачки, старая ирландка, невежественная, вспыльчивая и нетерпеливая, отругала обвинительницу, и вскоре после этого старшая Гудвин, ее сестра и два брата заболели такими странными болезнями, что все соседи решили, что они заколдованы. Они вели себя так, как обычно ведут себя люди, страдающие от болезней, вызванных подобным влиянием. В одно время они так сильно сжимали свои шеи, что суставы невозможно было сдвинуть с места; в другое время их шеи были такими гибкими и податливыми, что казалось, кости растворились. У них были сильные конвульсии, при которых их челюсти щелкали с силой пружинной ловушки, поставленной на паразитов. Их конечности причудливо искривлялись, и тем, кто был неравнодушен к чудесному, казалось, что они полностью вывихнуты и смещены. Среди этих искажений они кричали на бедную старуху, которую звали Гловер, утверждая, что она находится рядом с ними и усугубляет их мучения. Несчастная ирландка, с трудом владевшая английским языком, повторяла Pater Noster и Ave Maria как добропорядочная католичка, но некоторые слова она забыла. Поэтому предполагалось, что она не способна произнести все последовательно и правильно, и ее осудили и казнили соответствующим образом.

Но дети Гудвина сочли свое ремесло слишком выгодным, чтобы от него отказываться, и старшая из них, в частности, продолжала проявлять все внешние признаки колдовства и одержимости. Некоторые из них были прекрасно рассчитаны на то, чтобы польстить самоощущению и предрассудкам кальвинистских священников, к которым она ходила, и, соответственно, носили в самой своей передней части характер изученного и добровольного самозванства. Девушка, действуя, как предполагалось, под влиянием дьявола, читала квакерские трактаты с легкостью и видимым удовольствием; но к книге, написанной против бедных незащищенных Друзей, дьявол не позволил бы своей жертве прикоснуться. Она могла смотреть на молитвенник Англиканской церкви и читать содержащиеся в нем части Писания без труда и препятствий; Но овладевший ею дух впадал в припадки, если она пыталась читать те же места из Библии, как будто благоговение, которое, как предполагается, изверги

питают к Священному Писанию, зависело не от смысла слов, а от расположения страниц и шрифта, которым они были напечатаны. Этот необычный вид лести был призван пленить священнослужителя через его профессиональные взгляды; другие были более сугубо личными. Пострадавшая девица, по-видимому, в чем-то напоминала Инаморату из "Смака, Плюка, Ловца и компании" и, подобно ей, испытывала как веселые, так и меланхоличные приступы. Она часто воображала, что ее сопровождающие духи привели ей красивого пони, чтобы она ускакала с ними на свидание. В таких случаях она пружинисто поднималась вверх, как бы садясь на лошадь, а затем, все еще сидя на стуле, с ловкостью и проворством имитировала движения животного, вышагивая, рыся и скача, как ребенок на коленях у няни; но когда она скакала таким образом по лестнице, то не могла войти в кабинет священника, а когда ее силой втаскивали туда, то становилась вполне здоровой и стояла как разумное существо. "Для этого были приведены причины, - говорит простой священник, - которые кажутся скорее добрыми, чем правдивыми". Вскоре после этого она, похоже, стала относиться к бедному божеству с такой ласковостью и вниманием, которые приводили его в большее смущение, чем ее прежняя жестокость. Она врывается к нему во время занятий, чтобы уговорить его спуститься вниз, и таким образом, прерывая его занятия, несомненно, способствовала царству Сатаны. В конце концов Гудвины излечились, или казалось, что излечились. Но пример был подан и подхвачен, и кровь бедной дамы Гловер, послужившая вступлением к этой истории о лошади, должна была стать предвестницей новых жестокостей и ужасающе более распространенных глупостей.

Эта сцена открылась болезнью двух девушек, дочери и племянницы мистера Парвиса, священника из Салема, которые попали под болезнь, подобную той, что была у Гудвинов. Их рты были закрыты, горло сдавлено, конечности тряслись, в плоть были воткнуты шипы, а из живота извлекались булавы. Индеец и его жена, слуги семьи, пытались с помощью каких-то своих чар узнать, кем были наложены смертельные чары на детей их хозяина, попали под подозрение и были повешены. Судьи и присяжные упорствовали, воодушевленные открытием вины этих бедных индейцев и надеясь, что таким образом они смогут изгнать из колонии авторов подобных практик. По словам историка Мазера, они действовали из совестливого желания поступить справедливо, но случаи колдовства и одержимости участились, как будто они передавались заразой, и те же призрачные свидетельства, которые послужили причиной осуждения индианки Титу, стали, как правило, роковыми. Страдающие не видели призраков, как их называли, тех, кто их мучил. Против такого рода доказательств нельзя было выдвинуть *алиби*, поскольку, как мы уже говорили, признавалось, что реальные лица обвиняемых там не присутствовали; все упиралось в предположение, что страдальцы говорили правду, поскольку их показания невозможно было оспорить. Призраки обычно представляли, что предлагают своим жертвам книгу, подписав которую, они избавятся от мучений. Иногда дьявол являлся лично и добавлял свое красноречие, чтобы склонить страдальцев к согласию.

Поначалу, что вполне естественно, в это дело вовлекались только бедные и несчастные; но вскоре, когда такие доказательства были признаны неопровержимыми, страдальцам стали являться призраки людей более высокого положения и безупречной жизни, некоторые из них были арестованы, другим удалось бежать, а нескольких казнили. Чем больше было страдающих, тем больше становилось страдальцев, и тем шире и многочисленнее становились доносы на предполагаемых ведьм. Обвиняемые были разного возраста. Некоторые страдальцы обвинили ребенка пяти лет, вообразив, что видит, как этот малолетний волшебник активно мучает их, и сослались на следы маленьких зубов на теле, где, по их словам, он их укусил. Была повешена и бедная собака, которая якобы участвовала в этом адском преследовании. Эти грубые оскорбления здравого смысла вызвали

отвращение в обществе, но только после того, как в жертву было принесено множество жизней. Таким образом, были казнены девятнадцать мужчин и женщин, а также один мужественный человек по имени Кори, который отказался признать свою вину и был приговорен к смерти по старому закону. По этому ужасному случаю произошло отвратительное для человечества обстоятельство, о котором еще предстоит рассказать, чтобы показать, как суеверие может ожесточить сердце человека против страданий его ближних. Умиравший в предсмертной агонии высунул язык, который шериф засунул тростью обратно в рот. Восемь человек были осуждены помимо тех, кто действительно пострадал, и не менее двухсот находились в тюрьме и под следствием.

Тогда люди стали спрашивать, не может ли дьявол искусно обмануть страдальцев, обвинив добрых и невинных людей, представив ведьм и извергов в облике непорочных людей, занятых мучениями своих больных соотечественников. Этот аргумент ни в коем случае не противоречил вере в колдовство, и поэтому к нему охотнее прислушивались. Кроме того, люди понимали, что никакое звание или состояние не спасет их от опасности этого ужасного обвинения, если они будут продолжать поощрять свидетелей в столь неограниченном ходе, который до сих пор был им предоставлен. Под влиянием этих размышлений поселенцы пробудились как ото сна, и голос общественности, который еще недавно требовал отомстить всем, кого подозревали в колдовстве, теперь, напротив, стал сетовать на пролитую кровь, сильно подозревая, что часть ее, по крайней мере, была принесена в жертву невинно и несправедливо. Говоря языком самого Мазера, который мы используем как язык человека, глубоко убежденного в реальности преступления, "опыт показал, что чем больше было задержанных, тем больше было тех, кто все еще страдал от сатаны, и число признаний увеличивалось, но увеличивалось и число обвиняемых, и казнь одних уступала место задержанию других. Ибо страждущие все еще жаловались на то, что их мучают новые объекты, когда прежние удаляются, так что некоторые из тех, кого это касалось, удивлялись количеству и состоянию обвиняемых и боялись, что сатана своими хитростями обвел невинных людей вокруг пальца, вменив им это преступление; и наконец, как было очевидно, необходимо положить конец, иначе поколение Царства Божьего попадет под осуждение "[64](#).

Примечание-->

64 ([возвращение](#))

["Magnalia" Мазера, книга vi. глава lxxxii. Ревностный автор, однако, сожалеет о всеобщем заключении в тюрьму по обвинению в колдовстве и считает, что, если бы времена были спокойными, дело могло бы потребовать более тщательного расследования, и что в целом оно было прекращено слишком резко. Но, учитывая нравы времени, он откровенно признает, что лучше действовать умеренно в вопросах капитала и позволить виновным скрыться, чем рисковать уничтожением невинных].

Поэтому преследования были внезапно прекращены, заключенные уволены, осужденные помилованы, и даже те, кто признался, число которых было весьма необычным, были помилованы среди прочих; и автор, которого мы только что цитировали, так описывает результат: "Когда это преследование прекратилось, Господь так сковал сатану, что

страдальцы вскоре выздоровели. Обвиняемые в целом успокоились, и в течение пяти лет к нам не было подобных притеснений".

К этому следует добавить, что община Салема вынудила мистера Парвиса, в семье которого начались беспорядки и который, как они утверждали, был тем человеком, от которого они исходили в самом начале, покинуть свое поселение среди них. Те из обвиняемых, кто признался в совершении вменяемых им колдовских действий, как правило, отрицали и отказывались от своих признаний, утверждая, что они были сделаны под страхом пыток, под влиянием уговоров или при других обстоятельствах, не зависящих от их свободной воли. Несколько судей и присяжных, участвовавших в вынесении приговора тем, кто был казнен, опубликовали свои покаяния за опрометчивость, с которой они осудили этих несчастных; а один из судей, человек, занимавший важное положение в колонии, до конца своей жизни отмечал годовщину первой казни как день торжественного поста и унижения за свою долю в этом деле. Даже варварские индейцы были поражены увлеченностью английских колонистов этим событием и проводили невыгодные сравнения между ними и французами, среди которых, как они заметили, "Великий Дух не посылает ведьм".

Далее мы должны обратить внимание на систему колдовства в Шотландии, поскольку она в некоторых отношениях отличается от английской, сохранилась до более позднего времени и преследовалась с гораздо большей строгостью.

ПИСЬМО IX.

Шотландские судебные процессы: граф Мар - леди Гламмис - Уильям Бартон - ведьмы из Аулдирна - их обряды и чары - их превращение в зайцев - суровость Сатаны по отношению к ним - их преступления - мнение сэра Джорджа Маккензи о колдовстве - обстоятельства признаний, сделанных обвиняемыми, Способ судебной процедуры против ведьм и характер допустимых доказательств открывали дверь для обвинителей и не оставляли обвиняемым шансов на спасение - Суеверие шотландского духовенства во времена короля Якова VI. Во времена короля Якова VI они, как и их государь, поощряли преследования ведьм - дело Бесси Грэм - предполагаемый заговор с целью потопить корабль Якова во время его путешествия в Данию - собрания ведьм, Сэр Джон Клерк был одним из первых, кто отказался выступать в качестве комиссара на суде над ведьмой - ведьмы Пейсли и Питтенвима - преследование в Китнесе, предотвращенное вмешательством королевского адвоката в 1718 году - последний смертный приговор за колдовство, вынесенный в Шотландии в 1722 году - остатки суеверия о ведьмах - дело о предполагаемом колдовстве, рассказанный на

основе собственных знаний автора, который произошёл в 1800 году.

В течение многих лет шотландский народ отличался легковерием в колдовство, и в летописях неоднократно приводились примеры кровавых казней по этому печальному обвинению. Знакомство со слабым фундаментом, на котором Боэций и Бьюкенен построили раннюю часть своих историй, может заставить нас усомниться в том, что король по имени Даффус когда-либо царствовал в Шотландии, и, более того, что он умер по вине банды ведьм, которые подвергали мучениям изображение, сделанное в его честь, чтобы приблизить его смерть. В сказке о Макбете, которая является еще одним ранним примером демонологии в шотландской истории, странные сестры, которые были первоначальными пророчицами, явились узурпатору во сне и описаны как *volæ*, или *sibyls*, а не как ведьмы, хотя Шекспир наложил на них неизгладимую печать последнего характера.

Одно из самых ранних важных дел, основанных на колдовстве, было, как и в случае с герцогиней Глостерской и другими жителями братской страны, сопряжено с обвинениями политического характера, которые, а не колдовство, привели виновных к их судьбе. Граф Мар, брат Якова III Шотландского, попал под подозрение короля за то, что советовался с ведьмами и колдунами, как сократить дни короля. По такому обвинению, весьма неясно сформулированному, несчастный Мар был задушен до смерти в собственных покоях без суда и следствия; сразу после этого катастрофы двенадцать женщин неясного происхождения и три или четыре волшебницы, или колдуньи, как их называли, были сожжены в Эдинбурге, чтобы придать окраску вине графа.

В 1537 году жертвой аналогичного обвинения стала знатная матрона. Это была Джанет Дуглас, леди Глэммис, которая вместе со своим сыном, вторым мужем и несколькими другими обвинялась в покушении на жизнь Джеймса с помощью яда с целью восстановления рода Дугласов, главой которого был брат леди Глэммис, граф Ангус. Она умерла, очень жалея людей, которые, похоже, считали, что статьи против нее сфабрикованы с целью лишить ее жизни, поскольку ее род и само имя были так неприятны королю.

До казни этой дамы, похоже, было не так уж много случаев преследования до смерти по обвинению в колдовстве, хотя отсутствие судебных записей того периода оставляет нас в неясности. Но в конце XV - начале XVI веков, когда подобные обвинения распространились по всей Европе, в Шотландии подобные случаи происходили очень часто и, как мы уже заметили, иногда носили своеобразный характер. Действительно, в большинстве подобных историй есть определенное однообразие. Вассалов обычно побуждают продать себя за небольшую цену Автору Илл, который, имея обыкновение иметь дело с женщинами, ведет очень жесткую торговлю. Напротив, когда ему было угодно выступить в роли женщины в подобном случае, он принес своему галанту, некоему Уильяму Бартону, состояние в размере не менее пятнадцати фунтов, что, даже если предположить, что это были шотландские монеты, было очень щедрым даром по сравнению с его скупым поведением по отношению к представительницам прекрасного пола в подобном случае. В этом случае он также не передал фальшивую монету, а, напротив, щедро одарил Бертону мерком, чтобы пятнадцать фунтов остались целыми. Комментируя поведение Сатаны в этом деле, мастер Джордж Синклер замечает, что, к счастью, Врагу редко позволяют давать столь высокие взятки (15 шотландских фунтов), ибо в этом случае он мог бы найти мало мужчин или женщин, способных противостоять его щедрости. Я считаю, что это одно из самых суровых отражений бедности наших предков, которые дошли до нас.

Во многих процессах над шотландскими ведьмами, в том, что касается описания Домданиэля Сатаны и субботы, которую он там празднует, северное суеверие совпадает с английским. Но некоторые из признаний отходят от монотонности повторений и добавляют несколько более причудливых обстоятельств, чем те, что встречаются в общем случае. Исповедь Изобель Гоуди, о которой уже упоминалось, чрезвычайно подробна, и хотя бы часть ее можно процитировать, поскольку другие отрывки не слишком назидательны. Ведьм в Аулдирне, по словам этой кающейся, было так много, что их разбили на отряды, или, как их называли, *ковины*, в каждый из которых назначили по два офицера. Одна из них называлась Девой Ковины и обычно, подобно Нэнни из "Тэм о'Шантера", была девушкой, обладающей личной привлекательностью, которую Сатана ставил рядом с собой и относился к ней с особым вниманием, что вызывало недовольство старых ведьм, которые считали себя оскорбленными таким предпочтением.⁶⁵ Собравшись вместе, они раскапывали могилы и завладевали трупами (особенно некрещеных младенцев), суставы и члены которых они использовали в своих магических примочках и мазях. Когда они хотели заполучить в свое пользование урожай какого-нибудь соседа, то делали вид, что вспахивают его вместе с ярмом пастухов. Эти мерзкие твари тянули плуг, который держал сам дьявол. Упряжь и попоны были из быстрой травы, носок и сошник - из рога риглена, а скотина участвовала в этой операции, моля дьявола передать им плоды вспаханной земли и оставить хозяевам только чертополох и бруснику. О спортивных состязаниях ведьм с их эльфийской стрельбой из лука я уже рассказывал (стр. 136). Они входили в дом самого графа Мюррея и в другие особняки, которые не были ограждены от них бдением и молитвами, и пировали провизией, которую там находили.

Примечание...

65 (возвращение)

[Это слово *Covine*, по-видимому, означает подразделение или отряд. Дерево у входа в древний замок называлось "*ковин*", вероятно, потому, что там лорд принимал свою компанию.

"Он повелитель охотничьего рога,
И король Ковиного дерева;
Он хорошо знает западные воды,
Но лучше всего в его собственной шахте"].

Поскольку эти ведьмы были соотечественницами странных сестер из "Макбета", читателю, возможно, захочется услышать некоторые из их заклинаний, а также поэзию, которой они сопровождались и приводились в исполнение. Они имели обыкновение гашировать плоть некрещеного ребенка, смешанную с плотью собак и овец, и класть ее в дом тех, кого они посвящали гибели тела или имущества, говоря или напевая при этом.

"Мы положили это в этот дом, Именем нашего господина Дьявола; Первые руки, которые возьмут тебя, Пусть будут обожжены и ошпарены! Мы разрушим дома и халды, вместе с овцами и нолтами отправим их в омут; и Малыш выйдет на первый план среди всего остального небольшого запаса!"

Метаморфозы, по словам Изобель, были очень распространены среди них, и в таких случаях они принимали облик ворона, кошки, зайца и других животных. В образе зайца Изобель сама пережила неприятное приключение. В этом излюбленном обличье дьявол послал ее в Олдири с каким-то посланием к соседям, но она имела несчастье встретить слуг Питера Папли из Киллхилла, которые шли на работу, прихватив с собой гончих. Гончие бросились на переодетую ведьму, "и я, - рассказывает Изобель, - очень долго бежала, но, будучи сильно зажатой, была вынуждена зайти в свой дом, благо дверь была открыта, и там укрылась за сундуком". Но гончие вошли и заняли другую сторону сундука, так что Изобель удалось спастись, только забравшись в другой дом и успев произнести обескураживающую рифму: - "Заяц, заяц, бог!"

"Заяц, заяц, Бог послал тебе заботу! Я в заячьем обличье сейчас; Но женщиной стану я уже сейчас - Заяц, заяц, бог тебе пошлет заботу!"

Такие случаи, по ее словам, были нередки, и ведьм иногда кусали собаки, от которых оставались следы после их возвращения в человеческий облик. Но ни одна из них не была убита в таких случаях.

Церемониал субботних собраний был очень строгим. Неистовый изверг требовал от своих приверженцев самого пристального внимания и титула "лорд" при обращении к ним. Иногда, однако, странные сестры, перешептываясь между собой, непочтительно говорили о своем государе по имени Черный Джон; в таких случаях Изверг бросался на них, как школьный учитель, удивляющий своих учеников, и бил и колотил их без всякой пощады и благоразумия, говоря: "Я знаю, что вы говорите обо мне". Тогда можно было бы увидеть различные нравы тех, кем он командовал. Александр Элдер из Эрлсита часто попадал под неудовольствие своего господина за пренебрежение долгом, и, будучи слабым и простым, никогда не мог защитить себя иначе, как слезами, криками и мольбами о пощаде; но некоторые из женщин, по признанию Изобель Гоуди, имели больше духа, который одушевлял старую даму из Келлиберн-Брейз. Маргарет Уилсон из Олдири "прекрасно защищалась", а руки ее спасали голову в старой шотландской манере. Бесси Уилсон тоже умела очень жестко говорить на своем языке, а также крепко "драла кошку" с дьяволом. Остальные в основном прибегали к мольбам: "Пощадите! Поощадите!" и тому подобным, а сатана продолжал бить их шерстяными картами и другими острыми бичами, не обращая внимания на их мольбы и жалобы. Ведьмам прислуживали черти и бесы. Обычно они различались по цвету печени: серо-дуновое, травянисто-зеленое, морско-зеленое и желтое. Ведьм учили называть этих бесов именами, некоторые из которых могли принадлежать человечеству, а другие имели дьявольское звучание. Это были Роберт Якис, Сандерс Рыжий Ривер, Томас Страшный, Свейн, вероятно, древнескандинавский Дург; Ревущий Лев, Адский Вор, Погоди, Маккилер, Роберт Правитель, Хендри Крейг и Рори. Эти имена, достаточно странные и непристойные, по крайней мере, лучше представить, чем те, которые Хопкинс придумал для открытых им импов: Пиуакет, Пек-в-короне, Мешок с сахаром, Новость, Уксус-Том и Гризель Гридигут, - широкая вульгарность этих эпитетов показывает, какое плоское воображение он привлек для поддержки своих дерзких выдумок.

Дьявол, повелевающий честными сестрами, любил подражать формам христианской церкви и перекрещивал ведьм их кровью, причем от своего собственного великого имени. Гордую Маргарет Уилсон, не желавшую принимать безвозмездные удары даже от самого Сатаны, звали Пикл-ближе-ветер; ее подругу, Бесси Уилсон, - Бросок-корниард; Элспет Нише - Бесси Лысая; Бесси Хэй - Способная-и-Стаут; а Джейн Мейртен, Деву Ковина, звали Овер-дайк-и-что-там.

Изобел взяла на себя и вменила в вину своим сестрам, как уже говорилось, смерть многих людей, застреленных из эльфийских стрел, потому что они не благословили себя, когда мимо них пронесся воздушный полет ведьм.⁶⁶ Она сама имела дерзость выстрелить в лэрда Парка, когда он ехал через брод, но промахнулась мимо него, возможно, из-за влияния бегущего потока, за что она благодарит Бога в своей исповеди; и добавляет, что в то время она получила большой подзатыльник от Бесси Хей за свою неловкость. Они посвятили детей мужского пола этого джентльмена (как я полагаю, из известной семьи Гордон из Парка) в болезнь, вызванную истощением, следующими строками, поместив в то же время в огонь фигурки из глины, смешанной с пастой, чтобы изобразить объект: - "Мы ставим эту воду среди этой воды, и мы ставим эту воду среди этой воды."

"Мы кладем эту воду среди этой еды, Чтобы долго [жить](#)⁶⁷ и болезни лечить; Мы кладем ее в огонь, Чтобы сжечь их в ступе и копоти.⁶⁸ Чтобы они сгорели по нашей воле, Как любой [стикль](#)⁶⁹ в печи".

Примечание-->

66 ([возвращение](#))
[См. с. 136.]

Note-->

67 ([обратно](#))
[Pining.]

Note-->

68 ([обратно](#))
[Следует читать, возможно, "конечности и лиры"].

Note-->

Таково было необычное признание Изабель Гоуди, сделанное, судя по всему, добровольно и без всякого принуждения, подтвержденное подпиской нотариуса, священнослужителей и присутствовавших джентльменов, соблюденное после их отдельных, как их называют, экзаменов, и не содержащее никаких разночтений или противоречий в своих деталях. Каким бы ни было ее душевное состояние в других отношениях, она, похоже, прекрасно осознала, насколько опасны последствия ее разоблачений для ее собственной персоны. "Я не заслуживаю того, - говорит она, - чтобы сидеть здесь спокойно и невредимой, а скорее быть растянутой на железной дыбе; и мои преступления не могут быть искуплены, если меня растерзают дикие лошади".

Остается только предположить, что это несчастное существо находилось под властью какого-то особого вида лунатизма, на который полное прочтение ее исповеди могло бы, возможно, навести здравомыслящего и опытного медика. Ее случай интересен тем, что бросает на обряды и церемонии шотландских ведьм свет, который мы тщетно ищем в других местах.

Другие несчастные были преданы собственному порицанию иными способами, нежели то помрачение рассудка, которое, похоже, подействовало на Изабель Гоуди. Некоторые, как мы уже видели, пытались избежать обвинения в колдовстве, признавая связь с народом фей; это оправдание так и не было признано соответствующим действительности. Других подвергали жестоким пыткам, с помощью которых, как полагали наши предки, можно было довести виновных до признания, но которые гораздо чаще заставляли невинных свидетельствовать против себя. По этому поводу у знаменитого сэра Джорджа Маккензи, "этого благородного шотландского остроумца", как его назвал Драйден, есть несколько самых разумных рассуждений, которые мы постараемся изложить как результат опыта человека, которому в качестве лорда-адвоката часто доводилось проводить суды над ведьмами, и который, не сомневаясь в существовании этого преступления, считал, что в силу его ужаса оно требует самого четкого и строгого разбирательства.

Прежде всего он настаивает на том, что изверг, не обладающий богатством и явно подчиняющийся высшим силам, вряд ли сможет набрать такое количество рекрутов, и на том, что сам он не получит от этого никакого преимущества. Но, во-вторых, - говорит Маккензи, - "люди, которых обычно обвиняют в этом преступлении, - это бедные невежественные мужчины или женщины, которые не понимают природы того, в чем их обвиняют; и многие принимают свои собственные страхи и опасения за колдовство, о чем я приведу два примера. Один - с бедным ткачом, который после признания в колдовстве, когда его спросили, как он видит дьявола, ответил: "Как мухи, танцующие вокруг свечи". Другая - о женщине, которая, когда ее обвинили, серьезно спросила, может ли женщина быть ведьмой и не знать об этом? Опасно, что людей, самых простых, судят за преступление, самое загадочное из всех других. В-третьих, эти бедняги, когда их порочат, так сбиваются с толку от страха и тесной тюрьмы, в которой их держат, и так голодают из-за отсутствия мяса и питья, причем любой из этих причин достаточно, чтобы обезоружить самый сильный разум, что едва ли более мудрые и серьезные люди, чем они, избежали бы смятения; а когда люди сбиты с толку страхом и опасениями, они воображают вещи самые нелепые и абсурдные", чему есть примеры. В-четвертых, "большинство этих бедных существ подвергаются пыткам со стороны своих зрителей, которые, будучи убеждены, что оказывают Богу добрую услугу, считают своим долгом изводить и мучить несчастных узников, отданных им в руки как бунтовщики неба и враги людей; И я знаю, - продолжает сэр Джордж, - *ex certissima scientia*,

что большинство из тех, кто когда-либо был взят, подвергались таким пыткам, и это использование было основанием для всех их признаний; и хотя бедные злоумышленники не могут доказать это использование, актеры являются единственными свидетелями, все же судья должен ревностно относиться к этому, как к тому, что сначала вызвало признание, и из страха перед которым они не смеют от него отказаться." В-пятых, этот ученый автор приводит пример того, как эти несчастные существа могут быть побуждены к признанию самим позором, который на них наложил обвинение и который непременно должен был последовать, обрекая их на всю жизнь на состояние нужды, страданий и подозрений, такое, которое любой человек с репутацией охотно обменял бы на короткую смерть, пусть и мучительную.

"Когда я был судебным следователем, я отправился допросить нескольких женщин, которые признались в судебном порядке, и одна из них, глупая, сказала мне под секретом, что она призналась не потому, что была виновна, а потому, что она бедная женщина, которая работала ради своего пропитания, и ее оклеветали ведьмой, она знала, что будет голодать, потому что никто впредь не даст ей ни мяса, ни жилья, и что все люди будут бить ее и натравливать на нее собак, и поэтому она хотела бы уйти из мира; После этого она горько заплакала и на коленях призвала Бога в свидетели своих слов. Другая сказала мне, что боится, что дьявол предъявит на нее права, после того как она была названа его слугой, и будет преследовать ее, как сказал служитель, когда он хотел, чтобы она исповедовалась, и поэтому она желает умереть. И действительно, служители часто бывают неосторожны в своем рвении заставить бедных существ исповедоваться в этом; и я рекомендую судьям посылать к ним самых мудрых служителей, а те, кого посылают, должны быть осторожны в этом отношении" ⁷⁰.

Примечание-->

70 (обратно)

["Уголовное право" Маккензи, с. 45].

В качестве подтверждения этой трогательной истории я могу привести случай, произошедший с женщиной в тюрьме Лаудера, которая находилась там вместе с другими женщинами по обвинению в колдовстве. Ее товарищи по тюрьме были приговорены к смерти, и она тоже, дав такое же полное признание, как и они, признала себя виновной. Поэтому она послала за городским священником и попросила предать ее смерти вместе с другими, которым было назначено страдать в ближайший понедельник. Однако священник, как и другие люди, твердо убедил ее в том, что это признание было сделано в гордыне ее сердца, ради гибели собственной жизни, и не имеет под собой никаких оснований. Результат мы приводим в словах служителя: - "Поэтому было предпринято много мучений.

"Поэтому в субботу, воскресенье и понедельник утром служители и другие люди приложили немало усилий, чтобы она отказалась от этого признания, которое, как подозревали, было лишь искушением дьявола, чтобы погубить ее душу и тело; да, служители внушили ей, что у ревности есть справедливые основания, что ее признание не было искренним, и ей было поручено перед Господом объявить правду и не брать свою кровь на свою голову. Однако она упорно придерживалась своих слов и все время плакала, чтобы ее убрали вместе с

остальными. Тогда в понедельник утром, будучи призвана к судьям и исповедавшись перед ними в своих словах, она была признана виновной и приговорена к смерти вместе с остальными в тот же день. Когда ее повели к месту казни, она молчала во время первой, второй и третьей молитвы, а затем, видя, что не остается ничего другого, как встать и пойти на кол, подняла свое тело и громким голосом воскликнула: "Все, кто видит меня сегодня, знайте, что я должна умереть как ведьма по собственному признанию, и я освобождаю всех людей, особенно священников и магистратов, от вины за мою кровь. Я полностью беру это на себя - моя кровь будет на моей собственной голове; и поскольку я должна дать ответ Богу Небесному в ближайшее время, я заявляю, что я свободна от колдовства, как любой ребенок; Но, будучи обольщенной злобной женщиной и посаженной в тюрьму под именем ведьмы, отрекшись от мужа и друзей и не видя никаких оснований надеяться на то, что я выйду из тюрьмы или когда-либо снова окажусь в чести, я, по искушению дьявола, составила это признание с целью погубить свою собственную жизнь, будучи усталой от нее и предпочитая умереть, чем жить; и так умерла". Эта прискорбная история, как и тогда, поразила всех зрителей, никто из которых не мог сдержать слез; так и сейчас она может стать для всех демонстрацией сатанинской хитрости, чей замысел по-прежнему состоит в том, чтобы погубить всех, отчасти искушая многих к самонадеянности, а других - к отчаянию. Это истинно и подтверждено свидетелем, который еще жив, верным служителем Евангелия".⁷¹ Странно, что не был сделан вывод, что, поскольку одна женщина от отчаяния отказалась от своей жизни, то же самое могло произойти и во многих других случаях, когда признания обвиняемых являлись главным, если не единственным, доказательством вины.

Примечание-->

71 (возвращение)

["Невидимый мир Сатаны раскрыт" Синклера, стр. 43].

Одним из известных способов обнаружения ведьм и одновременного их истязания, чтобы добиться признания, было втыкание булавок в их тело под предлогом обнаружения дьявольского клейма, или метки, которая, как говорили, наносилась им всем его вассалам и была нечувствительна к боли. Этот вид поиска, практика печально известного Хопкинса, в Шотландии был превращен в ремесло; и молодому колдуну разрешалось пытаться обвиняемого, как бы выполняя законное призвание, хотя сэр Джордж Маккензи клеймит его как ужасное самозванство. В "Коллекциях мистера Питкэрна" я заметил, что в Питкэрна, что во время суда над Джанет Пистон из Далкейта магистраты и служители этого рыночного города заставили Джона Кинкейда из Транента, обычного колющего, применить к ней свое ремесло, "который нашел две отметины, которые он назвал дьявольскими, и которые действительно были таковыми, поскольку она не чувствовала булавку, когда ее вводили в одну из указанных отметок, и они (отметины) не кровоточили, когда их снова вынимали; А когда ее спросили, куда, по ее мнению, были вставлены булавки, она указала на часть своего тела, удаленную от настоящего места. Это были булавки длиной в три дюйма".

Помимо того, что на лицах стариков, особенно пожилых, иногда встречаются участки, лишенные чувствительности, есть основания полагать, что исповедующие уколы использовали булавку, острое или нижняя часть которой при надавливании на нее

упиралась в верхнюю, полую для этой цели, и та, которая, казалось, входила в тело, вовсе не пронзала его. Но если бы стоило останавливаться на столь нелепом предмете, мы могли бы вспомнить, что в такой ужасной агонии стыда, какая может охватить человека при таком испытании и таком личном оскорблении, кровь, как правило, возвращается к сердцу, и легкая рана, как от булавки, может быть нанесена без появления крови. В конце семнадцатого века эта детская, непристойная и жестокая практика стала называться своим правильным именем. Фаунтейнхолл пишет, что в 1678 году в Тайный совет поступила жалоба бедной женщины, которая подверглась насилию со стороны сельского магистрата и одного из тех самозванцев, которых называют колющими. Они выразили большое неудовольствие по поводу самонадеянности сторон, на которых жаловались, и отнесли к обманщику как к обычному [мошеннику](#)⁷².

Примечание...

72 ([возвращение](#))

["Решения" Фаунтейнхолла, т. I. с. 15].

Из этого и других примеров следует, что преобладание суеверия о колдовстве и готовность преследовать обвиненных в нем в Шотландии усиливались из-за слишком большой готовности нижестоящих судей вмешиваться в дела, которые, по сути, не входили в их компетенцию. Верховный суд юстиции был тем органом, в котором дело должно было быть рассмотрено надлежащим образом и исключительно. Но на практике каждый нижестоящий судья в стране, самый мелкий бейли в самом ничтожном бурге, самый маленький и самый невежественный барон на захудалой территории, брал на себя обязанность арестовывать, заключать в тюрьму и проводить допросы, в ходе которых, как мы уже видели, обвиняемые страдали от вопиющей несправедливости. Копии этих допросов, составленные из вырванных признаний или показаний ненадежных свидетелей, - все, что передавалось в Тайный совет, который должен был определять дальнейший порядок действий. Таким образом, ни одно существо не было защищено от злобы или глупости клеветнических обвинений, если в округе находился робкий или суеверный судья, пусть даже самого низкого происхождения.

Но, во-вторых, Тайный совет решил назначать комиссии из местных джентльменов, в особенности из священнослужителей, хотя по своему образованию они вряд ли были свободны от общих предрассудков и могли быть особенно подвержены влиянию шума, поднятого окрестностями против провинившегося. Теперь, когда хорошо известно, что такая комиссия не могла быть дана в случае убийства в графстве, где было предъявлено обвинение, нет веских причин, почему суд над ведьмами, столь способными возбудить страсти, не должен был единообразно рассматриваться судом, чей ранг и состояние защищали их от подозрений в пристрастности. Но наши предки устроили все иначе, и это привело к тому, что такие комиссары очень редко, оправдывая представленных им лиц, упускали возможность уничтожить ведьму.

Нельзя забывать и о том, что доказательства, приводимые в поддержку обвинения, были весьма необычными для юриспруденции. Адвокаты принимали в качестве доказательств то, что они называли *damnum minatum, et malum secutum* - некое зло, то есть то, что следовало за угрозой или желанием отомстить, произнесенными предполагаемой ведьмой, которые, хотя и могли быть отнесены к самому естественному ходу событий, должны были обязательно быть следствием угроз обвиняемого.

Иногда этот неясный вид доказательств приводился еще более неопределенно, и утверждения о грозящей опасности и последующем несчастье принимались, хотя угрозы исходили не от самой обвиняемой. 10 июня 1661 года, когда Джон Стюарт, один из группы крепких мещан Далкейта, назначенных охранять старую женщину по имени Кристиан Уилсон, направлявшуюся из этого города в Ниддри, чистил свое ружье, его коварно спросила Джанет Кок, другая признававшаяся ведьма, которая, вероятно, видела, что его мужество не совсем неизменно: "Что ты думаешь, если дьявол поднимет вихрь и заберет ее у тебя завтра по дороге?" Конечно, по дороге в Ниддри на них налетел внезапный порыв ветра (не такое уж редкое явление в том климате), который едва позволил доблестной страже удержаться на ногах, а несчастную пленницу снесло в лужу воды и с трудом подняло обратно. Есть основания надеяться, что это необычное свидетельство не было принято к рассмотрению на суде.

Есть история о старом волшебнике, которого на самом деле звали Александр Хантер, хотя в народе он был известен под прозвищем Хаттерайк, которое дьяволу было угодно присвоить ему. В течение некоторого времени этот человек считал себя фокусником и лечил болезни людей и зверей с помощью заклинаний и чар. Однажды летним днем на склоне зеленого холма ему явился дьявол в облике могильного "лекаря", обратившись к нему со следующими словами: "Сэнди, ты слишком долго следовал моему ремеслу, не признавая меня за хозяина. Теперь ты должен поступить ко мне на службу и стать моим слугой, а я лучше научу тебя твоему ремеслу". Хаттерайк согласился на это предложение, и мы позволим преподобному мистеру Джорджу Синклеру рассказать остальную часть этой истории.

"После этого он прославился на всю страну своими чарами и лечением болезней у людей и зверей, и превратился в бродягу, как [жокей73](#), добывая своими чарами еду, и плоть, и деньги - таково было невежество многих в то время. В какой бы дом он ни приходил, никто не мог отказать Хаттерайку в милостыне - скорее во вред, чем во благо. Однажды он подошел к воротам Самуэльстона, когда несколько друзей после ужина собирались сесть на лошадь. Молодой джентльмен, брат леди, увидев его, потрепал его по ушам, сказав: "Ты, колдун, что тебе здесь делать?". После чего парень ушел, ворча, и, как было подслушано, сказал: "Ты дорого купишь это, пока это не закончится". Это был *damnum minatum*. Молодой джентльмен проводил своих друзей в дальний путь и вернулся домой той же дорогой, где и поужинал. После ужина, сев на коня и переправившись через воды Тайн, чтобы отправиться домой, он поехал через тенистую часть гавака, обычно называемую Аллерс, и вечером, когда было немного темно, он встретил там несколько человек, которые вызвали в нем ужасное смущение, о котором он по большей части никогда бы не рассказал. Это было *malum secutum*. Когда он вернулся домой, слуги заметили в его лице ужас и страх. На следующий день он помутился рассудком и несколько дней был связан. Его сестра, леди Сэмюэльстон, услышав об этом, сказала: "Конечно, этот негодяй Хаттерэк - причина его бед; позовите его поскорее". Когда он пришел к ней, она сказала: "Сэнди, что это ты сделал с моим братом Уильямом?" "Я сказала ему, - говорит он, - что заставлю его раскаться в том, что он ударил меня в последнее время". Она сказала негодю честные слова и пообещала ему полную горсть еды с говядиной и сыром, уговорила его снова вылечиться. Он взялся за дело. Но

сначала, - говорит он, - я должен получить одну из его сарков (рубашек), что и было вскоре сделано. Какие шутки он с ней проделывал, неизвестно, но через некоторое время джентльмен восстановил свое здоровье. Когда Хаттерайк пришел получать свое жалование, он сказал даме: "Ваш брат Уильям быстро уедет из страны и никогда не вернется". Она, зная, что пророчества парня сбываются, заставила брата отдать ей все свое состояние, чтобы обмануть своего младшего брата, Джорджа. После того как этот колдун долгое время бесчинствовал в стране, его наконец задержали в Данбаре, привезли в Эдинбург и сожгли на Каслхилле "[74](#)".

Примечание...

[73 \(возвращение\)](#)

[Или шотландский странствующий нищий.]

Note-->

[74 \(обратно\)](#)

["Невидимый мир Сатаны раскрыт" Синклера, стр. 98].

Если Хаттерайка действительно предали смерти на основании таких улик, стоит задуматься, какова была их реальная сумма. Вспыльчивый чванливый молодой джентльмен бьет лошадью нищего, пользующегося дурной славой, за то, что тот шатается у ворот дома его сестры. Нищий ворчит, как и подобает любому человеку. Молодой человек, ехавший ночью и, вероятно, в алкогольном опьянении по темному тенистому месту, испугался, не сказал бы, да и не смог бы сказать чего, и с ним случился приступ лихорадки. Его сестра нанимает волшебника, чтобы тот снял чары в соответствии со своей профессией; и вот вам *damnum minatum, et malum secutum*, и все законные основания для сожжения человека в пепел! Бродяга Хаттерайк, вероятно, знал о диком юноше нечто такое, что вскоре могло заставить его покинуть страну; а корыстная леди Сэмюэльстон, узнав о вероятности его отъезда, совершила обман, который должен был сделать ее показания неприемлемыми.

Помимо этих особых неудобств, которым неизбежно подвергались обвиняемые в этом преступлении в Шотландии, как в отношении судебной системы, в которой их судили, так и доказательств, на основании которых они были осуждены, их положение становилось невыносимым из-за презрения, с которым к ним относились все сословия. Дворяне ненавидели их за то, что болезни и смерть их родственников и детей часто вменялись им в вину; суеверные вульгарные люди ненавидели их с еще более совершенным ужасом и отвращением. И среди этих естественных чувств другие, менее достойные прощения, находили средства укрыться от них. В одном случае, как сообщает нам Маккензи, за колдовство должна была умереть бедная девушка, истинное преступление которой

заклучалось в том, что она, по мнению леди, привлекла слишком большую долю внимания лэрда.

Приведя таким образом некоторые причины, по которым преследования за колдовство в Шотландии были столь многочисленными и смертельными, мы вернемся к общей истории судебных процессов, зафиксированных со времен правления Якова V и до объединения королевств. Во время правления королевы Марии судебные процессы по обвинению в колдовстве стали многочисленными, а 73-й закон ее 9-го парламента ужесточил наказание за это преступление. Но когда Яков VI приблизился к зрелому возрасту, крайнее беспокойство, которое он проявлял, пытаясь глубже проникнуть в тайны, которые другие считали жерновами неизвестности, привлекло к этой теме еще большее внимание. Государь исчерпал свой талант исследователя в области колдовства, и похвалы удостаивались все, кто выступал в защиту мнения царствующего принца. Эта естественная тенденция следовать мнению государя значительно усиливалась предрасположенностью кирки к тем же настроениям. Мы уже говорили, что эти почтенные особы добросовестно относились к общему ошибочному мнению о колдовстве, считая его преступлением, которое затрагивало их собственный орден в большей степени, чем другие в государстве, поскольку, будучи призваны к служению небесам, они были обязаны противостоять вторжениям сатаны. Оставшиеся после них труды свидетельствуют, помимо всего прочего, о непоколебимой вере в то, что они называли "особыми провидениями"; и это было равносильно, по крайней мере, их легковерию в реальное вмешательство злых духов в дела этого мира. Они применяли эти принципы веры к самым незначительным причинам. Хромая лошадь была ловушкой дьявола, чтобы удержать доброго священнослужителя от проповеди; приход искусного кузнеца считался особым провидением, чтобы разрушить замысел сатаны. Несомненно, в общем смысле это было верно, поскольку ничто не может произойти без предвидения и воли Небес; но мы вправе верить, что период сверхъестественного вмешательства давно миновал и что великий Творец довольствуется исполнением своих целей посредством действия тех законов, которые влияют на общий ход природы. Наши древние шотландские богословы думали иначе. Окруженные, как они считали, ловушками и искушениями ада и полагаясь на помощь Небес, они вступили в войну с царством Сатаны, как крестоносцы древности вторгались в землю Палестины, с той же уверенностью в справедливости своего дела и с тем же безразличием к чувствам тех, кого они считали врагами Бога и человека. Мы уже видели, что даже убежденность в невиновности женщины в преступлении колдовства не побудила достойного священнослужителя приложить все усилия, чтобы снять ее с костра; и в том же [сборнике75](#) есть несколько примечательных примеров того, как Бог проследил за благочестивым священником, дав ему "полную ясность" в отношении Бесси Грэхейм, подозреваемой в колдовстве. Все эти подробности являются любопытной иллюстрацией того духа легковерия, который доброжелательные люди приносили с собой на подобные расследования, и того, как легко устранялись самые серьезные сомнения, лишь бы ведьма не осталась необнаруженной.

75 (обратно)

["Невидимый мир Сатаны", автор Джордж Синклер. Автор был профессором нравственной философии в университете Глазго, а затем священником Иствуда в Ренфрушире].

Бесси Грэхейм попала в тюрьму, судя по всему, по подозрению, не имевшему большого веса, поскольку священник после различных совещаний нашел ее защиту настолько успешной, что даже пожалел о ее тяжелом обращении и пожелал освободить ее из тюрьмы, тем более что сомневался, отправит ли гражданский суд ее в ассиз, и будет ли ассиз склонен осудить ее. Пока священник пребывал в сомнениях, некий Бегг был нанят в качестве искусного колюще-режущего; по чьей власти, неизвестно, он воткнул большую медную булавку до самой головы в бородавку на спине женщины, которая, как он утверждал, была знаком дьявола. Была дана комиссия для разбирательства, но главные джентльмены графства отказались действовать, а сомнения самого священника были далеки от устранения. Это заставило достойного человека обратиться к Богу с торжественной молитвой: "Если он найдет способ дать служительнице полную ясность в ее вине, он признает это как необыкновенную милость и благосклонность". Это, согласно его замыслу, было осуществлено следующим образом, что он расценил как ответ на свою молитву. Однажды вечером священник вместе с Александром Симпсоном, служителем кирхи, и своим слугой посетил Бесси в ее келье, чтобы побудить ее к исповеди, но тщетно. Стоя на лестничной площадке за дверью, они услышали, как узница, которую они оставили одну в своем заточении, разговаривает с другим человеком, который использует низкий и призрачный тон, который священник сразу же распознал как голос Поганого изверга. Если бы не это открытие, мы бы решили, что Бесси Грэхем разговаривала сама с собой, как это обычно делают меланхоличные и отчаявшиеся несчастные. Но поскольку Александр Симпсон притворялся, что понимает смысл сказанного в камере, а сам священник был уверен, что слышал два голоса одновременно, он счел подслушанный разговор ответом Божества на свое прошение и с тех пор не испытывал сомнений ни в разумности и правильности своей молитвы, ни в виновности Бесси Грэхем, хотя она умерла упрямой и не признавалась; Более того, она поступила самым достойным и христианским образом, оправдав своих судей и присяжных в том сильном заблуждении, под которым они находились.

Хотя священнослужители, чьи мнения в этом вопросе сильно расходились с господствующими в народе суевериями, питали в ранней системе церковного управления немалое желание обеспечить себе иммунитеты и привилегии как национальной церкви, которые не преминули в конце концов соприкоснуться с прерогативой короля; Однако в начале своего правления Иаков, освободившись от влияния такого фаворита, как распутный Стюарт, граф Арран, по своим личным качествам был скорее приемлем для духовенства своего королевства и периода. Отправляясь из Шотландии в романтическую экспедицию, чтобы привезти домой супругу из Дании, он очень политично рекомендовал духовенству внести все, что в их силах, в помощь гражданским магистратам и сохранить общественный мир в королевстве. После своего возвращения король с благодарностью отметил заботу, которую духовенство проявило в этом отношении. Они не преминули приписать эту заслугу себе, так как в своих будущих распрях часто напоминали ему, что в его королевстве никогда не было так спокойно, как во время его путешествия в Данию, когда духовенству в значительной степени было доверено управление государством.

Во время благодатного периода союза между кирком и королем их сердечное согласие по вопросу о колдовстве не смогло разжечь костер против лиц, подозреваемых в этом беззаконии. Духовенство считало, что римские католики, их главные враги, были в равной степени преданы дьяволу, мессе и ведьмам, которые, по их мнению, были связаны между

собой и являлись естественными союзниками в великом деле зла. С другой стороны, педантичный государь, упражнявшийся в своей учености и изобретательности в "Демонологии", считал казнь каждой сожженной ведьмы необходимым выводом из своих королевских силлогизмов. Присяжные также боялись последствий оправдательного приговора для себя, поскольку могли пострадать от приговора по ошибке, если бы их сочли несправедливо милосердными; А поскольку судимые ведьмы были лично столь же незначительны, сколь одиозно было само обвинение, не существовало никаких ограничений для тех, в чьих руках находилась их судьба, и редко требовалось какое-нибудь признание, о котором мы уже часто упоминали, или свидетельство, собранное священником, подслушавшим диалог между ведьмой и ее хозяином, чтобы успокоить их совесть и примирить их для вынесения обвинительного вердикта.

По этим причинам казни ведьм стали очень распространены в Шотландии, где король, казалось, в какой-то мере сам стал участником этого дела, а священнослужители считали себя таковыми по самой природе своей профессии. Но предполагалось, что всеобщая злоба Сатаны и его приверженцев направлена в первую очередь против Якова из-за его брака с Анной Датской - союз принцессы-протестантки с принцем-протестантом, королем Шотландии и наследником Англии, был, без сомнения, событием, поразившим все царство тьмы тревогой. Яков был самодоволен необычным настроением, который он проявил во время своего путешествия в поисках невесты, и не прочь был вообразить, что совершил его в противовес не только косвенной политике Елизаветы, но и злему замыслу самого ада. Его флот подвергся буре, и он вполне естественно полагал, что князь воздушных сил лично принимал участие в этом деле.

Главным лицом, замешанным в этих еретических и предательских начинаниях, была некая Агнес Симпсон, или Самсон, называемая Мудрой женой Кита и описанная архиепископом Споттисвудом не как одна из низменных или невежественных ведьм, а как серьезная матрона, собранная и обдуманная в своих ответах, которые все были к определенной цели. Судя по обвинительному заключению, эта серьезная дама была своего рода белой ведьмой, пытавшейся лечить болезни словами и чарами - опасное занятие, учитывая времена, в которые она жила. Она также не всегда придерживалась правильной и защищенной стороны закона в таких деликатных операциях. Одна из статей ее обвинительного заключения доказывает это и в то же время свидетельствует о том, что Мудрая Женщина из Кита умела обратить свою профессию на пользу; когда к ней обратились по поводу болезни Изобель Гамильтон, она высказала свое мнение, что ничто не сможет ее вылечить, если не поднять дьявола; муж больной, пораженный этим предложением и, возможно, безразличный к вопросу, не стал выделять необходимые средства, после чего Мудрая Жена отказалась поднять дьявола, и пациентка умерла. Эта женщина в основном участвовала в обширном заговоре с целью уничтожить флот королевы, подняв бурю, и лишить жизни короля, помазав его белым ядовитыми веществами и соорудив фигурки из глины, чтобы их растравили и мучили по обычным правилам некромантии.

Среди ее сообщниц была несчастная дама гораздо более высокого ранга. Это была дама Эуфен МакКалзеан, вдова сенатора Коллегии правосудия, личность бесконечно более высокого ранга, чем те безвестные ведьмы, с которыми она объединилась в своем преступлении. Мистер Питкэрн предполагает, что эта связь могла возникнуть из-за ее преданности католической вере и дружбы с графом Ботвеллом.

Третьим человеком в этой необычной лиге колдунов был доктор Джон Фиан, иначе Каннингхейм, который был школьным учителем в Траненте и пользовался опасной репутацией колдуна. Этот человек стал героем всей истории о некромантии в рассказе о ней,

опубликованном в Лондоне и озаглавленном "Новости из Шотландии", который был недавно переиздан Роксбургским клубом. Примечательно, что шотландские колдовства не показались редактору этого трактата достаточно ужасными, если не добавить к ним историю о том, как филтр был нанесен на волосы коровы вместо волос девушки, для которой он предназначался, и рассказать, как животное пришло, повизгивая, за колдуном к дверям его школьной комнаты, как вторая Пасифая, оригинал которой встречается в рассказе [Апулея76](#).

Примечание-->

76 ([возвращение](#))

["Lucii Apuleii Metamorphoses", lib. iii].

Кроме этих людей, там была некая Барбара Напьер, она же Дуглас, особа определенного ранга; Гейлис Дункан, очень активная ведьма, и еще около тридцати бедняжек самого низкого состояния - среди прочих и привратник конклава, глупый старый пахарь, прозванный Греймил, которого дьявол заковал в наручники за то, что он сказал просто: "Боже, благослови короля!"

Когда монарх Шотландии вывел эту сильную стаю своей любимой дичи, они обеспечили Тайный совет и его самого спортом на большую часть оставшейся зимы. Он сам присутствовал на экзаменах, и с помощью тех или иных средств они были в равной степени хорошо одеты для его вкуса.

Агнес Сэмпсон, уже упоминавшаяся могильная матрона, после того как ее целый час пытали, закручивая вокруг головы шнур, по обычаю буканьеров, призналась, что советовалась с неким Ричардом Грэхемом о вероятной продолжительности жизни короля и способах ее сокращения. Но Сатана, к которому они в конце концов обратились за советом, сказал им по-французски: "Король Яков - *это человек от Бога*". Бедная женщина также призналась, что она провела собрание с теми из своих сестер, которые с помощью определенных заклинаний очаровали кошку, привязав к ее лапам четыре мужских сустава, которые они бросили в море, чтобы вызвать бурю. Другая забава произошла, когда они, подобно чудаковатым сестрам из "Макбета", с весельем и радостью погрузились в сита, а перед ними по волнам катился Чудовище, смутно видимое и напоминавшее по размеру и виду огромный стог сена. Они поднялись на борт чужого корабля, богато нагруженного винами, где, невидимые для команды, пировали, пока забава не надоела, и тогда Сатана потопил судно и всех, кто был на борту.

Фиан, или Каннингхейм, также подвергался жесточайшим пыткам, обычным и необычным. Кузнечными клещами ему вырывали ногти из пальцев; в места, которые обычно защищали ногти, вбивали булавки; в сапогах ему раздробили колени, а в пальцевиках раздробили кости пальцев. В конце концов его стойкость, до сих пор поддерживаемая, как полагали посторонние, помощью дьявола, была побеждена, и он рассказал о большом собрании ведьм в Норт-Бервике, где они ходили вокруг церкви в обход, то есть в обратную сторону от движения солнца. Затем Фиан дунул в замок церковной двери, после чего засовы поддались, нечестивцы вошли внутрь, и их хозяин дьявол предстал перед слугами в виде черного человека, занимающего кафедру. Его приветствовали "Аве, господин!", но компания была

недовольна тем, что он не принес изображение короля, как неоднократно обещал, что должно было отдать его величество на милость этой адской команды. На этот счет дьявола особенно укоряли разные женщины респектабельного вида - несомненно, Эуфен Маккальзен, Барбара Напьер, Агнес Сэмпсон и еще несколько ведьм-любительниц, превосходящих обычных. Дьявол в этот памятный случай забыл о себе и назвал Фиана своим собственным именем, вместо бесовского *прозвища* Роба Гребца, которое было присвоено ему как Мастеру Гребцов или Роллов. Это считалось дурным вкусом, и это правило до сих пор соблюдается на всех сборищах фальшивомонетчиков, контрабандистов и т. п., где считается очень некрасивым называть человека по имени, если это может послужить основанием для улик, которые в день суда могут быть выдвинуты против него. Сатана, несколько обескураженный, завершил вечер развлечением и танцем на свой манер. Первый заключался в том, что он откопал свежепогребенный труп и разделил его на части среди компании, а бал поддерживали около двухсот человек, которые танцевали хоровод, напевая следующее

"Cummer, gang ye before; Cummer gang ye. Если вы не хотите танцевать раньше, каммеры, позвольте мне".

После этого хорового выступления музыка, похоже, была довольно несовершенной, учитывая количество танцоров. Гейлис Дункан была единственной исполнительницей на инструментах, и играла она на еврейской арфе, которую в Шотландии называют *трубой*. Доктор Фиан, приглушенный, возглавлял кольцо и пользовался большим почетом, обычно выступая в роли секретаря или регистратора, как уже говорилось выше.

Король Яков был глубоко заинтересован в этих таинственных собраниях и с большим удовольствием присутствовал на допросах обвиняемых. Он послал за Гейлис Дункан и попросил ее сыграть перед ним ту же мелодию, под которую Сатана и его подручные устроили драку на церковном дворе в Северном Бервике.⁷⁷ Его слух был удовлетворен и другим способом, поскольку на этом собрании, как говорят, ведьмы спросили дьявола, почему он так враждует с королем? Тот ответил лестным ответом, что король - самый большой враг, которого он имеет в мире.

Примечание-->

77 ([возвращение](#))

[Музыка этой колдовской мелодии, к сожалению, утрачена. Зато сохранилась другая, которая, как считается, была популярна в подобных случаях.

"Глупая курица, брось ей огурчик,
И она станет микле,
И станет доброй"].

Почти все эти несчастные были казнены, и положение Эуфаны МакКалзеан в жизни не спасло ее от общей участи - удушения до смерти и последующего сожжения в пепле.

Большинство присяжных, судивших Барбару Напьер, оправдав ее за присутствие на собрании в Северном Бервике, сами оказались под угрозой суда за умышленную ошибку на ассамблее и могли избежать сурового порицания и наказания, лишь признав себя виновными и подчинившись воле короля. Такое строгое и незаконное поведение показывает достаточную причину, почему так мало оправдательных приговоров по обвинению в колдовстве, когда присяжные находились в такой степени во власти короны.

Было бы отвратительно следить за многочисленными делами, в которых одно и то же единообразное легкоеверие, одни и те же вырванные признания, одни и те же предвзятые и преувеличенные доказательства приводили к одной и той же трагедии на костре и на сваях. Переделки и рытье траншей, которые недавно проводились с целью благоустройства Эдинбургского замка, показали прах многих погибших таким образом людей, большая часть которых, должно быть, была казнена в период между 1590 годом, когда было сделано великое открытие относительно Евфана Маккальзеана, Мудрой жены Кита и их сообщников, и объединением корон.

Переезд короля Якова в Англию также не смягчил это ужасное преследование. В "Протоколах заседаний Тайного совета" сэра Томаса Гамильтона есть необычная запись, ясно показывающая, что граф Мар и другие члены совета Якова в полной мере осознали отчаянную незаконность и бесчеловечность этих действий. Я изменил орфографию, чтобы эта ужасающая запись была понятна всем моим читателям.

"1608 год, 1 декабря. Граф Мар заявил Совету, что несколько женщин были схвачены в Бротоне как ведьмы, и, будучи преданы суду и осуждены, хотя они упорствовали в своем отрицании до конца, все же были быстро сожжены [*заживо*] таким жестоким образом, что некоторые из них умерли в отчаянии, отрекшись и хуля [Бога]; а другие, наполовину сожженные, выскочили из огня,⁷⁸ и были быстро брошены в него снова, пока не сгорели до смерти."

Примечание-->

78 (возвращение)

[Я обязан любезности мистера Питкэрна за эту необычную выдержку. Южный читатель должен быть проинформирован, что юрисдикция или королевство Броутон охватывало Холируд, Кэнонгейт, Лейт и другие пригородные районы Эдинбурга и имело такое же отношение к этому городу, как округ Саутварк к Лондону].

Этот необычный документ показывает, что даже в царствование Якова, как только его собственная августейшая особа была удалена из Эдинбурга, его послушный Тайный совет начал думать, что они пресытились ужасами, и пресытился избытком жестокости, которая бросала полусожженных несчастных обратно в пламя, из которого они пытались выбраться.

Но эта картина, как бы она ни была отвратительна и страшна для Совета того времени, и хотя намерение внести запись в протокол, очевидно, было направлено на предотвращение таких ужасных жестокостей в будущем, не оказала никакого долгосрочного влияния на ход правосудия, поскольку суровые меры против ведьм, к сожалению, по-прежнему считались необходимыми. На протяжении всего шестнадцатого и большей части семнадцатого века в

королевстве практически не ослабевало преследование этого метафизического преступления - колдовства. Даже когда бразды правления находились в руках индипендентов, сам Кромвель, его генерал-майоры и заместители были вынуждены угождать простым жителям Шотландии, отдавая жертв, обвиненных в колдовстве, во власть закона, хотя в журналах того времени выражается ужас и отвращение, с которыми английские сектанты смотрели на практику, столь несовместимую с их собственным гуманным принципом всеобщей терпимости.

Вместо того чтобы погружаться в историю этих событий, которая, в общем-то, в деталях столь же однообразна, сколь и меланхолична, возможно, читателю будет интересно ограничиться одним судебным процессом, в ходе которого произошли несколько необычных и романтических событий. Это история жены моряка, более трагическая по своему происшествию, чем история дубильщика каштанов в "Макбете".[79](#)

Примечание-->

79 (возвращение)

[Копия протокола судебного заседания, проходившего в Айршире, была прислана мне другом, который скрыл свое имя, так что я могу поблагодарить его только в этом общем признании].

Маргарет Барклай, жена Арчибальда Дейна, бургомистра Ирвина, была оклеветана своей невесткой Джанет Лиал, супругой Джона Дейна, брата Арчибальда, и самим Джоном Дейном, как виновная в некоем акте воровства. В результате этой провокации Маргарет Барклай подала иск о клевете в церковный суд, который после некоторой процедуры кirk-сессия удовлетворила, постановив примирить стороны. Тем не менее, хотя обе женщины пожали друг другу руки перед судом, упомянутая Маргарет Барклай заявила, что подала руку только в знак послушания церковному суду, но что она по-прежнему сохраняет ненависть и злобу к Джону Дейну и его жене, Джанет Лиал. Примерно в это время барк Джона Дейна собирался отплыть во Францию, и Эндрю Трэйни, или Трэн, проректор бурга Ирвин, который был владельцем судна, отправился с ним, чтобы руководить коммерческой частью плавания. На том же судне отправились еще два значимых купца с достаточным количеством моряков. Маргарет Барклай, мстительная особа, о которой уже упоминалось, произносила проклятия в адрес аргониста, моля Бога, чтобы море и соленая вода никогда не вынесли корабль, и чтобы *партаны* (крабы) съели команду на дне морском.

Когда под этим предлогом корабль отправился в плавание, некий бродяга по имени Джон Стюарт, притворяясь, что знает жонглирование и обладает силой спамена, пришел в резиденцию проректора Трана и недвусмысленно намекнул, что корабль погиб, а добрая хозяйка дома - вдова. Печальная правда стала известна после получения более точных сведений. Два моряка, после некоторого времени сомнений и тревог, прибыли с печальной вестью, что судно, шкипером которого был Джон Дейн, а проректором Тран, потерпело крушение на побережье Англии, недалеко от Падстоу, и все на борту погибли, кроме двух матросов, принесших извещение. Подозрения в колдовстве, в те времена легко пробуждавшиеся, пали на Маргарет Барклай, которая проклинала корабль, и на Джона

Стюарта, жонглера, который, казалось, знал о злой судьбе судна раньше, чем мог бы узнать о ней естественным путем.

Стюарт, которого задержали первым, признался, что Маргарет Барклай, другая подозреваемая, обратилась к нему с просьбой научить ее некоторым магическим искусствам, "чтобы она могла получить снасти, молоко коровы, любовь мужчины, желание ее сердца у тех людей, которые сделали ей зло, и, наконец, чтобы она могла получить плоды моря и земли". Стюарт заявил, что отрицает перед Маргарет, что сам владеет указанными искусствами или имеет возможность передать их. Так-то оно так; но, правда это или ложь, он добавил ряд обстоятельств, добровольно ли заявленных или вырванных под пыткой, которые склоняли Маргарет Барклай к тому, что причина гибели судна кроется в нем самом. По его словам, он пришел в дом этой женщины в Ирвине вскоре после того, как корабль отплыл из гавани. Он пришел к Маргарет ночью и застал ее вместе с двумя другими женщинами за лепкой глиняных фигурок; одна из фигурок была сделана красивой, с русыми волосами, предположительно изображавшей проректора Трана. Затем они принялись лепить из глины фигуру корабля, и во время этой работы дьявол явился компании в виде красивой черной собаки на коленях, каких обычно держат дамы.⁸⁰ Он добавил, что все вместе покинули дом и отправились в пустую помойку неподалеку от морского порта, и этот дом он указал городским магистратам. Из этого дома они отправились на берег моря, сопровождаемые вышеупомянутой черной собакой, и бросили туда глиняные фигурки, изображавшие корабль и людей; после этого море разбушевалось, заревело и стало красным, как сок мадеры в красильном котле.

Примечание-->

80 (возвращение)

[Это может напомнить читателю "Diable Amoureux" Казотта].

Вырвав у несчастного жонглера это признание, он собрал всех знакомых Маргарет Барклай, чтобы указать на ее сообщниц в создании шарма, и набрел на женщину по имени Изобель Инш, или Тейлор, которая решительно отрицала, что когда-либо видела его раньше. Однако она была заключена в тюрьму на колокольне церкви. Дополнением к показаниям против бедной старухи Инш стали показания ее дочери Маргарет Тейлзеур, *ребенка восьми лет*, который жил в качестве слуги у Маргарет Барклай, главной обвиняемой. Этот ребенок, который был хранителем младенца, принадлежавшего Маргарет Барклай, то ли от ужаса, то ли от врожденной любви к лжи, которая, как мы заметили, свойственна детям, заявил, что она присутствовала при создании роковых моделей из глины, и что при погружении их в море Маргарет Барклай, ее хозяйке, и ее матери Изобель Инш помогали другая женщина и девочка четырнадцати лет, жившая на городской окраине. С юридической точки зрения показания этого ребенка противоречили и не соответствовали признанию жонглера, поскольку в них приводились другие детали и *драматические персонажи*, во многом отличавшиеся друг от друга. Но все было признано достаточно закономерным, тем более что девочка не стала клясться в присутствии черной собаки, к появлению которой она добавила еще и ужасы в виде черного человека. По ее словам, собака также испускала вспышки из пасти и ноздрей, чтобы освещать ведьм во время исполнения заклинания. Ребенок

продолжал рассказывать эту историю даже в лицо своей матери, утверждая лишь, что Изобель Инш осталась в мусоросборнике и не присутствовала при том, как изображения были выброшены в море. За то, что она сама присутствовала при этом, а также за сохранение тайны, хозяйка пообещала ей пару новых туфель.

Джон Стюарт, будучи повторно допрошенным и столкнувшись с ребенком, был легко вынужден признать, что "маленький сматчет" был там, и дать тот чудесный рассказ о своей переписке с Эльфландом, который мы уже приводили в другом месте.

Заговор, как они полагали, был раскрыт, и магистраты и министры упорно пытались убедить Изобель Инш рассказать правду; в конце концов она признала свое присутствие в то время, когда модели корабля и моряков были уничтожены, но постаралась так изменить свое заявление, чтобы отрицать всякое личное участие в вине. Это бедное создание почти признало приписываемые ей сверхъестественные способности, пообещав Бейли Данлопу (тоже моряку), у которого она находилась в заточении, что, если он отпустит ее, он никогда не совершит неудачного плавания, а будет иметь успех во всех своих делах на море и на суше. В конце концов ее заставили пообещать, что наутро она полностью признается во всем, что ей известно об этом деле.

Но оказавшись в столь затруднительном положении, несчастная женщина воспользовалась темнотой, чтобы попытаться сбежать. С этой целью она выбралась через заднее окно колокольни, хотя, как говорится в отчете, на ней были "железные болты, замки и оковы", и добралась до крыши церкви, где, потеряв опору, упала и сильно ушиблась. Когда ее задержали, Бейли Данлоп снова стал уговаривать ее признаться, но бедная женщина решила обратиться к более милосердному суду и до последней минуты своей жизни отстаивала свою невиновность, отрицая все, что ранее признавала, и умерла через пять дней после падения с крыши церкви. Жители Ирвина приписали ее смерть яду.

Сцена начала сгущаться, поскольку была дана комиссия для суда над двумя оставшимися обвиняемыми, а именно: жонглером Стюартом и Маргарет Барклай. В день суда произошли следующие необычные события, которые мы приводим в том виде, как они изложены в протоколе:...

"Милорд и граф Эглинтун (проживающий в пределах одной мили от указанного бурга) прибыл в указанный бург по настоятельной просьбе указанных судей, чтобы оказать им благосклонность, содействие и помощь его светлости в разбирательстве вышеуказанных дьявольских действий, в соответствии с положениями вышеуказанной комиссии, Упомянутый Джон Стюарт, для лучшей сохранности до дня присяги, был помещен в надежный замок, где ни один человек не мог иметь к нему доступа до спуска Судейского суда, и во избежание наложения на себя насильственных рук, он был очень строго охраняем и скован по рукам, как это принято. И в тот же день, примерно за полчаса до начала заседания суда, мистер Дэвид Диксон, министр Ирвина, и мистер Джордж Данбар, министр Эйра. Джордж Данбар, священник из Эйра, пришли к нему, чтобы увещевать его призвать Бога к милосердию за его прошлую злую и порочную жизнь, и чтобы Бог по своей бесконечной милости освободил его от уз дьявола, которому он служил эти долгие годы, он согласился на их молитву и благочестивое увещевание и произнес такие слова: "Я так строго охраняюсь, что не в моей власти заставить руку снять чепец или поднести хлеб ко рту". И сразу после того, как оба служителя удалились от него, за жонглером послали по желанию милорда Эглинтунского, чтобы он встретился с женщиной из бурга Эйр по имени Джанет Боус, которую магистрат бурга Эйр задержал за колдовство и специально для этого дела отправил в бург Ирвайн, Он был найден офицерами, которые пришли к нему, задушенным и

повешенным на крюке двери, на *тайтсе* из пеньки, или веревке из пеньки, которая, как предполагалось, была его подвязкой, или веревкой его чепца, длиной не более двух пролетов, его колени не были от земли на полпролета, и был вынесен из дома, его жизнь не была полностью уничтожена. Но какие бы средства ни использовались для возвращения ему жизни, он не ожил, а так и окончил свою жизнь плачевно, с помощью дьявола, своего хозяина.

"И поскольку в то время была жива только упомянутая Маргарет Барклай, и что лица, вызванные для рассмотрения ее дела и дела жонглера, который с помощью дьявола, своего хозяина, наложил на себя руки, были все в пределах упомянутого бурга; Поэтому, чтобы избежать подобного в лице упомянутой Маргарет, судебские нашего государя в вышеупомянутой части, созданные комиссией после торжественного обсуждения и совета упомянутого благородного лорда, чье согласие и совет были главным образом необходимы и приняты в этом деле, заключили со всем возможным усердием перед заседанием суда справедливости, чтобы подвергнуть упомянутую Маргарет пытке; в связи с тем, что дьявол, с Божьего позволения, заставил ее соратников, которые были светочами дела, стать их собственными *буррионами* (убийцами). Они применили пытку, описанную как наиболее безопасную и щадящую (в чем благородный лорд заверил упомянутых судей), поместив две ее голые ноги в колодки, а затем наложив один за другим несколько железных гаудов (прутьев), и затем увеличивая вес, накладывая все новые и новые лямки, и облегчая ее, снимая железные лямки по одной или по несколько, как только представлялся случай, и эти железные лямки были лишь небольшими короткими лямками и не прорывали кожу на ее ногах, ис.

"После применения этих *мягких пыток* упомянутая Маргарет начала, по мере усиления боли, плакать и просить Бога, чтобы он снял с ее голеней вышеупомянутые кандалы, и она должна была правдиво рассказать обо всем деле. Когда их сняли, она стала отказываться от своих прежних слов; и когда ее снова стали пытать, как прежде, она произнесла такие слова: "Снимите, снимите, и перед Богом я покажу вам всю форму!"

"И вот, когда, по ее верному обещанию, сняли упомянутые кандалы, она пожелала, чтобы милорд Эглинтун, четыре судьи и упомянутые мистер Дэвид Диксон, священник этого бурга, мистер Джордж Данбар, священник Эйра, и мистер Митчелл Уоллес, министр Килмарнока, и мистер Джон Каннингхейм, министр Далри, и Хью Кеннеди, бургомистр Эйра, чтобы они пришли сами и удалили всех остальных, и она должна заявить правдиво, поскольку ей предстоит отвечать перед Богом за все это дело. Чье желание было исполнено, и она сделала свое признание таким образом, но (*то есть* без) каких-либо требований, свободно, без допросов; имя Божье в искренней молитве было призвано открыть ее уста и облегчить ее сердце, чтобы она, сказав правду, прославила и возвеличила Его святое имя и разочаровала врага своего спасения" - Суд над Маргарет Барклай и т. д., 1618.

Маргарет Барклай, молодая и живая особа, до сих пор вела себя как вспыльчивая и вспыльчивая женщина, невинно обвиненная, и единственным доказательством ее вины было то, что она носила с собой рябину и цветные нитки, чтобы, как она говорила, заставить свою корову давать молоко, когда она начнет отказывать. Но *мягкая пытка* - странное сочетание слов, рекомендованное добрым лордом Эглинтоном в качестве обезболивающего средства, - когда ее ноги поместили в колодки, а голые голени нагрузили железными прутьями, преодолела ее решимость; когда под ее крики и заявления, что она готова все рассказать, гири были сняты. Затем она рассказала о том, как уничтожила корабль Джона Дейна, утверждая, что это было сделано с целью убить только своего деверя и проректора Трана, а остальных членов экипажа спасти. Одновременно она привлекла к вине Изобель

Кроуфорд. Эта бедная женщина также была задержана и в большом ужасе призналась во вменяемом ей преступлении, переложив основную вину на саму Маргарет Барклай. Суд был назначен к продолжению, когда Александр Дейн, муж Маргарет Барклай, явился в суд с адвокатом, чтобы выступить в защиту своей жены. Видимо, вид мужа пробудил в ней надежду и желание жить, так как на вопрос адвоката, желает ли она защищаться, пленница ответила: "Как вам угодно, но все, что я признала, было в муках пытки, и, перед Богом, все, что я говорила, - ложь и неправда". На что она патетически добавила: "Вы слишком долго не приходили".

Присяжные, не тронутые этими поразительными обстоятельствами, исходили из того, что признание обвиняемой не может считаться сделанным под пыткой, поскольку в момент его произнесения прутья не были на ее конечностях, хотя они и находились у ее локтя, готовые снова лечь на ее голени, если она будет менее откровенна в своем заявлении, чем того желали ее слушатели. На этом приятном отличии они в один голос признали Маргарет Барклай виновной. Необычно, что после вынесения приговора она вновь вернулась к своему признанию и умерла, подтверждая его; Объяснение этому, однако, может быть либо в том, что она действительно по своему невежеству и глупости подделала несколько пустых заклинаний, либо в том, что видимое раскаяние в своем преступлении, пусть и мнимом, было единственным способом, с помощью которого она могла получить хоть какую-то долю общественного сочувствия после своей смерти или часть молитв духовенства и прихожан, которые, в ее обстоятельствах, она могла бы купить, даже признавшись в том, во что все верили относительно нее. Примечательно, что она убедительно просила магистратов не причинять вреда Изобел Кроуфорд, женщине, которую сама же и обвинила. Это несчастное юное создание было задушено на костре, а ее тело сожжено в пепел, и она умерла с многочисленными выражениями религии и покаяния.

Одним из фатальных последствий этих жестоких преследований было то, что одна куча обычно зажигалась на углях другой. Так и в данном случае, когда три жертвы уже погибли от этого обвинения, магистраты, разгневанные характером преступления, столь опасного для людей, ведущих морской образ жизни, и потерей нескольких своих друзей, один из которых был их главным судьей, не преминули настоять против Изобель Кроуфорд, обвиненной по признанию Маргарет Барклай. Для суда над ней была назначена новая комиссия, и после того, как помощник священника Ирвина, мистер Дэвид Диксон, вознес искренние молитвы к Богу, чтобы Он открыл ее упрямое и закрытое сердце, она была подвергнута пытке железными прутьями, положенными на ее голые голени, а ее ноги были в колодках, как в случае с Маргарет Барклай.

Она перенесла эту пытку с невероятной стойкостью, так как "великолепно, без какого-либо шума или восклицания, перенесла, когда ей на ноги положили более тридцати камней железа, несколько не уменьшившись при этом, но оставаясь, как бы, непоколебимой". Но когда положение железных прутьев изменилось, и их переместили на другую часть голени, ее постоянство сдало; она разразилась ужасными криками (хотя на ее лице было не более трех прутьев): "Так-так-так-так-так!" Когда ее освободили от пыток, она сделала обычное признание во всем, в чем ее обвиняли, и в связи с дьяволом, которая существовала в течение нескольких лет. Соответственно, ей был вынесен приговор. После того как он был оглашен, она открыто отреклась от всех своих прежних признаний и умерла без каких-либо признаков раскаяния, неоднократно прерывая молитву священника и категорически отказываясь помиловать палача.

Эта трагедия произошла в 1613 году, и ее описание, весьма подробное и обстоятельное, представляет собой самый подробный пример шотландского суда над колдуньей - в

частности, наглядно показывает, как бедные несчастные, покинутые, как они считали, Богом и миром, лишенные всякого человеческого сочувствия и подвергнутые личным пыткам самого острого свойства, были готовы скорее расстаться с жизнью, которая стала для них горькой после добровольного признания вины, чем безнадежно бороться с таким количеством зол. Четыре человека здесь погибли только потому, что выброс в море нескольких глиняных моделей, о чем свидетели рассказывали по-разному, соответствовал времени года, так как не было определено дня, в который было потеряно конкретное судно. Вряд ли здравомыслящий человек, прочитав такую историю, сможет хоть на мгновение прислушаться к доказательствам, основанным на полученных таким образом признаниях, которые были почти единственной причиной, по которой несколько человек даже в наше время пытались оправдать веру в существование колдовства.

Результат судебного допроса преступника, полученный таким путем, является самым подозрительным из всех доказательств, и даже если он дан добровольно, он едва ли может быть принят без подтверждения другими свидетельствами.

На этом мы могли бы закончить нашу шотландскую историю колдовства, едва упомянув, что многие сотни, а может быть, и тысячи людей погибли в течение двух столетий по таким обвинениям и с такими доказательствами, как смерть этих людей на суде над ирвинскими ведьмами. Один случай, однако, настолько выделяется славой среди многочисленных случаев, имевших место в шотландской истории, что мы вынуждены уделить несколько слов этим знаменитым личностям - майору Вейру и его сестре.

Дело этого отъявленного волшебника примечательно прежде всего тем, что он был человеком с определенным состоянием (сын джентльмена, а его мать - родовитая леди из Клайдсдейла), что редко случалось с теми, кто попадал под подобные обвинения. Примечательным в его случае было и то, что он был ковенантером и был особенно привязан к этому делу. В годы Содружества этот человек пользовался доверием и услугами тех, кто тогда стоял во главе дел, а в 1649 году был командиром городской стражи Эдинбурга, что обеспечило ему звание майора. В этом качестве он, как и подразумевалось в обязанностях этого офицера в то время, был очень строг к тем роялистам, которые попадали под его военную ответственность. Оказывается, майор, вместе с девицей-сестрой, которая содержала его дом, был подвержен приступам меланхолического помешательства, и этот недуг легко примирить с формальными претензиями, которые он делал для демонстрации религиозного рвения. Он обладал особым молитвенным даром, и, по обычаю того времени, его часто вызывали к постели больных, пока не заметили, что по какой-то ассоциации, которую легче представить, чем объяснить, он не может молиться с прежней теплотой и беглостью выражений, если в руке у него нет палки особой формы и вида, с которой он обычно ходил. Было замечено, что, когда у него отнимали эту палку, его остроумие и талант, казалось, оставляли его. Этот майор Вейр был схвачен магистратом за странный шепот о гнусной практике, которую он, похоже, допускал без стыда и раскаяния. Отвратительные распутства, в которых он признался, были такого характера, что можно надеяться, что большинство из них были плодом развращенного воображения, хотя он, похоже, был во многих отношениях злым и преступным лицемером. Когда он закончил свою исповедь, то торжественно заявил, что не признался и в сотой доле совершенных им преступлений. С тех пор он не отвечал на вопросы и не прибегал к молитве, утверждая, что, поскольку у него нет никакой надежды спастись от сатаны, незачем возбуждать его тщетными попытками покаяния. Его колдовство, по-видимому, считалось само собой разумеющимся на основании его собственного признания, поскольку обвинительное заключение было основано главным образом на том же документе, в котором он утверждал, что никогда не видел дьявола, а все

его представления о нем были смутными. Его приговорили к смерти, которую он принял 12 апреля 1670 года на Галлоу-хилл, между Лейтом и Эдинбургом. Он умер настолько тупо, угрюмо и безвольно, что оправдывает мнение о том, что его угнетало некое меланхоличное безумие, возможно, следствие угрызений совести, но такое, что побуждало его не к раскаянию, а к отчаянию. Кажется вероятным, что он был сожжен заживо. Его сестра, с которой, как предполагалось, у него была кровосмесительная связь, также была приговорена к смерти, оставив более сильное и ясное свидетельство об их общих грехах, чем можно было извлечь из майора. Она, как обычно, рассказала о своей связи с королевой фей и призналась, что получила от нее помощь в прядении необычного количества батата. О своем брате она рассказала, что однажды в полдень к ним явился друг на огненной колеснице и пригласил их навестить друга в Далкейте, и там брат получил сведения о событиях битвы при Вустере. Никто, кроме них самих, не видел стиля их снаряжения. На эшафоте этой женщине, решившей, по ее словам, умереть "с величайшим позором", с трудом помешали сбросить одежду перед народом, и с не меньшим трудом палач сбросил ее с лестницы. Ее последние слова были сказаны в тоне секты, к которой так долго пытался принадлежать ее брат: "Многие, - сказала она, - плачут и сетуют по бедной старой нищенке вроде меня; но, увы, немногие плачут по нарушенному Завету".

Шотландские прелаты, на которых ковенантеры бросали множество упреков в том, что они получают доказательства против выстрелов от дьявола и других inferнальных практик, обрадовались возможности, в свою очередь, отвести от своих противников обвинение в колдовстве. Доктор Хикс, автор "Thesaurus Septentrionalis", опубликовал материал о майоре Вейре и о деле Митчелла, который выстрелил в архиепископа Сент-Эндрюса из своей книги под названием "Ravallac Redivivus", написанной с несправедливой целью прикрепить к религиозной секте, к которой принадлежали колдун и убийца, обвинение в том, что она способствовала и поощряла преступления, которые они совершили или пытались совершить.

Несомненно, что ни одна история о колдовстве или некромантии, которых было так много в окрестностях и в Эдинбурге, не произвела такого неизгладимого впечатления на общественное сознание, как история майора Вейра. Останки дома, в котором жили он и его сестра, до сих пор видны в начале Уэст-Боу и имеют мрачный вид, вполне подходящий для некроманта. В разное время он служил и мангалом, и магазином для хранения ворса, а в дни моей юности использовался и для последнего; но ни одна семья не поселилась бы в этих призрачных стенах в качестве жилья; и смелым был тот школьник, который осмеливался подойти к мрачным развалинам, рискуя увидеть заколдованный посох майора, шествующий по старым апартаментам, или услышать гул некромантического колеса, которое обеспечило его сестре такой характер, как прядильщица. В то время, когда я пишу эти строки, эта последняя крепость суеверной славы находится в процессе разрушения, в связи с современными усовершенствованиями, происходящими в квартале, который долгое время считался неулучшаемым.

По мере роста знаний и образованности джентльмены и духовенство Шотландии стали стыдиться легковерия своих предков, и суды над ведьмами, хотя и не прекратились, все реже позорят наши записи об уголовной юриспруденции.

Сэр Джон Клерк, ученый и антиквар, дед знаменитого Джона Клерка из Элдина, имел честь одним из первых отказаться от роли комиссара на суде над ведьмой, на который он был назначен еще в 1678 году⁸¹, резко заявив, что он не считает себя колдуном (то есть колдуном), достаточным для того, чтобы быть судьей на таком инквизиционном процессе. Аллан Рамсей, его друг и, надо полагать, выразитель мнения многих уважаемых

покровителей, высказал свое мнение по этому поводу в "Нежном пастухе", где воображаемое колдовство Моуза составляет механизм поэмы.

Примечание-->

81 (возвращение)

[См. "Решения" Фаунтейнхолла, т. I, с. 15].

Однако эти зачатки здравого смысла и гуманности были заслонены облаками древнего суеверия не в одном выдающемся случае. В 1676 году сэр Джордж Максвелл из Поллока, человек, по-видимому, меланхолический и любящий учиться, поверил, что его до смерти околдовали шесть ведьм, один мужчина и пять женщин, которые объединились для того, чтобы мучить глиняное изображение по его подобию. Главной уликой в этом деле была бродячая девушка, притворявшаяся глухонемой. Но поскольку впоследствии ее самозванство было раскрыто, а сама она наказана, можно с полным основанием заключить, что она сама создала изображение сэра Джорджа и спрятала его там, где его потом нашли благодаря ее собственным сведениям. Тем временем пятеро обвиняемых были казнены, а шестому удалось спастись лишь по причине крайней молодости.

Еще более примечательный случай произошел в Пейсли в 1697 году, где главной уликой была молодая девушка, около одиннадцати лет, дочь Джона Шоу из Баргаррана. Эта неудачливая девица, начавшая свою практику из-за ссоры со служанкой, продолжала так точно имитировать случай одержимости, что по ее показаниям было осуждено не менее двадцати человек, из которых пятеро были казнены, кроме одного Джона Рида, который повесился в тюрьме, или, как милосердно говорили, был задушен дьяволом лично, чтобы он не разгласил информацию во вред службе. Но даже те, кто верил в колдовство, теперь начали открывать глаза на опасности, которые таит в себе нынешний способ преследования. "Я сам, - пишет преподобный мистер Белл в своем MS. "Трактат о колдовстве", "много вреда достойным и невинным людям причинил общепринятый способ выявления ведьм, а также средства, используемые для содействия обнаружению таких несчастных и привлечения их к ответственности; так что часто старость, бедность, особенности и дурная слава, а также подобные основания, не достойные быть представленными магистрату, побуждают многих подозревать и порочить своих соседей, к несказанному ущербу для христианского милосердия; В качестве примера можно привести недавнее дело о колдовстве, совершенном над дочерью лэрда Баргаррана в 1697 году на западе страны, когда люди более добрые и уважаемые, чем большинство их клеветников, были опорочены как ведьмы, и причиной тому послужили бесцеремонность и нелепое легкоеверие различных достойных служителей Евангелия и профессоров в городе Глазго и его окрестностях."⁸²

Примечание-->

Те, кто сомневался в смысле закона или разумности практики в таких случаях, стали набираться смелости и смело заявлять о своих возражениях. В 1704 году в Питтенвине произошел ужасающий случай народного фанатизма. Бродяга, страдавший припадками, обвинил в колдовстве двух женщин, которые были схвачены и заключены в тюрьму с обычной суровостью. Одна из несчастных, Джанет Корнфут по имени, сбежала из тюрьмы, но, к несчастью, была поймана и привезена обратно в Питтенвим, где попала в руки свирепой толпы, состоящей из грубых моряков и рыбаков. Магистрат не предпринял никаких попыток спасти ее, и толпа жестоко расправилась с бедной старухой, забрасывая ее камнями, раскачивая на веревке между кораблем и берегом, и, наконец, закончила ее жалкое существование, набросив на нее дверь, когда она лежала без сил на берегу, и забрасывая ее камнями, пока она не была придавлена до смерти. Поскольку в ходе этого жестокого буйства были нарушены даже существующие законы против колдовства, на магистратов и министров города обрушились горячие нападки тех, кто был потрясен столь ужасной трагедией. Были опубликованы ответы, в которых нападавшие ревностно защищались. Ожидалось, что за дело возьмутся высшестоящие власти, но так случилось, что во время всеобщего смятения в стране по поводу Союза убийство осталось без расследования, которого требовало столь ужасное преступление. Тем не менее, в том, что жестокость была выставлена на всеобщее обозрение, было нечто полезное. К голосу общего мнения теперь обращались, и в конечном итоге те чувства, которые оно отстаивает, обычно оказываются здравым смыслом и гуманностью.

Высшие должностные лица осмелились теперь утвердить свою официальную власть и оставить за собой решение дел о предполагаемом колдовстве, которые страх перед общественным резонансом заставлял их раньше оставлять в руках низших судей, на которых действовали все предрассудки страны и населения.

В 1718 году знаменитый адвокат Роберт Дандас из Арнистона, в то время королевский адвокат, написал суровое письмо с порицанием шерифу-депутату Кейтнесса, прежде всего за то, что тот не сообщил официально о некоторых предчувствиях, которые он имел в отношении некоторых недавних случаев колдовства в его графстве. Адвокат напомнил этому местному судье, что обязанность нижестоящих магистратов в таких случаях - сначала посоветоваться с королевским адвокатом, следует ли подвергать их суду или нет, и если да, то в каком суде и каким образом это должно происходить. Он также обратил внимание магистрата на сообщение о том, что он, шериф-депутат, намерен сам судить по этому делу; "дело слишком сложное, чтобы судить его без очень обдуманного совета, и выходит за рамки юрисдикции низшего суда". Вместе с извинениями заместитель шерифа присылает [прекогницию](#)⁸³ этого дела, которое является одним из самых вздорных в этом вздорном отделе права. Некий плотник по имени Уильям Монтомери был настолько заражен кошками, которые, как сообщила его служанка, "разговаривали между собой", что он в ярости набросился на группу этих животных, собравшихся в его доме в неурочное время, и с помощью своего высокогорного оружия - ножа, кортика и меча, а также своего профессионального оружия - топора - так разогнал их, что они затихли на всю ночь. Говорят, что в результате его ударов погибли две ведьмы. Случай с третьей, по имени Нин-Гильберт, был еще более примечательным. Ее нога была сломана, поврежденная конечность засохла, чахла и в конце концов отвалилась; после этого ведьму заключили в тюрьму, где она также умерла; оставался вопрос, следует ли возбудить процесс против тех, кого она, как обычно,

оговорила в своем вынужденном признании. Лорд-адвокат, как и следовало ожидать, отменил все дальнейшие процессуальные действия.

Примечание...

83 (возвращение)

[Прекогниция - это запись предварительных доказательств, на основании которых государственные служащие, на которых в Шотландии возложены обязанности большого жюри в Англии, берут на себя ответственность направить обвиняемого в суд].

В 1720 году неудачливый мальчик, третий сын Джеймса, лорда Торфихена, взял себе за правило, по указаниям, как говорят, одного из безжалостных губернаторов, изображать одержимого и заколдованного человека, возлагая причину своих бед на неких старых ведьм в Колдере, неподалеку от которого находилось поместье его отца. Женщины были заключены в тюрьму, а одна или две из них умерли; но адвокат короны не стал доводить дело до суда. Благородная семья также начала понимать, что обман не удался. Мальчика отправили в море, и хотя говорят, что одно время он был не прочь испытать свои силы на борту, когда дисциплина флота оказалась слишком суровой для его хитрости, со временем он стал хорошим моряком, галантно защищал судно от пиратов Англии и в конце концов утонул во время шторма.

В 1722 году шериф-делегат Сазерленда, капитан Дэвид Росс из Литтлдина, в нарушение установленных в то время правил юрисдикции, взял на себя смелость вынести последний смертный приговор за колдовство, который когда-либо выносился в Шотландии. Жертвой стала безумная старуха из прихода Лот, которая настолько плохо представляла себе свое положение, что радовалась при виде огня, которому суждено было ее поглотить. У нее была дочь, хромая на руки и ноги, и это обстоятельство объясняется тем, что ведьма превратила ее в пони, а дьявол обул ее. Судя по всему, за это жестокое злоупотребление законом в отношении столь беспомощного существа не последовало никакого наказания; но сын хромой дочери, сам отличавшийся тем же несчастьем, жил так недавно, что получил благотворительную помощь нынешней маркизы Стаффорд, графини Сазерлендской в ее собственном праве, которой бедняки ее обширной страны известны так же хорошо, как и бедняки высшего сословия.

Со времени этого прискорбного поступка в Шотландии не было ни одного судебного вмешательства по поводу колдовства, разве что для предотвращения взрывов народной вражды против людей, подозреваемых в этом преступлении, чему можно привести несколько примеров. Остатки суеверия иногда встречаются; нет сомнений, что вульгарные люди все еще прирастали к обычаю забить над [дыханием](#)⁸⁴ (как это называется) и другим контрзаклинаниям, что свидетельствует о том, что вера в колдовство только спит и может в отдаленных уголках снова пробудиться для кровавых дел. Один или два примера могут быть приведены главным образом как факты, известные самому автору.

Примечание-->

84 (возвращение)

[Вызывание крови, то есть нанесение двух порезов в виде креста на лоб ведьмы, считается во всей Шотландии самым сильным противодействующим талисманом].

В одном из отдаленных районов Горной Шотландии одна невежественная и злобная женщина, похоже, действительно задумала уничтожить имущество своего соседа, поставив в коровник, или, как мы его называем, байр, горшок из обожженной глины с локонами волос, обрезками ногтей и прочей дребеденью. Это драгоценное заклинание было обнаружено, замысел разгадан, и ведьма была бы разорвана на куски, если бы одна высокодуховная и прекрасная дама, живущая по соседству, не собрала несколько своих людей (хотя они не очень любили эту службу) и не вырвала несчастное создание из рук жителей. Грозное заклинание теперь находится в моем распоряжении.

Около двух лет назад в городе Далкейт, когда разбирали стены здания, ранее служившего кормушкой для скота, под пороговым камнем нашли засохшее сердце какого-то животного, утыканное множеством десятков булавок - по преданию, против колдовских действий над скотом, который держали внутри. Среди почти бесчисленных толп быков, которые каждый год спускаются с Горных гор на юг, почти нет ни одного, у которого на хвосте не было бы любопытного узла, что также является мерой предосторожности, чтобы сглаз или злые чары не навредили животному.

Последняя шотландская история, которой я вас побеспокою, произошла в 1800 году или вскоре после него, и все обстоятельства мне хорошо известны. В конце восемнадцатого и начале нынешнего столетия, когда наступили неурожайные годы, все испытывали неудобства, но бедняки страдали от них. Одинокая старушка в дикой и одинокой местности жила в основном за счет разведения кур, что требовало столько заботы и внимания, что дворяне и даже жены фермеров часто считают, что лучше купить птицу в определенном возрасте, чем брать на себя хлопоты по ее воспитанию. Поскольку старушка в данном случае пробивалась в жизни лучше своих соседей, завистники заклеили ее как обладательницу некоего незаконного способа увеличить доходы от своего небольшого ремесла, и, судя по всему, ее не сильно встревожило это обвинение. Но она, как и другие, ощутила на себе недостаток тех лет, о которых уже говорилось, и главным образом потому, что фермеры не желали продавать зерно в тех весьма умеренных количествах, которые она могла закупать и без которых ее небольшое поголовье домашней птицы неизбежно должно было погибнуть от голода. Оказавшись в затруднительном положении, барыня отправилась к соседнему фермеру, очень добродушному, рассудительному и честному человеку, и попросила его в качестве одолжения продать ей кулек овса по любой цене. "Добрый сосед, - сказал он, - мне жаль, что я вынужден вам отказать, но моя кукуруза отмерена для рынка Далкейта; мои телеги нагружены для отправки, и открывать эти мешки снова, да еще за такое малое количество, означало бы расстроить мои счета и создать много проблем и неудобств; осмелюсь сказать, что вы получите все, что вам нужно, в таком-то или таком-то месте". Получив такой ответ, старуха вспылила. Она обругала богатого фермера и пожелала зла его имуществу, которое как раз отправлялось на рынок. Они расстались после нескольких гневных высказываний с обеих сторон; и вот, когда телеги переходили вброд реку под фермерским домом, у одной из них оторвалось колесо, и пять или шесть мешков с кукурузой были повреждены водой. Добрый фермер не знал, что и думать об этом; налицо были два обстоятельства, которые издревле считались существенными и достаточными для

преступления колдовства - *Damnum minatum, et malum secutum*. Не зная, чему верить, он поспешил посоветоваться с шерифом графства, как с другом, а не как с судьей, в столь необычном случае. Официальное лицо показало ему, что законы против колдовства отменены, и без особого труда заставило его рассматривать дело в истинном свете несчастного случая.

Странно, но факт: сама обвиняемая не смогла так легко примириться с доктриной шерифа. Он напомнил ей, что, если она будет так свободно пользоваться своим языком, она подвергнет себя подозрениям, а если совпадения будут раздражать ее соседей, она может пострадать в тот момент, когда ее некому будет защитить. Поэтому он попросил ее быть осторожнее в выражениях ради ее же блага, выразив при этом уверенность, что ее слова и намерения совершенно безобидны, и что он не опасается, что она причинит ему вред, пусть она желает ему самого худшего. Ее скорее рассердил, чем обрадовал скептицизм благонамеренного шерифа. "Я бы не пожелала ничего плохого ни вам, ни вам, сэр, - сказала она, - потому что знаю, как это бывает, но после моих слов всегда остается что-то, когда я плохо ориентируюсь и говорю слишком быстро". Короче говоря, она упорно претендовала на то, чтобы влиять на судьбы других людей с помощью слов и желаний, которые в иные времена могли бы привести ее на костер, для которого ее выражения, их последствия и ее склонность настаивать на их действительности, несомненно, в давние времена сделали бы ее подходящей жертвой. В настоящее время эта история едва ли заслуживает упоминания, но она содержит материал, напоминающий те, из которых возникло множество трагических инцидентов.

Короче говоря, вера в колдовство сейчас настолько низка, что, пожалуй, ее принимают только те полусумасшедшие, которые чувствуют некие последствия случайных совпадений, которые, будь они приняты обществом в целом, как и в прежние времена, могли бы стоить жизни тем, кто ими хвастается. Автору известен по крайней мере один пациент-ипохондрик, который считает себя жертвой банды ведьм и приписывает свои болезни их чарам, так что ему не нужно ничего, кроме снисходительного судьи, чтобы вновь пробудить старые представления о колдовстве.

ПОСЛЕСЛОВИЕ X.

Другие мистические искусства, не зависящие от колдовства - астрология - ее влияние в XVI и XVII веках - базовое невежество тех, кто ее практиковал - история жизни и времени Лилли - общество астрологов - доктор Лэмб - доктор Форман - создание Королевского общества -

Партридж - связь астрологов с элементарными духами - доктор Дан - ирландское суеверие баньши - аналогичное суеверие в Горных горах - брауни - призраки - вера древних в этот предмет - расследование. Дан-Ирландское суеверие о баньши-Сходное суеверие в горных районах-Брауни-призраки-Вера древних философов в эту тему-Исследование уважения к таким историям в современное время-Свидетельство о призраке против убийцы-Призрак сэра Джорджа Вильерса-История графа Св. Винсента - О британском генерале - О явлении во Франции - О втором лорде Литтелтоне - О Билле Джонсе - О Джарвисе Матчаме - Суд над двумя горцами за убийство сержанта Дэвиса, обнаруженное призраком - Беспорядки в Вудстоке, 1649 г. - Призрак, называемый Стоквеллским привидением - Аналогичный случай в Шотландии - Призрак, явившийся к экскурсанту - История о доме, в котором произошел переполох, обнаруженный благодаря твердости владельца - Явление в Плимуте - Клуб философов - Приключение фермера с призраком - Прикол с солдатом-ветераном - Истории о призраках, рекомендуемые благодаря мастерству авторов, которые их сочиняют - Миссис Вил. Призрак Вила - Свидетельство о явлении Дантона - Влияние подходящих декораций на склонность к суевериям - Различия в разные периоды жизни - Ночь в замке Гламмис около 1791 года - Посещение Дунвегана в 1814 году.

В то время как вульгарные люди пытались заглянуть во тьму будущего, обращаясь к ведьмам или гадалкам, великие люди, как предполагалось, имели свой собственный королевский путь, открывающий вид из более возвышенного квартала той же *terra incognita*. Туда можно было попасть несколькими путями. Физиогномика, хиромантия и другие фантастические искусства предсказаний обеспечивали каждому мистическую помощь и руководство. Но самым лестным для человеческого тщеславия и в то же время самым соблазнительным для человеческого легковерия был путь астрологии, царицы мистических наук, которая льстила тем, кто доверял ей, что планеты и звезды в своих сферах определяют и влияют на судьбу земных существ, и что мудрец, знакомый с ее преданиями, может с некоторой долей уверенности предсказать события карьеры любого человека, его шансы на успех в жизни или в браке, его продвижение по карьерной лестнице или ответить на любые другие вопросы гороскопа, как они называются, которые он может захотеть задать, при условии, что он всегда может указать точный момент своего рождения. В XVI и большей части XVII веков это было все, что требовалось для того, чтобы астролог мог составить схему положения небесных тел, которая должна была раскрыть жизнь допрашиваемого, или натива, как его называли, со всеми ее изменениями, прошлыми, настоящими и грядущими.

Воображение было ослеплено столь великолепной перспективой, и мы видим, что в XVI веке культивирование этой фантастической науки стало серьезной задачей людей, чье понимание и знания не допускали никаких сомнений. Сам Бэкон допускал истину, которая может быть найдена в хорошо отрегулированной астрологии, проводя таким образом различие между искусством, которое обычно практикуется, и тем, как его можно, по его мнению, правильно использовать. Но серьезное и трезвое использование этой науки, если даже Бэкон мог научить такой умеренности, не соответствовало нравам тех, кто, воспламененный надеждами на временное обогащение, претендовал на то, чтобы понимать и объяснять другим язык звезд. Почти все другие пути мистического знания вели к бедности; даже алхимик, хотя и говорил громко и высоко о бесконечных сокровищах, которые должно было добыть его искусство, жил изо дня в день и из года в год надеждами, такими же необоснованными, как дым из его печи. Но занятия астролога были таковы, что требовали мгновенного вознаграждения. Он разбогател благодаря надеждам и легковерию тех, кто к нему обращался, и этот художник жил, обманывая других, а не голодал, как другие, обманывая себя. Самые мудрые люди были обмануты идеей, что какое-то

сверхъестественное влияние поддерживает и направляет их; и со времен Валленштейна до времен Буонапарта честолюбие и успех приводили к фатализму, внушенному верой в влияние собственной звезды. В таком случае эта наука мало интересовала тех, кто, верный в своих замечаниях и отчетах, должен был вскоре обнаружить ее обманчивую суетность через блеск ее профессий; И место таких спокойных и бескорыстных искателей истины заняли люди, иногда изобретательные, всегда бесцеремонные и самонадеянные, чьи знания были навязаны, чьи ответы, подобно древним оракулам, основывались на желании обмануть, и которые, если иногда они и возвышались в ранге и состоянии, чаще оказывались в одном ряду с мошенниками и бродягами. Это было тем более вероятно, что достаточный запас наглости и знание назубок терминов искусства - вот и вся информация, необходимая для становления фокусника. Естественным следствием деградации профессоров стала деградация самого искусства. Лилли, написавший историю своей жизни и времени, в этом любопытном томе отмечает самых выдающихся людей своего времени, которые претендовали на астрологию, и почти без исключения описывает их как распутных, никчемных, мошенников, преданных пороку и навязывающих свои услуги глупым дуракам, которые к ним обращались. Судя по тому, что мы узнаем из его собственной истории, сам Лилли, низкорослый невежественный человек с некоторыми мрачными оттенками фанатизма в своем темпераменте, был достаточно приспособлен, чтобы обманывать других, и, возможно, обманул сам, просто ознакомившись в зрелом возрасте с некоторыми астрологическими трактатами, разработанными людьми менее хитрыми, но, возможно, более претендующими на научность, чем он сам мог похвастаться. Тем не менее, публика все еще продолжает проглатывать эти грубые навязывания, хотя и исходящие от столь недостойных авторитетов. Астрологи представляли разные стороны Гражданской войны, и король с одной стороны, и парламентские лидеры с другой были одинаково любопытны и охотно верили в то, что Лилли, Уортон или Гэдбери открыли с неба, касаясь судьбы распри. Лилли был благоразумным человеком, умудрявшимся менять паруса своей пророческой яхты так, чтобы соответствовать течению времени и шторму судьбы. Ни один человек не мог лучше узнать по различным предзнаменованиям ход несчастий Карла, как только они наступали. Во времена Содружества он предвидел вечное разрушение монархии, а в 1660 году это не помешало ему предвидеть реставрацию Карла II. Он пользовался определенным авторитетом даже среди лучших слоев общества, так как Обри и Эшмол называли себя его друзьями, будучи людьми чрезвычайно доверчивыми, несомненно, в отношении мистических искусств. Раз в год астрологи устраивали публичные обеды и пиры, на которых покровительствовала компания глупцов, претендовавших на звание филоматов, то есть любителей математики, под этим именем до сих пор выделялись те, кто поощрял стремление к мистическому предвидению, наиболее противоположному точным наукам. Элиас Эшмол, "почтеннейший эсквайр", которому посвящена жизнь Лилли, редко не посещал эти встречи; более того, несколько людей, обладающих умом и знаниями, удостоились этой встречи. Изображение Конгривом такого человека, как Форсайт, одураченного астрологией и родственными ей искусствами, было распространено в обществе. Но астрологи XVII века не ограничивались только звездами. Не было такой области мошенничества, которую бы они не практиковали; они скандалили, как сводники, и, как шарлатаны, продавали снадобья для самых недостойных целей. По этим причинам простые люди ненавидели великих астрологов так же искренне, как и более вульгарных колдунов из их собственной сферы.

Доктор Лэмб, которому покровительствовал герцог Бекингем, склонный, как и другие фавориты-переростки, лелеять астрологию, в 1640 году был разорван на куски в Лондоне разъяренным населением, а его служанка, тринадцать лет спустя, повешена как ведьма в Солсбери. В злодейском деле об отравлении сэра Томаса Овербери во времена короля Якова много говорилось об искусстве и мастерстве доктора Формана, другого профессора

того же рода, что и Лэмб, с которым графиня Эссекс советовалась о том, как лучше провести свою преступную интригу с графом Сомерсетом. Он был мертв до того, как разразилось дело, которое в противном случае могло бы стоить ему виселицы, как и всем остальным, за исключением лишь главных участников, зверских авторов преступления. Когда дело рассматривалось, в суде были представлены маленькие куклы, на которые одна из сторон смотрела с ужасом, как на воплощение самых страшных заклинаний. Говорили даже, что дьявол собирается снести здание суда, если их обнаружат. Другие же зрители видели в них лишь фигурки младенцев, на которых портнихи тогда, как и сейчас, привыкли демонстрировать новые фасоны.

Возведение Королевского общества, предназначенного совсем для других целей, чем занятия астрологией, естественным образом привело к дискредитации последней; и хотя легкоеверие невежд и неосведомленных людей продолжало поддерживать некоторых претендентов на эту науку, имя Филомата, принятое этими людьми и их клиентами, стало тонуть в насмешках и презрении. Когда сэр Ричард Стил основал газету под названием "*Гардиан*", он решил под именем Нестора Айронсайда взять на себя роль астролога и выпускал соответствующие предсказания, одно из которых, сообщавшее о смерти человека по имени Партридж, некогда сапожника, а в то время составителя астрологического альманаха, вызвало полемику, которую с большим юмором поддерживали Свифт и другие остроусловы. Полагаю, вы поймете, что эта статья, а также "Элегия" Свифта, посвященная тому же человеку, - один из последних случаев, когда астрология позволила добрым людям Англии даже пошутить.

Эта бесчестная наука имеет некоторое право быть упомянутой в "Трактате о демонологии", потому что ранние астрологи, хотя и отрицали использование любой некромантии, то есть незаконной или черной магии, всегда претендовали на соответствие с различными духами стихий по принципам росикрусианской философии. Они утверждали, что могут связать для своей службы и заключить в кольцо, зеркало или камень какую-нибудь фею, серпиду или саламандру, заставить ее явиться, когда ее позовут, и дать ответы на вопросы, которые предложит зритель. Примечательно, что сам мудрец не претендовал на то, чтобы увидеть духа; задача зрителя, или чтеца, возлагалась на третье лицо, мальчика или девочку, обычно не достигших половой зрелости. У доктора Ди, превосходного математика, был подобный камень, и, как рассказывают, ему навязали информацию о духах, привязанных к нему, их действиях и ответах по докладу одного Келли, который выступал в роли зрителя. Несчастный Ди был уничтожен своими единомышленниками как в плане состояния, так и в плане репутации. Его шоу-камень или зеркало до сих пор хранится среди других диковинок в Британском музее. Некоторые суеверия того же рода были введены знаменитым графом Калиостро во время интриги с бриллиантовым ожерельем, в которой так неудачно оказалась замешана покойная Мария-Антуанетта.

Отбросив этот общий класс самозванцев, о которых теперь редко приходится слышать, мы перейдем к краткому упоминанию некоторых ведущих суеверий, некогда, возможно, общих для всех стран Европы, но теперь ограниченных теми, которые по-прежнему населены нетронутой и исконной расой. Среди них одно из самых красивых - ирландское поверье, которое закрепляет за некоторыми семьями древнего происхождения и знатного рода привилегию банши, как ее называют, или домашней феи, в чьи обязанности входит появляться в траурном виде, когда она возвещает о приближении смерти кого-то из предначертанного рода. Этот вопрос был так недавно и прекрасно исследован и проиллюстрирован мистером Крофтоном Крокером и другими, что я могу обойтись без особых подробностей по этому поводу. Если я правильно осведомлен, звание "банши"

полагается только семьям чистокровных милезийцев и никогда не приписывается ни одному потомку гордых норманнов или смелых саксов, следовавших под знаменем графа Стронгбоу, ни тем более искателям приключений более позднего времени, получившим поселения на Зеленом острове.

Несколько семей Шотландского нагорья издревле претендовали на то, что у них был сопровождающий дух, исполнявший обязанности ирландского баньши. Среди них, однако, функции этого сопровождающего гения, чья форма и внешний вид отличались в разных случаях, не ограничивались тем, что он объявлял о кончине тех, чьи дни были сочтены. Горцы умудрялись требовать от них и других услуг: иногда они оберегали от опасностей битвы, в других случаях - охраняли и защищали младенца-наследника от опасностей детства, а иногда снисходительно вмешивались даже в спортивные состязания вождя и указывали, какой ход лучше сделать в шахматах или какую карту лучше разыграть в любой другой игре. Среди тех духов, которые в последние годы соизволили подтвердить свое существование своим появлением, - предок семьи Маклейн из Лохбуя. Перед смертью любого из своего рода призракный вождь скачет по морскому пляжу рядом с замком, возвещая об этом плачем и причитаниями. Говорят, что призрак скакал и издавал предсмертные крики в течение нескольких лет, в результате чего семья и клан, хотя и были сильно потрясены, ничуть не удивились, узнав из следующих сообщений, что их галантный вождь погиб в Лиссабоне, где он служил под началом лорда Веллингтона.

Более скромным по происхождению и роду занятий был шотландский брауни, о котором уже упоминалось как о некотором подобии Робина Гудфеллоу в веселые времена старой Англии. Этого духа легко было изгнать, или, как его называли, нанять, предложив одежду или еду; но многие из простых жителей не понимали благоразумия расставания с таким полезным домашним тружеником, который верно служил без платы и вознаграждения, еды и одежды. Да и отказываться от помощи Брауни было не всегда безопасно. Так, Бранд сообщает нам, что один молодой человек на Оркнейских островах "варил пиво и иногда читал Библию, на что одна старуха в доме сказала, что Брауни недоволен книгой, по которой он читает, и если он будет продолжать это делать, то Брауни больше не будет им помогать; но он, будучи лучше обучен по этой книге, которая была бельмом на глазу Брауни и объектом его гнева, когда он варил, не потерпит, чтобы Брауни приносили жертвы; После этого первая и вторая варки были испорчены, и от них не было никакой пользы, потому что, хотя сусло варилось хорошо, через некоторое время оно перестало работать и остыло; но из третьего бруса, или варки, у него получился очень хороший эль, хотя он не хотел приносить жертву Брауни, с которым после этого они больше не беспокоились." Другая история того же рода рассказывается об одной даме в Уисте, которая по религиозным соображениям отказалась от обычного жертвоприношения этому домашнему духу. Первая и вторая варки не удалась, но третья удалась; и вот, когда Брауни лишился привилегий, к которым так долго привыкал, он покинул негостеприимный дом, где ему так долго верно оказывали услуги. Последним местом на юге Шотландии, где, как предполагается, жил брауни, был Бодсбек в Моффатдейле, ставший предметом занимательного рассказа мистера Джеймса Хогга, гения-самоучки из Этрикского леса.

Однако эти конкретные суеверия слишком ограничены и слишком стерты из памяти, чтобы требовать особого обсуждения. Общая вера в фей уже была рассмотрена нами, но осталось сказать кое-что о другом виде суеверий, настолько общем, что его можно назвать подходящим для человечества в любом климате; настолько глубоко укоренившемся в человеческой вере, что он выживает в тех состояниях общества, когда все другие выдумки

того же порядка полностью отброшены от влияния. Мистер Краббе, со свойственной ему оригинальностью, назвал веру в призраков "последней затянувшейся выдумкой мозга".

На первый взгляд, нет ничего более простого, чем то, что человеческая память должна вспоминать и воскрешать в воображении, в совершенном сходстве, даже саму форму и черты лица человека, с которым мы долго общались, или которые запечатлелись в нашем сознании с неизгладимой силой благодаря каким-то поразительным обстоятельствам, касающимся нашей встречи в жизни. Сыну нелегко забыть облик любящего отца; и по причинам противоположным, но одинаково сильным, лицо убитого человека запечатлевается в памяти его убийцы. Тысяча дополнительных обстоятельств, слишком очевидных, чтобы их перечислять, делают предполагаемое явление мертвых самым обычным спектральным феноменом, который, как считается, когда-либо происходил среди живых. Все, что мы ранее говорили о сверхъестественных явлениях в целом, с особой силой относится к вере в призраков; ведь независимо от того, кроется ли причина заблуждения в возбужденном воображении или в нарушенной органической системе, она обычно проявляется именно таким образом. Поэтому сам Лукреций, самый абсолютный скептик, считает существование призраков и их частые появления фактами настолько неоспоримыми, что пытается объяснить их ценой согласия с классом явлений, весьма непримиримых с его общей системой. Поскольку он не допускает существования человеческой души и в то же время не может осмелиться подвергнуть сомнению явления, которые, как предполагается, преследуют хранилища мертвых, он вынужден принять веру в то, что тело состоит из нескольких оболочек, как луковица, и что самая верхняя и самая тонкая, будучи отделена смертью, продолжает бродить возле места погребения, в точности повторяя лицо при жизни.

Мы уже говорили, что существует множество историй о привидениях, которые мы не считаем нужным оспаривать как самозванство, поскольку уверены, что те, кто рассказывает их по собственному почину, действительно верят в то, что утверждают, и могут иметь на то веские основания, хотя никакого реального призрака в действительности не существует. Поэтому мы далеки от того, чтобы утверждать, что такие истории обязательно ложны. Легко предположить, что на провидца наложился оживший сон, грезы наяву, возбуждение сильного воображения или искаженное представление больного органа зрения; и в той или иной из этих причин, не говоря уже о системе обмана, которая во многих случаях может быть вероятной, мы полагаем, будет найдено решение для всех случаев того, что называют реальными историями о привидениях.

По правде говоря, доказательства таких явлений очень редко подвергаются точному или четкому сомнению. Сверхъестественные истории в большинстве случаев воспринимаются как приятный способ развлечь общество, и тот, кто возьмется оспаривать их достоверность, будет считаться скорее крепким моралистом, нежели занимательным собеседником. Это было бы просто невежеством, подобным тому, как если бы добродушный коллекционер стал оспаривать подлинную ценность древностей, выставленных на обозрение своих гостей. Эта трудность будет еще больше, если компании выпадет редкая удача встретиться с человеком, который сам был свидетелем чудес, о которых он рассказывает; воспитанный и благоразумный человек при таких обстоятельствах воздержится от использования правил перекрестного допроса, практикуемых в суде; а если он все же решится это сделать, то рискует получить ответы, даже от самых откровенных и благородных людей, которые скорее будут направлены на поддержку достоверности истории, которую они обязаны поддерживать, чем на чистое служение неприкрашенной правде. Например, рассказчику задают какой-нибудь малозначительный вопрос о явлении; он отвечает на него,

руководствуясь поспешными предположениями своего воображения, окрашенными верой в общий факт, и при этом часто сообщает о тех мельчайших свидетельствах, которых раньше не было, причем совершенно бессознательно с его стороны. Действительно, нечасто выпадает возможность пообщаться с настоящим охотником за привидениями; однако я и сам встречался с такими случаями, и то у способных, мудрых, откровенных и решительных людей, в правдивости которых у меня были все основания быть уверенным. Но в таких случаях впоследствии возникали оттенки психических отклонений, которые в достаточной степени объясняли предполагаемые явления и заставляли меня всегда испытывать тревогу за здоровье друга, который считал себя свидетелем такого визита.

Ближайшее приближение к точному доказательству в этом случае - слова человека, получившего эту историю, может быть, от того, с кем она произошла, но, скорее всего, от его семьи или друга семьи. Гораздо чаще рассказчик не располагает никакими другими знаниями, кроме тех, что он живет в стране, где произошло событие, или хорошо знаком с внешним видом особняка, внутри которого появился призрак.

По всем пунктам свидетельство такого продавца мистической истории из вторых рук должно подпадать под прецедент, рассмотренный в одном из английских судов. Судья остановил свидетеля, который собирался рассказать об убийстве на суде, как оно было рассказано ему призраком убитого. "Постойте, сэр, - сказал его светлость, - призрак - прекрасный свидетель, и его показания самые лучшие из возможных; но в этом суде его нельзя слушать по доверенности. Вызовите его сюда, и я выслушаю его лично; но ваше сообщение - всего лишь слухи, которые моя должность заставляет меня отвергнуть". И все же именно на основании доверия к одному человеку, который заверяет его в доверии к трем-четырем лицам, последовательно рассказывавшим его друг другу, нас часто заставляют поверить в происшествие, не соответствующее законам природы, как бы ни была приятна наша любовь к чудесному и ужасному.

При оценке истинности или ложности таких историй очевидно, что мы не можем почерпнуть никаких доказательств из того периода жизни общества, когда люди смело утверждали и твердо верили во все чудеса, которые только можно было придумать или выдумать. То, что в подобные истории верят и рассказывают серьезные историки, свидетельствует лишь о том, что самые мудрые люди не могут подняться во всем над общим невежеством своего века. На основании свидетельств таких историков мы можем с таким же успехом верить в предзнаменования древнего или чудеса современного Рима. Например, в "Кларендоне" мы читаем о явлении призрака сэра Джорджа Вильерса одному древнему иждивенцу. Это, несомненно, история, рассказанная серьезным автором, в то время, когда в такие истории верил весь мир; но следует ли из этого, что наш разум должен согласиться с утверждением, столь решительно опровергаемым голосом природы во всех ее произведениях? Чудо воскрешения мертвеца было категорически отвергнуто нашим Спасителем перед иудеями, которые требовали его в качестве доказательства Его миссии, потому что у них уже были достаточные основания для убеждения; и поскольку они не верили им, Божественная Личность, Которую они искушали, неопровержимо утверждала, что они не поверят и в то, что кто-то воскреснет из мертвых. Должны ли мы предположить, что чудо, от которого отказались ради обращения избранного Богом народа, было напрасно послано для спасения жизни расточительного скупердя? Я оставляю в стороне, заметьте, совершенно неразумное предположение, что Тауэрс, или как там звали призрака, желая произвести впечатление на Бекингема, как на старого слугу его дома, мог поддасться искушению дать ему совет, о значении которого нам не говорят, в образе духа его отца, и подтвердить рассказ упоминанием какого-нибудь знака, известного ему как бывшему члену семьи. Герцог был

суеверен и легко поддавался на уговоры астрологов и прорицателей. То, как он вызвал ярость народа, должно было предупредить каждого размышляющего человека о его приближающейся судьбе; и, по мнению эпохи, не было ничего противоестественного в том, что верный друг воспользовался этим способом привлечь его внимание к своему опасному положению. Или, если предположить, что этот инцидент не был простым предлогом, чтобы получить доступ к уху герцога, посланник мог под впечатлением праздного сна - словом, можно построить множество гипотез, чтобы объяснить это событие естественным образом, и самая экстравагантная из них более вероятна, чем то, что законы природы были нарушены, чтобы дать тщетное и бесплодное предупреждение честолюбивому приспешнику.

То же самое происходит со всеми теми историями о привидениях, которые принято называть аккредитованными и рассказывать у костра. Они требуют доказательств. Правда, всеобщее желание верить, а не сила веры, придает некоторым таким историям определенную ценность в обществе. В качестве одной из таких историй я могу упомянуть историю покойного графа Сент-Винсента, который вместе с другом, как говорят, наблюдал целую ночь, чтобы определить причину некоторых ночных беспорядков, происходивших в одном особняке. Дом находился в аренде у миссис Рикеттс, его сестры. В результате бдения его светлости, как говорят, он услышал шумы, не сумев определить их причину, и настоял на том, чтобы его сестра сдала дом. Это реальная история с тысячей различных обстоятельств. Но кто слышал или видел достоверный рассказ графа Сент-Винсента, или его "товарища по часам", или сестры его светлости? И поскольку в любом другом случае для доказательства фактов потребовались бы столь уверенные прямые свидетельства, верить подобной истории на более слабых условиях представляется неразумным. Когда все подробности будут точно установлены и известны, самое время поинтересоваться, нет ли у лорда Сент-Винсента, наряду с другими выдающимися качествами первоклассного моряка, склонности к суевериям; и, кроме того, не может ли его светлость, убедившись в существовании тревог, которые нельзя обнаружить сразу или легко, посоветовать сестре скорее уехать, чем оставаться в доме с привидениями, хотя он может верить, что браконьеры или контрабандисты - самые страшные призраки, которые его беспокоят.

История о двух весьма уважаемых офицерах британской армии, которые якобы видели призрак брата одного из них в хижине или казарме в Америке, также относится к числу тех достоверных историй о привидениях, которые обретают своего рода звание правдивых благодаря упоминанию уважаемых имен тех, кто был свидетелем видения. Но мы не знаем, когда, как и в каких выражениях эта история получила распространение, а также кем и каким образом она была впервые распространена; и среди тех, кто ее цитировал, хотя все согласны с общим ходом событий, едва ли двое, даже из тех, кто претендует на лучшую информацию, рассказывают историю одинаково.

Другая подобная история, в которой используется имя некой состоятельной дамы, видевшей явление в загородном доме во Франции, подтверждается гораздо лучше, чем те, о которых я уже упоминал, и я видел рассказ об обстоятельствах, подтвержденный главным образом заинтересованной стороной. То, что в доме был переполох, кажется несомненным, но обстоятельства (хотя и весьма примечательные), на мой взгляд, ни в коей мере не исключают вероятности того, что переполох и появление явлений были вызваны ловким управлением некоторых озорно настроенных лиц.

Примечательное обстоятельство, когда Томас, второй лорд Литтелтон, предсказал свою смерть в течение нескольких минут, получив информацию о явлении, всегда цитировалось как правдивая история. Но в последнее время стали утверждать и публиковать, что несчастный дворянин заранее решил принять яд и, конечно же, имел возможность

убедиться в исполнении предсказания. Несомненно, необычно, что человек, задумавший покинуть этот мир, решил разыграть своих друзей таким образом. Но все же более правдоподобно, чтобы капризный человек совершил столь дикий поступок, чем то, что посланник был отправлен из мертвых, чтобы сообщить распутнику, в какой именно час он должен умереть.

К этому списку можно добавить и другие истории того же рода. Но достаточно показать, что подобные истории, получившие определенную известность в мире и носящие на своих фасадах авторитетные имена, проходят в обществе беспрепятственно, как векселя через банк, когда на них стоят солидные индоссаменты, хотя, возможно, подписи все-таки подделаны. Действительно, существует нежелание очень внимательно изучать такие предметы, потому что тайный фонд суеверий в груди каждого человека удовлетворяется тем, что считает их правдой или, по крайней мере, побуждает его воздерживаться от того, чтобы оспаривать их как ложные. Несомненно, и то, что происшествия, в которых люди действительно видели или думали, что видели невидимые для других явления, способствуют увеличению числа таких историй, которые, соответственно, иногда встречаются нам в форме правдивости, которую трудно подвергнуть сомнению.

Следующую историю рассказал мне мой друг, мистер Уильям Клерк, главный клерк Суда присяжных в Эдинбурге, когда он впервые узнал ее, теперь уже почти тридцать лет назад, от пассажира почтовой кареты. С согласия мистера Клерка я передал эту историю бедняге Мэту Льюису, который опубликовал ее вместе с балладой о призраках, написанной им на ту же тему. Однако из-за мельчайших подробностей рассказ лучше подходит для прозы, чем для стихов; и тем более, что друг, которому он был первоначально передан, - один из самых точных, умных и остроумных людей, которых я знал в течение своей жизни, я хочу сохранить точную историю в этом месте.

Это было примерно в том богатом событиях 1800 году, когда император Павел наложил свое непродуманное эмбарго на британскую торговлю, и мой друг мистер Уильям Клерк, отправившись в Лондон, оказался в компании в почтовой карете с моряком средних лет и респектабельной внешности, который объявил себя хозяином судна, занимающегося балтийской торговлей и пострадавшего от эмбарго. В ходе неспешной беседы, возникающей в таких случаях, моряк заметил, следуя распространенному суевию: "Я желаю, чтобы нам повезло в путешествии - здесь есть сорока". "А почему это должно быть несчастливим?" - спросил мой друг. "Этого я вам сказать не могу, - ответил моряк, - но весь мир сходится на том, что одна сорока предвещает несчастье, две не так уж плохи, а три - сущий дьявол. Я видел трех сорок только два раза, и один раз я чуть не потерял свое судно, а второй - упал с лошади и был ранен". Этот разговор заставил мистера Клерка заметить, что, по его мнению, он верит и в призраков, раз доверяет таким предсказаниям. "А если и верю, - ответил моряк, - то, возможно, у меня есть на то свои причины"; он говорил это глубокомысленно и серьезно, подразумевая, что глубоко переживает то, о чем говорит. После дальнейших уговоров он признался, что, если верить его собственным глазам, есть по крайней мере один призрак, которого он видел неоднократно. Затем он рассказал свою историю так, как я ее сейчас излагаю.

Наш моряк в молодости был помощником на невольничьем судне из Ливерпуля, уроженцем которого он, похоже, был. Капитан судна был человеком переменчивого нрава, иногда любезным и обходительным со своими людьми, но подверженным приступам юмора, неприязни и страсти, во время которых он был очень жесток, тираничен и жестокосерден. Особую неприязнь он питал к одному матросу на борту, пожилому человеку, которого звали Билл Джонс или как-то так. Он редко разговаривал с ним без угроз и оскорблений, на

которые старик, пользуясь правом, которое моряки получают на торговых судах, был очень склонен отвечать. Однажды Билл Джонс медлил с выходом на верфь, чтобы сдать парус. Капитан, по своему обыкновению, обругал моряка, назвав его жиртрестом, который нажирается, оставляя свои обязанности другим людям. Тот дерзко ответил, что это почти равносильно мятежу, на что капитан в порыве страсти сбегал в каюту и вернулся с мушкетом, заряженным пулями, из которого прицелился в предполагаемого мятежника, выстрелил и смертельно ранил его. Человека спустили со двора, и он растянулся на палубе, очевидно, умирая. Он поднял глаза на капитана и сказал: "Сэр, вы сделали для меня все, что могли, но *я никогда не оставлю вас*". Капитан в ответ поклялся, что он жирный бездельник, и сказал, что бросит его в рабский котел, где готовят еду для негров, и посмотрит, сколько жира он набрал. Мужчина умер. Его тело действительно бросили в рабский котел, и рассказчик заметил с *наивностью*, подтверждающей степень его собственной веры в правдивость рассказанного: "В конце концов, жира в нем было не так уж много".

Капитан сказал команде, что они должны хранить абсолютное молчание о том, что произошло; а поскольку помощник не захотел дать четкое и абсолютное обещание, он приказал заточить его внизу. Через день или два он подошел к матросу и потребовал, чтобы тот сообщил ему о своем намерении отдать его под суд, когда судно вернется домой. Уставший от тесного заключения в знойном климате, помощник честно поговорил с командиром и добился его освобождения. Когда он снова общался с командой, то обнаружил, что они прониклись идеей, неестественной для их положения, что призрак умершего человека появляется среди них, когда они несут вахту, особенно если нужно сдать парус, и в этом случае призрак обязательно появляется на верфи раньше всех членов команды. Рассказчик и сам неоднократно видел это явление, и полагал, что капитан тоже его видел, но некоторое время не обращал на него внимания, а команда, напуганная буйным нравом человека, не решалась обратить на него внимание. Таким образом, они держали курс на родину с большим страхом и тревогой.

В конце концов капитан предложил помощнику, который был теперь в некотором роде благосклонен, спуститься в каюту и выпить с ним стакан грога. Во время этой беседы он принял очень серьезный и озабоченный вид. "Мне нет нужды говорить тебе, Джек, - сказал он, - что за рука попала к нам на борт. Он сказал мне, что никогда не оставит меня, и сдержал свое слово. Ты видишь его только время от времени, но он всегда рядом со мной и никогда не выходит из поля моего зрения. В этот самый момент я вижу его... Я твердо решил больше не выносить этого и покинуть вас".

Матрос ответил, что покинуть судно, находясь вне пределов видимости какой-либо земли, невозможно. Он посоветовал, что если капитан опасается каких-либо плохих последствий случившегося, то ему следует бежать на запад Франции или Ирландии, там сойти на берег и оставить его, помощника, чтобы он привел судно в Ливерпуль. Капитан лишь мрачно покачал головой и повторил свое решение покинуть судно. В этот момент матроса позвали на палубу по какому-то делу, и, поднявшись по трапу, он услышал плеск воды, а взглянув на борт, увидел, что капитан бросился в море с квартер-галеры и несется за кормой со скоростью шесть узлов в час. Когда он уже почти утонул, то, казалось, сделал последнее усилие, наполовину вынырнул из воды, протянул руки к помощнику и воскликнул: "Билл со мной!", а затем утонул, и больше его не видели.

Выслушав эту необычную историю, мистер Клерк задал несколько вопросов о капитане и о том, считал ли его спутник всегда разумным. Моряк, казалось, был поражен этим вопросом и после минутной заминки ответил, что в целом *он достаточно хорошо разговаривает*.

Хотелось бы выяснить, насколько эта необычная история основана на фактах; но недостаток времени и другие обстоятельства не позволили мистеру Клерку узнать имена и даты, которые могли бы в какой-то степени подтвердить события. Если допустить, что убийство имело место, а история была рассказана правдиво, то среди корабельной компании не могло возникнуть ничего более правдоподобного, чем вера в явление; Поскольку капитан был человеком вспыльчивым и раздражительным, маловероятно, чтобы он, жертва угрызений совести, принял участие в ужасных видениях менее заинтересованных лиц, тем более что он был вынужден не сообщать о своих чувствах никому другому; а катастрофа в таком случае была бы лишь естественным следствием суеверных угрызений совести, которые довели столько преступников до самоубийства или виселицы. Если не отдать должное попутчику мистера Клерка, то, по крайней мере, следует признать, что он проявил незаурядный талант к созданию ужасного в художественной литературе. Эта история, если ее правильно описать, могла бы составить состояние романтика.

Не могу удержаться от того, чтобы не рассказать вам в качестве дополнения к этой истории еще об одном случае фантома, сформировавшегося под влиянием вины, который наделал много шума лет двадцать назад или даже больше. Думаю, я достаточно точно изложил подробности, хотя и потерял отчет о судебном процессе. Джарвис Матчем - так, если не ошибаюсь, звали моего героя - служил сержантом в полку, где его так высоко ценили как честного и аккуратного человека, что он получил возможность присвоить значительную часть денег, поступавших в его распоряжение для выплаты жалованья солдатам, вознаграждения новобранцам (тогда это была крупная сумма) и других расходов, входивших в его обязанности. Его вызвали в полк из города, где он проходил службу по набору рекрутов, и, возможно, под некоторым подозрением. Мэтчем понял, что его ждет разоблачение, и дезертировал бы, если бы не присутствие маленького барабанщика, который был единственным из его отряда, назначенным для сопровождения. В отчаянии от своего преступления он решил убить бедного мальчика и, воспользовавшись некоторым запасом денег, скрыться. Он задумал это злодеяние тем охотнее, что барабанщик, по его мнению, был приставлен к нему в качестве шпиона. Он совершил свое преступление и, переодевшись после того, как дело было сделано, долго шел через всю страну к трактуру на Портсмутской дороге, где остановился и лег спать, желая, чтобы его позвали, когда придет первый портсмутский вагон. Официант вызвал его, но долго потом вспоминал, что, когда он тряс гостя за плечо, его первыми словами, когда он проснулся, были: "Боже мой! Я не убил его".

Мэтчем отправился в морской порт на карете и сразу же поступил на службу в качестве трудоспособного сухопутного или морского пехотинца, не знаю уж, что именно. Его трезвость и внимание к долгу снискали ему такое же хорошее мнение офицеров на новой службе, каким он пользовался в армии. Он пробыл на плаву несколько лет и в некоторых случаях вел себя замечательно. В конце концов, судно зашло в Плимут, с ним рассчитались, а часть команды, среди которой был и Джарвис Матчем, уволили как слишком старую для службы. Он и еще один моряк решили дойти до города пешком и выбрали путь через Солсбери. Когда они были уже в двух-трех милях от этого знаменитого города, их настигла буря, столь внезапная, сопровождаемая такими яркими молниями и громом, что упрямая совесть старого грешника начала пробуждаться. Он выразил больше ужаса, чем казалось естественным для человека, знакомого с войной стихий, и начал так дико смотреть и говорить, что его спутник понял, что случилось нечто большее, чем обычно. В конце концов Мэтчем пожаловался своему спутнику, что камни поднимаются с дороги и летят за ним. Он попросил его пройтись по другой стороне шоссе и посмотреть, будут ли они преследовать его, когда он останется один. Моряк согласился, и Джарвис Матчем пожаловался, что камни

по-прежнему летят за ним и не преследуют другого. "Но что еще хуже, - добавил он, подойдя к своему спутнику, и шепотом, с оттенком таинственности и страха, - кто этот маленький мальчик-барабанщик, и какое у него дело так пристально следить за нами?" "Я никого не вижу", - ответил моряк, зараженный суеверием своего товарища. "Что? Не вижу этого мальчишку с окровавленными панталонами!" - воскликнул тайный убийца, до такой степени приведя в ужас своего товарища, что тот призвал его, если у него что-то на уме, поступить по чистой совести, насколько это возможно при исповеди. Преступник издал глубокий стон и заявил, что не в силах больше выносить ту жизнь, которую вел долгие годы. Затем он признался в убийстве барабанщика и добавил, что, поскольку за него было назначено немалое вознаграждение, он хотел бы, чтобы его товарищ передал его в руки судей Солсбери, так как ему хотелось бы, чтобы товарищ по кораблю нажился на его судьбе, которая, как он теперь был уверен, была неизбежна. Преодолев возражения друга против такого способа действий, Джарвис Мэтчем был предан правосудию и полностью признал свою вину. Заключение отрицает свое признание и заявляет о невинности. К этому времени, однако, были получены полные доказательства из других мест. Появились свидетели из его бывшего полка, чтобы доказать его идентичность с убийцей и дезертиром, а официант вспомнил зловещие слова, которые он произнес, когда разбудил его, чтобы посадить в портсмутский вагон. Джарвис Матчем был признан виновным и казнен. Когда его последний шанс на жизнь был исчерпан, он вернулся к своей исповеди и с предсмертным вздохом рассказал, и, как ему казалось, правдиво, о видении на Солсберийской равнине. Можно привести множество подобных историй, ясно показывающих, что под руководством Небес влияние суеверного страха может быть назначенным средством, чтобы привести преступника к раскаянию ради его же блага и к наказанию ради блага общества.

Случаи такого рода многочисленны и легко представимы, поэтому я не буду останавливаться на них дальше, а лучше обращусь к не менее многочисленному классу историй о призраках, в которых явление не мучает настоящего убийцу, а действует очень кружным путем, знакомя какого-нибудь незнакомца или невежественную старуху с подробностями его судьбы, которая, хотя, возможно, и не знакома со всеми сторонами, направляется призраком, чтобы изложить факты мировому судье. В этом отношении мы, конечно, должны допустить, что у призраков, как нам сообщает легкомысленный капитан Гроуз, есть формы и обычаи, свойственные им самим.

Не будет ни назидания, ни развлечения в рассмотрении неуклюжих обманов такого рода, когда грубость самозванства обнаруживает себя. Но иногда происходят случаи, подобные следующему, в отношении которых труднее, по выражению Джеймса Босуэлла, "знать, что думать".

10 июня 1754 года Дункан Териг, он же Кларк, и Александр Бейн Макдональд, два горца, предстали перед Судебным судом Эдинбурга за убийство Артура Дэвиса, сержанта полка Гиза, совершенное 28 сентября 1749 года. Это происшествие случилось вскоре после гражданской войны, угли которой еще дымились, поэтому существовало слишком много причин, по которым английский солдат, заблудившийся вдали от помощи, мог быть в частном порядке перебит жителями этих диких мест. Похоже, что сержант Дэвис пропал без вести на несколько лет, и о его судьбе ничего не было известно. В конце концов, об убийстве стало известно из показаний некоего Александра Макферсона (горца, не говорящего ни на каком языке, кроме гэльского, и присягнувшего под присягой переводчика), который дал следующий необычный отчет о причине своего знания: "Он лежал в постели в своем коттедже, когда к его кровати подошло привидение и приказало ему встать и последовать за ним за дверь. Полагая, что его посетитель - некто Фаркуарсон, сосед и друг, свидетель

сделал то, что ему было предложено; и когда они оказались за пределами коттеджа, явление сказало свидетелю, что он - призрак сержанта Дэвиса, и попросило его пойти и похоронить его останки, которые лежали скрытыми в указанном им месте в болотистой местности под названием Холм Кристи. Он попросил его взять с собой Фаркухарсона в качестве помощника. На следующий день свидетель отправился в указанное место и обнаружил там сильно истлевшие кости человеческого тела. Свидетель не похоронил найденные кости, из-за чего призрак сержанта снова явился к нему и упрекнул в нарушении обещания. В этот раз свидетель спросил у призрака, кто был убийцами, и получил ответ, что его убили заключенные в тюрьме. После этого второго посещения свидетель позвал на помощь Фаркухарсона и похоронил тело.

Фаркухарсон был приведен в качестве доказательства того, что предыдущий свидетель, Макферсон, позвал его на захоронение костей и рассказал ему ту же историю, которую он повторил в суде. Изабель Макхарди, спавшая на одной из кроватей, которые стоят вдоль стены в обычной хижине горцев, заявила, что в ту ночь, когда Макферсон сказал, что видел призрака, она видела, как в дом вошел голый мужчина и направился к кровати Макферсона.

И хотя сверхъестественный инцидент был таким образом подкреплён, а также несмотря на наличие других веских доказательств против заключенных, история о привидении вызвала насмешку над всеми доказательствами обвинения. Вслед за этим адвокат заключенных спросил во время перекрестного допроса Макферсона: "На каком языке говорил призрак?". Свидетель, который сам не знал английского, ответил: "На таком хорошем гэльском, какой я когда-либо слышал в Лохабере". "Довольно неплохо для призрака английского сержанта", - ответил адвокат. Умозаключение было скорее умным и правдоподобным, чем обоснованным, поскольку, признавая явление призрака, мы слишком мало знаем о другом мире, чтобы судить, не могут ли все языки быть одинаково знакомы тем, кто к нему принадлежал. Однако это наложило отпечаток на присяжных, которые признали обвиняемых невиновными, хотя их адвокат и поверенный, а также большинство членов суда были уверены в том, что они совершили убийство. В данном случае вмешательство призрака, похоже, скорее помешало мести, которую, несомненно, хотел получить убитый сержант. Однако объяснить эту загадочную историю можно по-разному, и одним из них может стать следующая догадка.

Читатель может предположить, что Макферсон был осведомлен о факте убийства, возможно, как соучастник или иным образом, а также может предположить, что из сожаления о содеянном или из вражды к тем, кто его совершил, у него возникло желание привлечь их к ответственности. Но во всем Горном Королевстве нет персонажа более отвратительного, чем доносчик, или тот, кто берет так называемые "таскальские деньги", или вознаграждение за раскрытие преступлений. Донос на Терига и Макдональда мог стоить Макферсону жизни, и далеко не исключено, что он прибегнул к рассказу о призраке, прекрасно зная, что суеверные соотечественники простят ему сообщение о поручении, возложенном на него существом из потустороннего мира, хотя, возможно, его убили бы, если бы его рассказ о преступлении считался добровольным. Такое объяснение, в точном соответствии с настроениями горцев на подобные темы, свело бы всю историю к удару по адресу со стороны свидетеля.

Поэтому при рассмотрении правдивости историй о призраках и явлениях в последнюю очередь следует учитывать возможность преднамеренного обмана, будь то со стороны тех, кто является агентом предполагаемых беспорядков, или автора легенды. Мы отдельно рассмотрим пару примеров того и другого.

Самый известный случай, когда человеческое вмешательство было использовано для копирования беспорядков, приписываемых сверхъестественным существам, относится к древнему дворцу Вудстока, когда уполномоченные Долгого парламента спустились, чтобы разобраться то, что в последнее время было королевской резиденцией. Комиссары прибыли в Вудсток 13 октября 1649 года, решив стереть из памяти все, что связано с воспоминаниями о монархии в Англии. Но на пути их следования возникли препятствия, которые, казалось, пришли из другого мира. В их постельные покои наведывалось нечто, напоминающее собаку, но приходящее и уходящее, как не могут делать земные собаки. Деревянные поленья, остатки очень большого дерева под названием Королевский дуб, которые они раскололи на поленья для сжигания, метались по дому, а стулья были сдвинуты и перетасованы. Когда они лежали в постели, ножки их диванов поднимали выше головы, а затем с силой опускали. Траншеекопатели "без желания" летели на их головы по доброй воле. Затем появились гром и молния, которые объяснялись той же причиной. Призраки появлялись, как им казалось, в разных обликах, а один из участников видел явление копыта, которое выбило подсвечник с зажженной свечой на середину комнаты, а затем вежливо поцарапало по красному табаку, чтобы погасить его. Другие и более страшные фокусы были применены к изумленным членам комиссии, которые, посчитав, что на них выпустили всех адских тварей, отступили из Вудстока, не завершив поручение, которому, по их мнению, препятствовали адские силы, хотя противодействие было скорее игривым и злобным, чем опасным.

После Реставрации выяснилось, что все это - проделки одного из членов их собственной партии, который присутствовал в комиссариате в качестве клерка под именем Джайлса Шарпа. Этот человек, настоящее имя которого было Джозеф Коллинз из Оксфорда, прозванный *Веселым Джо*, был скрытым лоялистом и хорошо знал старое поместье в Вудстоке, где он воспитывался до Гражданской войны. Будучи смелым и активным человеком, Джо использовал свои знания о лазах и укромных ходах для того, чтобы использовать уловки, которые он разыгрывал перед своими хозяевами с помощью своих товарищей-доместиков. Личное доверие комиссаров облегчило его задачу, и все отметили, что верный Джайлс Шарп видел самые необычные виды и видения среди всей партии. Неземные ужасы, пережитые комиссарами, с должной серьезностью описаны Синклером, а также, как мне кажется, доктором Плоттом. Но хотя обнаружение или объяснение реальной истории демонов Вудстока также было опубликовано, и я сам видел его, я забыл, существует ли оно в отдельном сборнике, или где его следует искать.

Подобные беспорядки часто происходили, когда было принято верить в подобные забавы невидимого мира и бояться их, и при обстоятельствах, которые побуждают нас удивляться как чрезвычайному беспокойству, которое доставляют агенты этих самозванцев, так и незначительным мотивам, побуждающим их совершать беспричинные злодеяния. Еще большее удивление вызывает наше современное удивление по поводу простых на первый взгляд средств, с помощью которых террор был возбужден до такой степени, что даже самые мудрые и благоразумные люди не избежали его заразительного влияния.

По первому пункту, боюсь, нет более веской причины, чем осознанная гордость превосходства, которая побуждает человека во всех случаях наслаждаться и практиковать все средства воздействия на своих собратьев; к этому можно смело добавить всеобщую любовь к мучениям, столь же характерную для нашей расы, как и для этого благородного подражателя человечности, обезьяны. Именно ей обязан тот восторг, с которым каждый школьник предвкушает последствия броска камня в стеклянную лавку; и ей же мы должны приписать то безотчетное удовольствие, с которым отдельные люди практикуют хитрые

проделки гоблинов, наполняя семью или окрестности тревогой и ужасом, не принося себе никакого удовлетворения, кроме сознания ловкости, если они останутся нераскрытыми, и риска потери характера и наказания, если самозванство будет обнаружено.

В 1772 году в деревне Стоквелл, расположенной неподалеку от Лондона, произошла целая серия операций, начавшаяся на Двенадцатый день и повергшая некоторых ее жителей в неизбежное убеждение, что они были произведены невидимыми агентами. Тарелки, блюда, фарфор, стеклянная посуда и всевозможные мелкие предметы, находившиеся в доме миссис Голдинг, пожилой дамы, внезапно ожили, поменяли свои места, разлетелись по комнате и разбились вдребезги. Подробности этой суматохи были столь же любопытны, сколь тревожны и невыносимы потери и ущерб, причиненные таким необычным способом. Во время этой суматохи молодая женщина, служанка миссис Голдинг, по имени Анна Робинсон, ходила взад и вперед, и ее нельзя было уговорить присесть ни на минуту, за исключением тех случаев, когда семья молилась, а в это время никаких беспорядков не происходило. Эта Анна Робинсон служила у старой леди всего несколько дней, и примечательно, что она с большим спокойствием перенесла это необычное зрелище, на которое другие смотрели с ужасом, и спокойно посоветовала своей хозяйке не тревожиться и не беспокоиться, поскольку с такими вещами ничего нельзя поделать. Это наводило на мысль, что у нее была какая-то причина для такого спокойствия, не противоречащая некоторой связи с происходящим. Пострадавшая миссис Голдинг, как ее можно было бы назвать, заметив такой переполох и разрушение среди своих вещей и имущества, пригласила соседей погостить в своем доме, но вскоре они не смогли вынести вида этих сверхъестественных действий, которые зашли так далеко, что из ценного фарфорового сервиза осталось не более двух чашек и блюдец. Тогда она покинула свое жилище и укрылась у соседа, но, обнаружив, что его имущество захвачено тем же танцем святого Витта, хозяин дома нехотя отказался приютить женщину, которую, похоже, преследует столь странный предмет досады. Подозрения миссис Голдинг в отношении Анны Робинсон укрепились, она уволила служанку, и шум среди ее движимого имущества прекратился сразу и навсегда.

Это обстоятельство само по себе указывает на то, что Анна Робинсон была причиной этих необычных беспорядков, что впоследствии было более полно установлено мистером Брейфилдом, который долгое время после случившегося убеждал Анну сделать его своим доверенным лицом. С этим случаем была связана любовная история, в которой единственным волшебством была ловкость Энн Робинсон и простодушие зрителей. К некоторым предметам посуды она прикрепляла длинные конские волосы, а под другие подложила провода, с помощью которых могла бросать их вниз, не прикасаясь к ним. Другие вещи она ловко разбрасывала, и зрители, не наблюдавшие за ее движениями, приписывали их невидимым силам. Иногда, когда семья отсутствовала, она ослабляла веревки, на которых были подвешены окорока, бекон и другие подобные предметы, так что они падали при малейшем движении. Она использовала несколько простых химических секретов и, обрадованная успехом своих проделок, продвигала их дальше, чем намеревалась вначале. Так была раскрыта вся тайна, которая, известная под именем Стоквеллского призрака, напугала многих благонамеренных людей и стала почти такой же известной, как и история с Петушиным переулком, на которую можно намекнуть как на еще одну самозванку того же рода. Описанные явления столь многочисленны и удивительны, что, когда я впервые познакомился с оригинальной публикацией, меня посетила уверенность, что рассказ, подобно некоторым объявлениям Свифта, был шуточным экспериментом над доверчивостью публики. Но она, безусловно, была опубликована *добросовестно*, и мистер Хоун, со слов мистера Брейфилда, впоследствии полностью объяснил это чудо.⁸⁵

Примечание-->

85 (обратно)

[См. Hone's "Every-Day Book", p. 62].

Многие из этих наваждений были обнаружены, а многие другие успешно скрыты; но знание того, что было обнаружено во многих случаях, дает нам уверенность в том, что во всех случаях причина была главной. Я помню, как под Эдинбургом пытались разыграть подобную сцену, но ее сразу же обнаружил офицер шерифа, из тех людей, чьи привычки недоверчивости и подозрительного наблюдения делают их очень опасными зрителями в подобных случаях. Покойный замечательный мистер Уокер, служитель церкви в Дулотаре, в Мернсе, рассказал мне о любопытном случае самозванства такого рода, которое практиковала молодая деревенская девушка, удивительно быстро бросавшая камни, дерн и другие снаряды с такой ловкостью, что долгое время невозможно было установить ее причастность к беспорядкам, единственной причиной которых она была.

Вера зрителей в то, что подобные сцены беспорядков происходят от невидимых существ, покажется не столь удивительной, если мы рассмотрим обычные подвиги жонглеров или профессоров *legerdemain*, и вспомним, что только частая демонстрация таких способностей примиряет нас с ними как с чем-то само собой разумеющимся, хотя это чудеса, при виде которых во времена наших отцов люди воскликнули бы о колдовстве или чудесах. Кроме того, зритель, которого обманули, выглядит не слишком респектабельно, когда его уличают в ошибке; а затем, если он слишком откровенен, чтобы добавить к доказательствам сверхъестественного воздействия, он все же не желает быть осужденным на перекрестном допросе за то, что ему навязали, и бессознательно склоняется скорее к более высокой оценке правды, чем к согласию с объяснением, основанным на том, что он был слишком поспешным верующим. Очень часто разоблачение зависит от стечения определенных обстоятельств, которые, будучи понятыми, обязательно объясняют всю историю.

Например, однажды я услышал, как один здравомыслящий и умный друг в компании выразил убежденность в правдивости удивительной истории, рассказанной ему умным и смелым человеком, о явлении. Действие происходило в старинном замке на побережье Морвена или острова Малл, где по счастливой случайности жил предсказатель призраков. В семье, когда он ложился отдохнуть, ему дали понять, что комнату, в которой он спит, время от времени тревожат сверхъестественные явления. В то время он не верил в подобные истории и не придавал значения этим намекам, пока в колдовской час ночи его не пробудило от мертвого сна давление человеческой руки на его тело. Он поднял голову и увидел фигуру высокого горца в старинной и живописной одежде своей страны, только брови его были перевязаны кровавой повязкой. Пораженный внезапным и сильным страхом, он готов был вскочить с постели, но призрак стоял перед ним в ярком лунном свете, вытянув одну руку, чтобы схватить его, если он попытается подняться; другая рука была поднята в предупреждающей и серьезной позе, угрожая горцу, если он попытается покинуть свое лежачее положение. Так он пролежал в смертельной агонии более часа, после чего призраку древних дней было угодно оставить его для более спокойного отдыха. Столь необычная история вызвала обычное количество голосов в компании, пока при перекрестном допросе

не выяснилось, что главным действующим лицом был акцизник. После этого всех присутствующих поразило одно и то же объяснение: горцы, живущие в особняке, решили задержать акцизника явлением древнего героического призрака, чтобы скрыть от его бдительности удаление некоторых достаточно современных духов, которых его долг мог призвать к поимке. Одно обстоятельство объясняло всю историю с призраком.

Иной раз случается, что подлость и ничтожность причины, не слишком очевидной для наблюдения, приводит к тому, что ее совершенно не замечают, даже по причине этой самой подлости, поскольку никто не желает признавать, что его встревожила причина, не имеющая большого значения и о которой ему было бы стыдно упоминать. Подобный случай произошел с одним знатным и известным в политическом мире джентльменом, который был замечен благодаря точности своей наблюдательности. Вскоре после того, как он получил наследство и титул, среди его слуг распространился слух о странном шуме, раздававшемся в семейном особняке по ночам, причину которого они не могли установить. Джентльмен решил понаблюдать сам, вместе со своим домашним, который уже состарился в семье и начал странно роптать по поводу того, что стук последовал так близко после смерти его старого хозяина. Они наблюдали до тех пор, пока не послышался шум, к которому они прислушивались с той странной неопределенностью, которая сопутствует полуночным звукам и не позволяет слушателям сразу же отследить их до места, где они возникают, а ночная тишина обычно заставляет придавать им большее значение, чем то, которое они получили бы, смешавшись с обычными дневными шумами. В конце концов джентльмен и его слуга проследили за звуками, которые они неоднократно слышали, до небольшой кладовой, где хранилась разная провизия для семьи, и ключ от которой был у старого дворецкого. Они вошли в это помещение и оставались там некоторое время, не слыша звуков, которые они проследили; в конце концов звук был услышан, но гораздо тише, чем казалось раньше, когда воображение слушателей действовало на расстоянии. Причина была немедленно обнаружена. Крыса, попавшая в старомодную ловушку, вызвала этот шум своими попытками вырваться, в ходе которых ей удалось поднять дверь своей тюрьмы на определенную высоту, но затем она была вынуждена ее уронить. Шум от падения, раздавшийся по всему дому, вызвал беспорядки, которые, если бы не хладнокровное расследование владельца, легко могли бы стать основанием для достоверной истории о призраке. Об этом мне рассказал джентльмен, с которым это случилось.

Есть и другие случаи, когда история о призраке становится правдоподобной благодаря удивительному стечению обстоятельств, которые вряд ли могли произойти и которые никто не мог предположить, если бы не особая удача, послужившая поводом для открытия.

Явление, произошедшее в Плимуте, хорошо известно, но о нем рассказывали по-разному, и, имея некоторые основания считать следующее издание верным, это происшествие настолько соответствует моей цели, что вы должны извинить его вставку.

В названном мною большом морском городе был создан клуб людей, связанных с наукой и литературой. В летние месяцы общество собиралось в пещере на берегу моря; осенью и зимой они созывались в помещении таверны, но для уединения проводили свои собрания в летнем домике, расположенном в саду, на расстоянии от главного здания. Некоторые из членов клуба, которым расположение их собственных жилищ делало это удобным, имели ключ от двери в сад, с помощью которого они могли войти в сад и добраться до летнего домика без огласки и хлопот, связанных с прохождением через открытую таверну. Правилom этого клуба было то, что его члены председательствовали поочередно. Однажды, зимой, президент вечера оказался очень болен, более того, сообщалось, что он находится на смертном одре. Клуб собрался, как обычно, и из чувства уважения оставил вакантным

кресло, которое должен был занять он, если бы был в добром здравии; по той же причине разговор зашел о талантах отсутствующего джентльмена и о том, какую потерю ожидает общество в результате его смерти. Пока они размышляли на эту меланхоличную тему, дверь внезапно открылась, и в комнату вошел президент. На нем был белый халат, на лбу - ночной колпак, и вид у него был как у самой смерти. Он вошел в комнату с необычайной серьезностью, занял освободившееся место, поднял стоявший перед ним пустой бокал, поклонился и поднес его к губам; затем поставил его на стол и вышел из комнаты так же бесшумно, как и вошел. Компания осталась глубоко потрясенной; в конце концов, после долгих замечаний по поводу странности увиденного, они решили отправить двух человек в качестве послов, чтобы узнать, как обстоят дела с президентом, который таким странным образом появился среди них. Они отправились в путь и вернулись с ужасающим известием, что друг, о котором они расспрашивали, скончался тем же вечером.

Тогда изумленная компания решила хранить полное молчание по поводу увиденного чудесного зрелища. Их привычки были слишком философскими, чтобы поверить в то, что они действительно видели призрак своего умершего брата, и в то же время они были слишком мудрыми людьми, чтобы подтвердить суеверие вульгарных людей тем, что могло показаться неопровержимым доказательством существования призрака. Поэтому дело держалось в строжайшем секрете, хотя, как обычно, некоторые сомнительные слухи об этой истории дошли до общественности. Через несколько лет после этого старая женщина, долгое время занимавшая место больной сиделки, сильно заболела, и на ее смертном одре присутствовал медик, член философского клуба. Ему она с выражением сожаления призналась, что давно уже посещала мистера --, назвав президента, чье появление так удивило клуб, и что ее мучают угрызения совести из-за того, как он умер. Она сказала, что, поскольку его болезнь сопровождалась головокружением, ей было поручено внимательно следить за ним во время болезни. К несчастью, она спала, а во время ее сна пациент проснулся и вышел из квартиры. Когда, проснувшись, она обнаружила, что кровать пуста, а пациент ушел, она тут же поспешила из дома на его поиски и встретила его в момент возвращения. По ее словам, она уложила его в постель, но только для того, чтобы он там умер. Чтобы убедить слушателя в правдивости ее слов, она добавила, что сразу после смерти бедного джентльмена депутация из двух членов клуба пришла поинтересоваться здоровьем своего президента и получила ответ, что он уже умер. Это признание объяснило все дело. Бредящий пациент очень естественно выбрал дорогу в клуб, вспомнив о своем ночном дежурстве. Подходя к квартире и выходя из нее, он воспользовался одним из уже упомянутых проходных ключей, что сократило его путь. С другой стороны, джентльмены, посланные осведомиться о его здоровье, добрались до его жилища более окольным путем; таким образом, у него было время вернуться к смертному одру задолго до того, как они добрались до его покоев. Философские свидетели этой странной сцены теперь так же стремились распространить эту историю, как и раньше скрыть ее, поскольку она показывала, каким удивительным образом глаза людей могут оказаться предателями и внушить им идеи, далеко расходящиеся с истиной.

Другой случай того же рода, хотя и не столь поразительный по своим обстоятельствам, все же был тем, который, если бы он остался необъясненным, мог бы сойти за неопровержимый пример сверхъестественного явления.

Фермер из Тевитдейла ехал с ярмарки, на которой он развлекался вместе с Джоном Барлейкорном, но не до такой степени, чтобы бросать вызов гоблинам, как это внушил ему галантный Тэм о'Шантер. Он с некоторой тревогой размышлял об опасностях одинокого путешествия по уединенной дороге, которая проходила через угол церковного двора,

находившегося сейчас неподалеку, когда в лунном свете увидел перед собой бледную женскую фигуру, стоявшую у самой стены, окружавшей кладбище. Дорога была очень узкой, и у него не было возможности обойти явный фантом, который моряки называют широким причалом. Однако это был единственный путь, который вел к дому всадника, поэтому он решил, во что бы то ни стало, миновать явление. Он медленно, насколько это было возможно, приблизился к тому месту, где стоял призрак, а фигура оставалась неподвижной и безмолвной, то размахивая руками, то выкрикивая что-то на луну. Когда фермер приблизился к месту, он нажал на шпоры и пустил лошадь в галоп, но призрак не упустил своего шанса. Когда он проезжал мимо угла, где она сидела, ей удалось заскочить за спину всадника и обхватить его за талию; этот маневр значительно увеличил скорость лошади и ужас всадника, так как рука сидевшей за ним женщины, когда она прижалась к его руке, была холодной, как у трупа. Наконец он подъехал к собственному дому и сказал слугам, пришедшим за ним: "Так аф гаист!". Они унесли женщину в белом, а самого бедного фермера отнесли в постель, где он пролежал несколько недель, борясь с сильной нервной лихорадкой. Оказалось, что женщина была маньячкой, которую очень неожиданно оставил вдовой любящий муж, и природа и причина ее недуга побуждали ее, когда ей удавалось сбежать, забредать на церковный двор, где она иногда безудержно рыдала над его могилой, а иногда, стоя на углу церковной стены, выглядывала наружу и принимала каждого незнакомца на лошади за мужа, которого потеряла. Если бы эта женщина, что вполне возможно, упала с лошади незаметно для того, кого она сделала своим невольным спутником, было бы очень трудно убедить честного фермера, что он не проделал часть своего пути с призраком за спиной.

Существует также большой класс историй такого рода, в которых различные секреты химии, акустики, чрево вещания или других искусств либо использовались для обмана зрителей, либо имели тенденцию к этому благодаря случайности и совпадению. Вряд ли стоит приводить примеры; но можно рассказать следующую историю, рассказанную мне почти тридцать лет назад одним знакомым иностранным дворянином, чья жизнь, потерянная на службе своему государю, оказалась слишком короткой для его друзей и родной страны.

В одном старинном замке на границе Венгрии владыка, которому он принадлежал, решил устроить развлечение, достойное его собственного звания и великолепия старинного особняка, в котором он обитал. Гостей, разумеется, было много, и среди них - офицер-ветеран гусар, отличавшийся храбростью. Когда договаривались о ночлеге, этому офицеру сообщили, что разместить компанию в большом замке будет трудно, если только кто-нибудь не рискнет спать в комнате, где, как считается, обитают привидения, и, поскольку он был известен как человек, не склонный к подобным предрассудкам, ему, как человеку, который меньше всего может пострадать от плохого ночного отдыха по такой причине, в первую очередь предложили эту квартиру. Майор с благодарностью принял это предложение и, разделив праздник вечера, удалился после полуночи, пообещав отомстить любому, кто вздумает какой-либо хитростью нарушить его покой; предполагалось, что его привычки сделают его достаточно готовым к исполнению этой угрозы. Вопреки обычаю, принятому в таких случаях, майор отправился спать, оставив свечу гореть и положив на столик у кровати свои верные пистолеты, тщательно заряженные.

Он не проспал и часа, как его разбудили торжественные звуки музыки. Он выглянул наружу. В нижней части квартиры виднелись три дамы, причудливо одетые в зеленое, которые пели торжественный реквием. Майор некоторое время слушал с восторгом; наконец он устал. "Дамы, - сказал он, - это очень хорошо, но несколько однообразно - не будете ли вы так любезны изменить мелодию?" Дамы продолжали петь; он возражал, но музыка не

прерывалась. Майор начал сердиться: "Дамы, - сказал он, - я должен рассматривать это как уловку с целью запугать меня, и поскольку я считаю это дерзостью, я прибегну к грубому способу ее пресечения". С этими словами он начал орудовать пистолетами. Дамы продолжали петь. Затем он серьезно рассердился: "Я подожду пять минут, - сказал он, - а потом выстрелю без колебаний". Песня не прерывалась - пять минут истекли. "Я все еще даю вам закон, дамы, - сказал он, - пока я отсчитываю двадцать". Это произвело столь же незначительный эффект, как и его прежние угрозы. Он отсчитал раз, два, три; но когда число подошло к концу и он не раз повторил свое намерение стрелять, последние цифры, семнадцать-восемнадцать-девятнадцать, были произнесены со значительными паузами между ними и заверением, что пистолеты взведены. Дамы продолжали петь. Когда он произнес слово "двадцать", он выстрелил из обоих пистолетов в музыкальных дам - но дамы продолжали петь! Майор был потрясен неожиданной неэффективностью своего насилия, и заболел, продлившись более трех недель. Трюк, примененный к нему, можно вкратце описать тем, что хористки были размещены в соседней комнате, а он стрелял только по их отражению, отбрасываемому вперед в ту, в которой он спал, благодаря эффекту вогнутого зеркала.

Другие истории подобного рода многочисленны и хорошо известны. Явление горы Брокен, вызвавшее восхищение и некоторый страх, теперь, как установили философы, является гигантским отражением, из-за которого тень путешественника, представленная на туманных облаках, кажется колоссальной фигурой почти неизмеримых размеров. Подобным обманом в Уэстморленде и других горных странах людям внушали, что они видят конные отряды и армии, марширующие и контрмарширующие, а на самом деле это были лишь отражения лошадей, пасущихся на противоположной высоте, или фигуры мирных путников.

Очень любопытный случай такого рода был сообщен мне сыном главной дамы, и он показывает, из каких ничтожных материалов может иногда возникнуть почтенное видение. В молодости эта дама жила со своим отцом, человеком разумным и решительным. Их дом находился на главной улице довольно большого города. Задняя часть дома под прямым углом примыкала к анабаптистской часовне, отделенной от нее небольшим капустным огородом. Молодая леди иногда предавалась романтической любви к одиночеству, сидя вечером в своей квартире, пока не наступали сумерки и даже темнота. Однажды вечером, расположившись таким образом, она с удивлением увидела блестящую фигуру какого-то воздушного существа, парящего, как ей казалось, напротив арочного окна в торце анабаптистской часовни. Ее голова была окружена тем ореолом, который художники придают католическим святым; и пока внимание молодой леди было приковано к столь необычному объекту, фигура не раз изящно наклонялась к ней, как бы намекая ее присутствие, а затем исчезала. Провидица этого поразительного видения спустилась к своей семье, настолько расстроенная, что вызвала внимание своего отца. Он выяснил причину ее беспокойства и выразил намерение подежурить в квартире следующей ночью. Соответственно, он расположился в покоях дочери, где она также присутствовала. Наступили сумерки, ничего не было видно, но когда серый свет сменился темнотой, на окне показалась та же женская фигура; та же тень, тот же бледный свет вокруг головы, те же наклоны, что и накануне вечером. "Что ты об этом думаешь?" - спросила дочь у изумленного отца. "Все, что угодно, дорогая, - ответил отец, - лишь бы не допустить, что мы смотрим на сверхъестественное". В результате тщательного исследования была установлена естественная причина появления на окне. Пожилая женщина, которой был сдан в аренду сад под домом, имела обыкновение выходить по ночам собирать капусту. Фонарь, который она

несла в руке, отбрасывал преломленное отражение ее фигуры на окно часовни. Когда она наклонялась, чтобы собрать капусту, отражение, казалось, наклонялось вперед, и в этом было все дело.

Другой вид обмана, влияющий на достоверность таких сверхъестественных сообщений, возникает из-за ловкости и мастерства авторов, которые сделали свое дело, чтобы представить такие истории в форме, наиболее вероятной для привлечения веры. Дефо, чья сила в том, чтобы сделать правдоподобным то, что само по себе было совсем наоборот, так своеобразно выделялась, не преминул продемонстрировать свое превосходство в этом виде композиции. Один знакомый книготорговец, по выражению торговца, изрядно перепечатал издание "Дрелинкура о смерти" и пожаловался Дефо на убытки, которые тот мог понести. Опытный букмекер, желая порекомендовать издание, посоветовал своему другу присовокупить к нему знаменитый рассказ о призраке миссис Вил, который он написал по этому случаю с таким привкусом правды, что, хотя на самом деле в нем нет ни крупицы доказательств, которые следовало бы так назвать, он все же был проглочен людьми так охотно, что сочинение Дрелинкура о смерти, которое мнимый дух рекомендовал прочесть ее подруге миссис Баргрейв, вместо того чтобы спать. История, невероятная сама по себе и не подкрепленная ни доказательствами, ни расследованиями, была принята за правду лишь благодаря хитрости рассказчика и добавлению ряда привнесенных обстоятельств, которые ни один живой человек не смог бы представить себе как пришедшие в голову человеку, сочиняющему вымысел.

Чтобы приковать внимание публики к истории о призраках, не потребовалось таланта Дефо, хотя в этом виде сочинений ему нет равных. Джон Дантон, известный в то время писатель, в значительной степени преуспел в том, чтобы навязать публике рассказ, который он назвал "Явление призрака". В ее начале, по крайней мере (поскольку она очень длинная), есть кое-что новое. В Майнхееде, в Сомерсетшире, жила старинная джентльменша по имени миссис Леки, в семье которой проживали единственный сын и дочь. Сын торговал в Ирландии и, как полагали, стоил восемь или десять тысяч фунтов. У них был ребенок лет пяти-шести. Эта семья пользовалась всеобщим уважением в Майнхееде; особенно миссис Леки, пожилая леди, была так приятна в обществе, что ее друзья говорили ей и друг другу, что очень жаль, что такая прекрасная, добродушная джентльменка должна в силу своего возраста скоро потерять своих друзей. На что миссис Леки часто отвечала несколько поразительно: "Поскольку сейчас я вам, похоже, нравлюсь, боюсь, после моей смерти вы не захотите со мной видаться или разговаривать, хотя, полагаю, у вас будет такая возможность". Однако она умерла, и после ее похорон ее неоднократно видели в ее личном облике дома и за границей, ночью и днем.

Рассказывают, что один доктор медицины, гуляя в поле, встретился с этим призраком, который поначалу вежливо обратился к нему и вежливо передал ее через перила. Однако, заметив, что она не шевелит губами, когда говорит, и не смотрит по сторонам, он заподозрил неладное в своей спутнице и выказал желание избавиться от ее общества. Обидевшись на это, карга у следующего столба уселась на него и загородила ему проход. В конце концов он с некоторым трудом пробрался через нее, не обошлось без крепкого пинка и наставления быть внимательнее к следующей пожилой джентльменке, которую он встретил. "Но это, - говорит Джон Дантон, - была мелкая и незначительная шалость по сравнению с тем, что она разыгрывала в доме своего сына и в других местах. В полдень она появлялась на набережной Майнхеда и кричала: "Лодка, лодка, хо! Лодка, лодка, хо!" Если в поле зрения оказывались лодочки или моряки и не подходили, их непременно выгоняли; а если подходили, то все одно - выгоняли". Угодить и обидеть ее было одинаково опасно. У ее сына было несколько

кораблей, курсировавших между Ирландией и Англией; едва они выходили на берег и приближались к Англии, как появлялся этот призрак в том же одеянии и в том же облике, что и при жизни, и, стоя на грот-мачте, дул в свисток, и хотя никогда не было такого сильного штиля, тут же поднимался страшнейший шторм, который разбивал, крушил и топил корабль и товары; только моряки спасались живыми - дьявол не имел разрешения от Бога забрать их с собой. И все же частыми своими явлениями и волнениями она сделала из своего сына бедного купца, так что все его состояние было погребено в море, а тот, кто когда-то стоил тысячи, оказался в очень бедном и низком положении в этом мире; Ибо независимо от того, был ли корабль его собственным или наемным, или у него на борту был только товар на двадцать шиллингов, этот беспокойный призрак, как и прежде, приходил, свистел в штиль на грот-мачте в полдень, когда они видели землю, и тогда корабль и товар шли из рук вон плохо; так что в конце концов он не смог найти ни кораблей, где можно было бы сложить свой товар, ни моряков, чтобы плыть на них; зная, каким неудобным, гибельным и убыточным будет это плавание, они все отказались от его услуг. В доме своего сына она постоянно проводит время днем и ночью; но то ли он не видел ее, то ли не хотел признаться, что видел, он всегда утверждал, что никогда ее не видел. Иногда, когда он лежал в постели с женой, она кричала: "Муж, смотри, вот твоя мать! И когда он поворачивался на правый бок, она уходила налево; а когда на левый бок кровати, она уходила направо; только однажды вечером их единственный ребенок, девочка лет пяти-шести, лежавшая в кровати под ними, закричала: "О, помоги мне, отец! Помогите мне, мама! Бабушка меня задушит!" И прежде чем они успели прийти на помощь своему ребенку, она убила его; они нашли бедную девочку мертвой, ее горло было пережато двумя пальцами, которые остановили ее дыхание и задушили ее. Это было самое тяжелое из всех их несчастий; их имение пропало, а теперь пропал и ребенок; вы можете догадаться об их горе и великой печали. Однажды утром после похорон ребенка, когда ее муж был за границей, около одиннадцати часов, миссис Леки-младшая поднялась в свою комнату, чтобы причесать голову, и, глядя в стекло, увидела, что ее свекровь, старая бельдам, заглядывает ей через плечо. Это повергло ее в ужас; но, опомнившись, она вновь обрела разум, веру и надежду и, вознеся к Богу краткую и тихую молитву, обернулась и обратилась к ней: "Во имя Господа, матушка, зачем ты меня беспокоишь?" "Мир, - говорит свекровь, - я не причиню тебе зла". "Что ты от меня хочешь?" - говорит дочь" и т. д.⁸⁶ Дантон, рассказчик и, вероятно, автор этой истории, продолжает подробно рассказывать о поручении, которое жена мистера Леки получила от призрака, доставить Атертону, епископу Уотерфордскому, виновного и несчастного человека, который после этого умер от руки палача; но эта часть темы слишком неприятна и утомительна, чтобы в нее вдаваться.

Примечание...

86 (возвращение)

["Доказательства явлений"].

Эта история произвела столь глубокое впечатление на жителей Майнехеда, что, говорят, предание о миссис Леки до сих пор сохранилось в этом порту, и морякам, принадлежащим к нему, часто кажется, что во время штормовой погоды они слышат свист непримиримой карга, которая была источником стольких бед для своей собственной семьи. Однако, и без того слишком бестолковая и длинная, она стала бы невыносимо утомительной, если бы я и

дальше настаивал на особом гении, благодаря которому подобные истории могут быть воплощены и продлены.

Однако я могу добавить, что очарование рассказа во многом зависит от возраста человека, которому он адресован; и что живость фантазии, которая заставляет нас в юности пропускать мимо ушей многое абсурдное, чтобы насладиться какой-нибудь одной чертой воображения, угасает в нас, когда мы достигаем возраста мужественности и более печальных и серьезных областей, лежащих за его пределами. Я осознаю это тем сильнее, что в два отдаленных друг от друга периода моей жизни я сам был вовлечен в сцены, благоприятствующие той степени суеверного благоговения, которую мои соотечественники выразительно называют *жутью*.

В первый из этих случаев мне было всего девяносто или двадцать лет, когда мне довелось провести ночь в великолепном старинном баронском замке Гламмис, наследственной резиденции графов Стратмор. Эта древняя громада своим видом и связанными с ней преданиями впечатляет воображение. Это была сцена убийства шотландского короля великой древности; не милостивого Дункана, с которым естественно ассоциируется это имя, а Малькольма Второго. Здесь также находится любопытный памятник опасностей феодальных времен - тайная комната, вход в которую, по закону или обычаю семьи, должен быть известен только трем лицам одновременно, а именно: графу Стратмору, его законному наследнику и любому третьему лицу, которого они могут взять в свое доверие. О чрезвычайной древности здания свидетельствует огромная толщина стен, а также дикое и беспорядочное расположение помещений внутри дверей. Поскольку покойный граф Стратмор редко бывал в этом древнем особняке, он был, когда я там находился, лишь наполовину обставлен, да и то предметами большой древности, которые вместе с висящими на стенах кусками рыцарских доспехов значительно усиливали общий эффект от всего этого. После весьма радушного приема, оказанного мне покойным Питером Проктором, эсквайром, сенешалем замка в отсутствие лорда Стратмора, меня провели в мои апартаменты в дальнем углу здания. Должен признаться, что, услышав, как закрывается дверь за дверью, после того как мой проводник удалился, я начал считать себя слишком далеким от живых и несколько слишком близким к мертвым. Мы прошли через так называемую "Королевскую комнату" - сводчатое помещение, украшенное оленьими рогами и подобными трофеями, и, по преданию, место убийства Малькольма, и у меня возникло представление о близости замковой часовни.

Несмотря на правду истории, вся ночная сцена в замке Макбета сразу же бросилась мне в глаза и поразила мое воображение с большей силой, чем даже когда я видел ее ужасы, представленные покойным Джоном Кемблом и его неподражаемой сестрой. Одним словом, я испытал ощущения, которые, хотя и не отличались ни робостью, ни суеверием, не могли не повлиять на меня до такой степени, чтобы быть неприятными, но в то же время они сочетались со странным и неопишуемым удовольствием, воспоминания о котором доставляют мне удовольствие в данный момент.

В 1814 году случай поставил меня, тогда уже вышедшего из среднего возраста, в ситуацию, несколько похожую на ту, которую я описал.

Вместе с друзьями я совершал увеселительное путешествие по северному побережью Шотландии и в ходе этого путешествия прибыл в озеро с соленой водой под замком Дунвеган, чьи башни, расположенные на хмурой скале, возвышаются над волнами лоха. Поскольку большинство членов нашей группы, и в частности я, были хорошо знакомы с лэрдом Маклеодом, нас приняли в замке с горским гостеприимством, и мы были рады

оказаться в изысканном обществе после длительного круиза. Самая современная часть замка была основана во времена Якова VI; более древняя относится к периоду, "чье рождение традиция не отмечает". Пока нынешний Маклеод не соединил разводным мостом место расположения замка с материковой частью Скай, доступ к нему, должно быть, был крайне затруднен. Действительно, безопасности уделялось настолько больше внимания, чем удобству, что в прежние времена единственный доступ к особняку пролегал через сводчатую пещеру в скале, в которую с морского берега поднималась лестница, подобная тем, о которых мы читаем в романах миссис Рэдклифф.

В таком замке, расположенном в самом конце Горного хребта, конечно же, было много преданий и суеверных легенд, чтобы заполнить периодически возникающие паузы в музыке и песнях, столь же уместных в залах Дунвегана, как и при воспоминании о Джонсоне. Мы осмотрели оружие и древние ценности этой выдающейся семьи, увидели кортик и меч Рори Мхора, а также его рог, из которого могли бы выпить три вождя этих вырождающихся дней. Нельзя забывать и о торжественном кубке человеческих королей, и о сказочном знамени, подаренном Маклеоду Королевой фей; о том волшебном флаге, который победил на двух полях сражений и будет развеваться на третьем, самом кровавом и последнем, когда Эльфийская Владычица, закончив бой, вернет свое знамя и унесет знаменосца.

Среди таких рассказов о древних преданиях я получил от Маклеода и его дамы любезное предложение посетить апартаменты замка с привидениями, о которых я, как чужак, мог бы предположить, что они меня заинтересуют. Соответственно, я завладел ею около часа ведем. За исключением, пожалуй, некоторых гобеленовых вешалок и чрезвычайной толщины стен, которые свидетельствовали о большой древности, ничто не могло быть более уютным, чем интерьер квартиры; но если посмотреть из окон, то вид был такой, что соответствовал самому высокому тону суеверия. Осенний ветер, иногда гоня перед собой туман, проносился по беспокойным волнам озера, которые он то скрывал, то открывал. Волны в диком беспорядке набегали на берег и покрывали пеной отвесные скалы, которые, поднимаясь из моря в форме, чем-то напоминающей человеческую фигуру, получили название Девы Маклеода, а в такую ночь казались неплохими представителями норвежских богинь, называемых Избирательницами убитых или Всадницами бури. В этой сцене было что-то от опасности: на площадке под окнами стояла старинная батарея пушек, которые иногда использовались против каперов даже в последние годы. Вдали открывался вид на ту часть Квиланских гор, которую из-за ее формы называют обеденными столами Маклеода. Голос сердитого каскада, прозванного Кормилицей Рори Мхора, потому что вождю лучше всего спалось в его окрестностях, то и дело раздавался, смешиваясь с нотами ветра и волн. Такова была комната с привидениями в Дунвегане, и как таковая она вполне заслуживала менее сонного обитателя. Говоря языком доктора Джонсона, наложившего печать памяти на это отдаленное место, "я огляделся вокруг и удивился, что не был поражен еще больше; но разум не всегда одинаково готов быть тронутым". Словом, надо признаться, что из всего услышанного и увиденного самым увлекательным зрелищем была удобная кровать, в которой я надеялся искупить вину за несколько тяжелых ночей на корабле и где, соответственно, спал, не вспоминая о призраке или гоблине, пока утром меня не позвал слуга.

Из этого я сделал вывод, что рассказы о привидениях и демонологии устаревают в сорок лет и старше; что только в первой половине жизни это чувство суеверия "надвигается на нас, как летнее облако", вызывая страх, скорее торжественный и ужасный, чем болезненный; И я склонен думать, что, если бы я вообще писал на эту тему, это должно было бы произойти в тот период жизни, когда я мог бы отнестись к ней с большей интересной живостью, и, если

бы я не мог быть поучительным, я мог бы быть, по крайней мере, забавным. Даже нынешняя мода мира, кажется, плохо подходит для исследований такого фантастического характера; и самый обычный механик обладает достаточным образованием, чтобы смеяться над выдумками, в которые в прежние времена верили люди, далеко продвинувшиеся в самых глубоких знаниях эпохи.

Однако я не могу по совести отнестись к здравому смыслу моих соотечественников так далеко, чтобы полностью освободить их от обвинения в легковерии. Те, кто настроен искать их, могут без особого труда заметить такие явные признаки как суеверия, так и склонности верить в его доктрины, что сравнение глупостей наших отцов с нашими собственными не будет бесполезным занятием. У моряков есть пословица, что каждый человек за свою жизнь должен съесть кусок нечистот; и кажется еще более очевидным, что каждое поколение человеческой расы должно проглотить определенную меру глупости. Остается, однако, надежда, что грубейшие пороки наших предков уже устарели и что, в каких бы глупостях ни была повинна нынешняя раса, чувство гуманности слишком распространено, чтобы позволить им думать о том, чтобы мучить несчастных, пока они не признаются в том, что невозможно, а затем сжигать их за причиненные страдания.

КОНЕЦ.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "БАЛЛАНТАЙН, ХЭНСОН И КО. ЛОНДОН И ЭДИНБУРГ.